

8P2
K 642

Георгий
Кондаков

СВЯЗЬ
ВРЕМЕН

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

3 ТМО Т. I млн. 3. 2146—85

472350

7/3

Георгий
Кондаков

СВЯЗЬ
ВРЕМЕН

*Русско-алтайские
литературные связи
дооктябрьского периода*

Горно-Алтайское отделение
Алтайского книжного издательства
1979

ВВЕДЕНИЕ

Русско-алтайские литературные связи зарождаются в дооктябрьский период. Уже тогда с алтайской тематикой связаны такие известные писатели, как Н. Ядринцев, Н. Наумов, В. Шишков, Г. Гребенщиков, П. Драверт, В. Бахметьев, А. Новоселов, Г. Вяткин, чьи произведения дают богатый материал для теоретических выводов и обобщений.

В. И. Ленин писал: «В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная...»¹

Ленинские указания о классовом характере национальной культуры в буржуазном обществе, о наличии в каждой национальной культуре в классовом обществе элементов демократического и социалистического характера являются основополагающими при рассмотрении литературного наследия, связанного с темой Горного Алтая в дореволюционный период.

Русско-алтайские связи дооктябрьского периода свидетельствуют о гуманности и демократичности устремлений русских художников слова и о признании ими самобытной культуры алтайского народа, элементы которой, в частности фольклор, вводятся писателями в литературные произведения с разнообразными идейно-художественными целями.

Множество разнородных литературных фактов определяют характер и принципы исследования. Проблемный подход к материалу дает возможность выявить наиболее важные тенденции в литературном процессе Сибири дореволюционного периода. В работе анализируются такие важные проблемы: Н. М. Ядринцев и культура алтайского народа, М. В. Чевалков и русская литература, перевод как форма идейно-художественного взаимодействия и взаимообогащения русской и алтайской литератур, изображение алтайского народа в произведениях русских писателей как одна из форм литературных взаимосвязей, использование алтайского фольклора в книгах русских художников слова — важнейшее средство идейно-художественного обогащения русской литературы, М. Горький и алтайская тема в русской литературе в дооктябрьский период и другие вопросы.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Изд. пятое, т. 24, М., 1973 с. 120—121.

Произведения русских писателей с алтайской тематикой и первых алтайских литераторов рассматривались и анализировались критиками и литературоведами. Можно назвать статьи и отдельные работы Б. Глинского, Л. Штернберга, П. Медведева, В. Бахметьева, Г. Раппопорта, А. Богдановой, Н. Яновского, Е. Беленького, Д. Герасименко, С. Суразакова, Т. Тюхтенева, З. Казагачевой и многих других. Но исследователи в своих работах фактически не ставили и не решали проблему русско-алтайских литературных связей.

Представленная книга — результат длительного изучения проблемы русско-алтайских литературных связей. В работе обобщены многочисленные факты литературной жизни в Сибири дооктябрьского периода, использованы разнообразные материалы архивов Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Томска, Барнаула, Омска, Горно-Алтайска, а также многочисленные публикации дореволюционной газетной и журнальной периодики.

ПЕРВАЯ ГЛАВА

У истоков

1.

Русско-алтайские связи возникают в далеком прошлом. Известный ученый-историк Л. П. Потапов пишет по этому поводу: «Включение тюрко-язычных племен Алтая в состав Русского государства происходило в течение XVII и первой половины XVIII вв. Для северных и южных алтайцев оно оказалось различным во времени и совершилось при разных обстоятельствах. Так, племена северного Алтая были включены в процесс образования многонационального Русского государства еще в начале XVII в. в связи с освоением русскими огромных почти не заселенных пространств Сибири».

Во второй половине XVIII века (1756 г.) алтайцы добровольно вступили в подданство России. Этот акт имел прогрессивное значение для алтайского народа, открыл для него «перспективу дальнейшего развития», что невозможно было бы в составе Джунгарии или под властью Китайской империи. Л. П. Потапов справедливо считает, что «положение алтайцев как подданных Китая привело бы алтайцев к искусственной изоляции от русского населения предгорий Алтая с его высокой народной культурой», «алтайские племена оказались бы лишены возможности культурного развития и были бы обречены на постепенное угасание и исчезновение».

Поэтому вхождение алтайцев в состав Русского государства было в историческом отношении весьма перспективным событием в том, что это было выходом из того исключительно тяжелого положения, в котором они оказались в результате многовекового господства монгольских феодалов, что «тесное общение алтайцев с русским народом, а местами и совместная жизнь с ним, обогащали и продвигали алтайцев вперед по пути развития культуры».

Не следует забывать и другую сторону этого процесса. Колониальная политика царизма тормозила и искусственно сдерживала прогрессивные тенденции русско-алтайских связей. Царское правительство насаждало среди коренного населения свои формы

эксплуатации, торговцы и промышленники обирали и обманывали алтайцев, миссионеры насильно насаждали среди алтайцев-язычников христианскую веру.

Представители православной церкви использовали все средства, чтобы привлечь алтайское население к христианской религии. Например, Макарий, архиепископ томский, митрополит московский, изучил в совершенстве алтайский язык, часто ездил по станицам алтайцев, вел с ними беседы, переводил на алтайский язык молитвы, псалмы, литургию; даже «сочинял и сам духовные стихи и переводил их» на язык обращенных в православную веру.

Несмотря на притеснения, на экономическое и политическое бесправие, между русскими и алтайцами завязывались самые добрые отношения. Алтайцы учились у русских крестьян хлебопашеству, огородничеству, пчеловодству, птицеводству, строительству изб и многому другому. В то же время русские учились у алтайцев: скотоводству, охоте, сбору некоторых съедобных и лекарственных трав и т. д. Многие русские крестьяне хорошо осваивали алтайский язык. Таким образом, культурно-экономические связи между трудящимися алтайцами и русским трудовым крестьянством носили взаимный характер. Подобный процесс происходил и у хакасов, и других народов Южной Сибири.

Русско-алтайские связи не ограничивались только экономической сферой, они охватывали и разнообразные области народной культуры. В частности, шло активное взаимодействие и взаимообогащение русского и алтайского фольклора. Фольклорные связи, например, проявлялись в использовании алтайцами произведений отдельных жанров устной поэзии русского народа: пословиц, поговорок, песен, частушек, сказок. В свою очередь русские обращались к алтайскому фольклору, особенно широко среди русского населения Горного Алтая бытуют различные легенды, связанные с топонимикой, с различными географическими названиями.

В работе В. Вербицкого «Алтайские инородцы» приводятся факты взаимодействия русского и алтайского фольклора, что особенно убедительно и наглядно проявляется в жанрах народной афористической речи — пословицах и поговорках:

Русский текст

1. У женщины волос долог, да ум короток.
2. Что у трезвого на уме, у пьяного на языке.
3. Не красна изба углами, красна она пирогами.

Алтайский текст

1. Кадыт кижиниг чачы узун, агылы кыска.
2. Суудагы саназын эзригенде тили — былан чигарат.
3. Уюннун яхшизы курьбес, ажи-тузунду курер¹.

¹ «Томские губернские ведомости», 1870, №17, с. 7. Написание сохраняется такое же, как у В. Вербицкого.

Русско-алтайские фольклорные связи — интереснейшая проблема, слабо изученная современными фольклористами. Обогащение алтайского фольклора за счет устной поэзии русского народа шло не только через непосредственные контакты русских и алтайцев, но и через письменные источники. Дело в том, что миссионеры открывали на Алтае школы, которые готовили служителей церкви из коренного населения. Первая такая школа была открыта в 1830 году. На основе русского алфавита была создана у алтайцев своя письменность. В 1869 году в Казани была издана грамматика алтайского языка. Все это в какой-то степени способствовало процессу культурного обмена между народами.

Взаимообогащение шло не только в области фольклора, но и в области языков. Например, в алтайском языке много слов, заимствованных из русского и отражающих процессы экономического и культурного взаимодействия русского и алтайского народов: печке — печь, киске — кошка, седелке — седелка, балалайка — балалайка, сопок — сапог, калада — улей, парата — ворота, деремне — деревня, вилка — вилка, картошко — картошка и т. д.

В свою очередь русские говоры, бытующие на Алтае, обогащались за счет слов алтайского языка, алтаизмов. Они обозначали явления, предметы, отсутствующие в обиходе у русских.

Русские, живущие на территории Горного Алтая, широко используют в своей речи алтайские слова, обозначающие предметы быта (аркан, тюрючок — катушка для ниток, чечой — чашка, арака — молочная водка, курла — ружье, бом — скалистый выступ, талкан — смолотый ячмень и др.), музыкальные инструменты (топшур, икили, шоор, комыс), административные должности, особенности вероисповедания (зайсан, бай, албанчи, кам), названия животных, птиц, растений (куран — козел, соек — мараленок, торбок — бычок от 1 года до 2 лет, бун — козел, тарбаган — сурок, тарал — кедровка, улар — горная индейка, елань — луг, чистое место, кандык, колба — черемша и т. д.). Этот процесс охватывает все сферы хозяйственной и культурной жизни русских.

Алтаизмы, или экзотическая лексика, широко вводятся в художественную речь, выполняя в литературном произведении определенные стилистические функции, в частности, выступая как средство создания национального и местного колорита, что будет рассматриваться в соответствующих разделах работы.

В дореволюционный период постижению алтайской темы в русской литературе предшествовала и способствовала большая исследовательская работа ученых, путешественников, географов, геологов. Иногда этот процесс изучения жизни и быта алтайского народа шел параллельно. В познании горного края, быта и нравов алтайцев, алтайского фольклора и этнографии, в про-

паганде знаний об этом народе значительную роль сыграли такие исследователи, как Г. Миллер, П. Паллас, Г. Спасский, В. Радлов, Г. Потанин, Н. Ядринцев, С. Швецов, Д. Клеменц и многие другие ученые.

Наиболее выдающийся вклад в алтаистику внесли Н. М. Ядринцев, В. В. Радлов, Г. Н. Потанин, В. И. Вербицкий. Их труды по истории Горного Алтая, этнографии, фольклору, языку алтайцев имеют не только теоретическое, но и практическое значение. Научная ценность огромного фактического материала, собранного и обобщенного ими, не утрачена и по сей день. Исследования русских ученых стали надежным фундаментом для последующих поколений историков, этнографов, фольклористов.

В первой главе будут рассмотрены проблемы: научная и писательская деятельность Н. М. Ядринцева, стоящего у истоков русско-алтайских литературных связей; деятельность первого алтайского писателя М. В. Чевалкова и его творческие связи с русскими писателями XIX века; возникновение и развитие перевода с алтайского на русский язык произведений устной поэзии и письменной литературы как важнейшая форма взаимосвязей и взаимодействия русской и алтайской культур.

2

✓ Интересной фигурой XIX века является Н. М. Ядринцев, в деятельности которого воплотились все стороны русско-алтайских литературных связей. Во-первых, он выступал как историк и этнограф, во-вторых, как фольклорист, изучающий и пропагандирующий устную поэзию алтайцев; в-третьих, как писатель, в творчестве которого звучит тема алтайского народа; в-четвертых, именно автор книги «Сибирь как колония» развивает такую форму литературных взаимосвязей, как личные контакты (Н. Ядринцев дружил, вместе путешествовал по Алтаю с алтайским писателем-просветителем М. Чевалковым); в-пятых, Н. Ядринцев вносит большой вклад в дело духовного сближения русского и алтайского народов как переводчик с алтайского. Все это в совокупности дает основание считать деятельность русского ученого и писателя наиболее характерной, наиболее типической для возникающих русско-алтайских литературных связей XIX века. Отсюда вытекает необходимость более обстоятельного анализа научного и литературного наследия Н. Ядринцева, именно той ее части, которая посвящена Алтаю, его народам, его культуре.

Исходя из ленинского учения о культурном наследии прошлого, и должны мы оценивать работы Н. Ядринцева, в которых встречаются не только верные и перспективные положения, но и ошибки и заблуждения, обусловленные тогдашней эпохой и состоянием науки.

Итак, значительный вклад в развитие русско-алтайских литературных связей в дореволюционный период вносит известный сибирский писатель, ученый, общественный деятель Николай Михайлович Ядринцев (1842—1894). Это был энциклопедически образованный человек. Его деятельность, его работы высоко ценили М. Горький и многие выдающиеся люди XIX и XX веков.

М. Горький в «Беседах о ремесле» отмечал, что «очень понравилась книга Ядринцева «Община в тюрьме и ссылке» («Русская община в тюрьме и ссылке», СПб., 1872 — Г. К.). Великий пролетарский писатель в письме к В. Н. Наумовой-Широких, которая работала над книгой мемуаров о сибирских литераторах, советовал: «Она была бы особенно ценной, если б, не ограничиваясь архивом Наумова, Вы дали характеристику сепаративных настроений сибиряков, осветили фигуры Потанина, Головачева, Ядринцева и др».

Н. М. Ядринцев по своим общественно-политическим взглядам был близок Г. Н. Потанину, о чем свидетельствует их длительная переписка, их литературные и научные труды, их общественная деятельность. Но это не отрицает и того, что Потанин и Ядринцев по ряду экономических, политических и культурных проблем высказывались с разных точек зрения. Областные тенденции, проявившиеся в их работах, не только их объединяют, но и дают материал для различной оценки их деятельности. Диалектический подход к деятельности представителей сибирского областничества наблюдаем в трудах Я. Р. Кошелева: «Отсюда следует вопрос историографического содержания: не следует ли нам отказаться от слишком суммарного взгляда на областничество, который еще имеет место в сибирской исторической литературе. Не правомернее ли было бы рассмотреть областничество не как однородное явление, с единым мнением всех его представителей, а как явление, объединяющее под своим знаменем людей, общественные взгляды которых не по всем вопросам совпадали».

Материалы экспедиций по Горному Алтаю, которые Н. Ядринцев совершил в 1878 и 1880 годах с целью изучения колониального движения, этнографии, фольклора народов Алтая, нашли отражение в его книгах «Сибирь как колония» (СПб., 1882), «Сибирские инородцы, их быт и современное положение» (СПб., 1891), в многочисленных очерках и статьях, публиковавшихся в различных периодических изданиях и сборниках.

Особенно значительными были результаты второй поездки Н. Ядринцева на Алтай. Ученый дал подробное описание Телецкого озера со всеми его притоками, реки Чуи и ее притоков, дал план и описание Катунских глетчеров, вел метеорологические наблюдения, собрал материал, связанный с жизнью алтайцев.

Еще дореволюционные исследователи творчества Н. М. Ядринцева отмечали его большие заслуги в изучении народов Сибири и в частности Алтая. Б. Глинский писал: «Присматриваясь во время своих странствований по Алтаю к быту инородцев, он собрал по этому предмету неоценимый материал. Можно поистине удивляться этой способности ученого быстро и в достаточной полноте охватывать предмет и освещать его с точки зрения потребностей времени и науки. Его отчеты по инородческому вопросу не простой конгломерат сухих данных и фактов, но целая картина, где не скрыто ни прошлое, ни настоящее жизни полудиких племен, ни закрыта завеса на их будущее. Ученый подходит к делу не для простого констатирования действительности, но указывает пути развития и совершенствования исследуемого предмета».

Вопрос о национальной политике в Сибири, по мнению Н. Ядринцева, имел общегосударственное и мировое значение, ибо сибирские народы, усвоившие при помощи русской национальности европейскую культуру, могли «оказать великие услуги общечеловеческому прогрессу».

Н. Ядринцев, изучая народы Горного Алтая, ставит перед собой и такие задачи: выяснить, почему инородцы нищенствуют и вымирают, что нужно предпринять для борьбы с этим злом. Выводы, к которым приходит писатель-публицист, отличаются гуманностью, в них виден взгляд прогрессивно настроенного человека. Не зря А. Н. Пыпин считал, что книга «Сибирь как колония» является замечательным трудом сибирской литературы. О многом говорит и тот факт, что за результаты изучения Алтая Н. Ядринцев был награжден Русским Географическим Обществом золотой медалью.

В книге Н. Ядринцева «Сибирь как колония» были обобщены результаты длительных наблюдений и глубокого изучения экономики и культуры огромного сибирского края. В названной работе ученый ставит вопросы о культурных взаимосвязях коренного населения с русскими, о роли цивилизации в культурно-экономическом развитии многочисленных сибирских народов. В предисловии к первому изданию книги автор писал, что трудно «дать полную картину жизни и всех оттенков ее ввиду разнообразия племен и народностей, раскиданных на обширнейших в мире пространствах», и что автор старался «обобщить добытые этнографические наблюдения в различных местностях края».

Работа Н. Ядринцева получила в тогдашней печати весьма высокую оценку. «Отечественные записки» отмечали: «О самой разбираемой книге говорить особенно не приходится. Имя г. Ядринцева настолько известно в нашей литературе, что оно в рекомендациях не нуждается».

Разумеется, что не все мысли, высказанные ученым в работе,

являются верными. Н. Ядринцев, исходя из ложных буржуазных учений о расах, довольно распространенных в тогдашней России, делил народы Сибири на низшие и высшие расы, которые в свою очередь обладают и в разной степени развитой культурой. Но сам фактический материал, использованный в книге, приводил автора к выводу, что процесс взаимодействия русского и народов Сибири — это процесс взаимного обогащения. Н. Ядринцев писал: «Культурное значение славяно-русской национальности при сближении с инородцами должно было обнаруживаться, во-первых, отстаиванием собственных культурных качеств от инородческого влияния, и, во-вторых, влиянием этой культуры на самих инородцев. Но как при всяком сближении, здесь не могло не произойти взаимодействия и вместе с передачею инородцам кое-чего русского, усвоения и многого инородческого. Способностью этой передачи и степенью заимствования от инородцев может измеряться только степень нашего культурного влияния за Уралом. Культурные черты всякого народа выражаются в его бытовом складе, занятиях, привычках, обычаях, мирозерцании, верованиях и языке. Русские принесли с собою, конечно, то и другое».

Н. Ядринцев, исходя из положения, что культура русского народа была выше инонациональной, не отрицал культурного взаимодействия между народами. Ученый приходил к заключению: «Влияние русской народности на инородцев действительно не могло пройти бесследно, но точно также произошло и обратное действие, т. е. русские сами восприняли многое от инородцев. Заимствование инородческой культуры, обычаев и языка русскими на востоке... несомненный факт».

Н. Ядринцев в главе «Инородцы и инородческий вопрос в Сибири» указывает на основные задачи, которые необходимо решать незамедлительно: это вопрос о «дальнейшем существовании инородцев», экономическое и культурное строительство среди народов Сибири, административно-политический аспект, «касающийся гражданского полноправия инородцев и гарантий закона», «вопрос духовного развития и просвещения» народов Сибири, «обеспечение благ высшего человеческого существования». Особенно важным был вопрос о сохранении инородческого наследия, ибо уже ко второй половине XIX века, как утверждает ученый, исчезли такие сибирские племена, как омоки, котты, хойданы, шелаги, анюиты, асаны, аринцы и другие. Автор предостерегает общество, что в Сибири может повториться судьба многих австралийских и американских племен. Н. Ядринцев, считая, что и «быт алтайских калмыков... не представляет ничего отрадного», констатирует: «Посетив Алтай в 1878 и 1880 годах, мы сами убедились, что быт калмыков и черневых татар не улучшается, а ухудшается». На основе этих фактов ученый говорит о трудно-

стях и сложностях разрешения культурного строительства среди народов Сибири; их духовное развитие, развитие просвещения возможно только после соответствующих общественных и политических преобразований.

В главе «Условие разрешения инородческого вопроса» Н. Ядринцев вскрывает ряд социальных и политических причин, тормозящих экономическое и культурное развитие народов Сибири. Ученый анализирует указы Екатерины II, уложение об инородцах Сперанского, находит их «замечательно доброжелательными по духу», таким образом, не видя в этих документах классовой сущности колонизаторской политики России. Ведь сибирским народам ни Екатериной II, ни последующими русскими царями не были представлены политические и гражданские права, царское правительство фактически ничего не предпринимало по просвещению сибирских народов, созданию школ, где бы преподавание велось на родном языке. Автор уповает на то, что «инородческий вопрос» может быть решен соответствующими «законодательными мерами», созданием «культурных условий». Вера в доброго администратора, а не в коренные социальные преобразования в обществе характерна для умонастроения Н. Ядринцева и для его позитивной программы по национальным проблемам. В этом, безусловно, проявилась ограниченность ученого, еще не видевшего истинных путей прогрессивного развития народов Сибири, революционного преобразования их жизни.

Сильная сторона рассуждений Н. Ядринцева проявляется тогда, когда он говорит о фактах, хорошо ему известных. Ученый высоко отзывается об умственных и творческих способностях народов Сибири и Средней Азии: «Киргизы давали даровитых людей и представляют народ, поражающий остроумием и богатством фантазии. Алтайцы отличаются, судя по религиозным воззрениям и умственному складу, не меньшими способностями, чем киргизы; миссионерские попытки просвещения дали образцы весьма способных людей; телеуты же и черневые татары своей склонностью к культуре и оседлости выразили положительно способность к гражданственности». Ученый справедливо считает, что возрождение сибирских народностей, создание общественных условий для проявления их талантов и народного гения принесет свои положительные плоды, и народы Сибири внесут свой вклад в мировую цивилизацию: «Если Сибири суждено будет играть какую-нибудь роль в этом мировом цивилизующем влиянии, то сибирские инородцы, усвоившие при посредстве русской национальности европейское просвещение, могут явиться весьма видными посредниками этой цивилизации...» Далее Н. Ядринцев говорит о «великих услугах», которые могут оказать сибирские народы «общечеловеческому прогрессу». В этом проявляется пер-

спективность исторического взгляда Н. Ядринцева на проблемы национального строительства в Сибири.

Во введении к книге «Сибирские инородцы, их быт и современное положение» (1891) Н. Ядринцев объясняет, почему он в первую очередь обратился к изучению народов, живущих в Алтайских горах и входивших в то время в Томскую губернию: «Район этот избран был самим наблюдателем, как древний центр и исходный пункт угро-алтайских племен, где типы, нравы, обычаи инородцев сохранились в большой чистоте...»

Н. Ядринцев считает, что переход алтайцев на оседлость, к более высокой культуре земледелия особенно успешен был там, где «инородческое население соприкасалось с плотной массой русского крестьянства». В связи с этим ученый пишет: «В некоторых случаях метисация, смешение с русским населением и переход к высшей культуре при нормальных условиях отразились на этих народностях весьма благоприятно. Такой образец перехода к высшей культуре и обрусению представляют, например, инородцы выродившейся Кумышской управы Барнаульского округа, Быстрянской управы Бийского округа и некоторые кузнецкие инородцы».

В то же время Н. Ядринцев подвергает критике деятельность алтайской духовной миссии, которая стремилась перевести кочевников к оседлости искусственно, в принудительном порядке. Переход кочевых населения к земледельческой культуре порой был просто непосильным, так как миссионеры не могли дать алтайцу «никаких технических знаний, доступных крестьянину». По мнению ученого, к оседлости особенно были подготовлены кумандинцы, жившие по берегам р. Бии.

Писатель говорит о тяжелом бедственном положении алтайских племен, о притеснениях, которым подвергаются кочевники со стороны русской администрации и купечества. Он с горечью пишет: «Такова судьба прекрасного, плодоносного и царственного Алтая, лучшего уголка в Сибири по климату и роскошной флоре. Чего ожидать ему в будущем, если обеднение продлится и не придут на помощь ему настоящие культурные и просветительные влияния, и откуда ждать их?» Сам Н. Ядринцев видел спасение от всех бед лишь в административных мерах, хотя все время подчеркивает, что администраторы следят не столько за соблюдением порядков, сколько насаждают беззаконие, обман, наглое попрание человеческих прав. Про управление заседателей (становых) на Алтае сложилась песня, которую приводит ученый: «Как на Чую завалится, никого он не боится». А про купцов родилась такая поговорка: «Отдал торбока, а получил быка», — вскрывающая своеобразную форму эксплуатации.

Н. Ядринцев считает, что первоочередной задачей в улучше-

нии жизни алтайского народа является «ограждение и охранение его жизни, защита от обид, насилий, обманов, а затем, при установлении правильных человеческих и правовых юридических отношений, должно наступить время культурного сближения и подготавливания инородцев к восприятию цивилизаций». Царское правительство не было в состоянии создать благоприятные политические и общественные условия для культурного сближения народов.

В главе «Исследование по истории культуры угро-алтайских племен» Н. Ядринцев на основе многих фактов отстаивает мысль, что в истории инородческой культуры большое значение имел переход от кочевого образа жизни к оседлости и что «лесники», т. е. алтайские племена, живущие в лесах, по своей культуре и ее высоте ближе к русской. Автор пишет: «Мы видим необыкновенную восприимчивость их (лесных кочевников — Г. К.) к оседлой жизни и культуре без всяких насильственных способов, без всяких принуждений, но совершенно естественно. Одно соседство русских деревень и самые простые сношения с крестьянством, обмен и торговля здесь делают мгновенное почти превращение. Лесные кочевники быстро русеют, строят избы, делаются окончательно оседлыми, перенимают русские приемы хозяйства, орудия, русский костюм, обстановку, обычаи...» К этому выводу ученый приходит, наблюдая жизнь кумандинцев и других тюрских племен. По мнению автора, кочевник-скотовод на оседлую жизнь переходит с большим трудом, что объясняется географическими и физиологическими особенностями жизни кочевников в степных и горных районах.

Н. Ядринцев на основе археологических изысканий, исследования языка, народной поэзии, преданий приходит к заключению, что Сибирь, в частности Алтай, была связана с древнейшими центрами мировой цивилизации, что культура древнего Алтая достигала в своем развитии высшей степени, но «позднейшие перевороты и завоевания стерли ее».

Н. Ядринцев утверждает, что между культурой алтайских народов и Азией и Европой существует преемственность: «С продвижением народов и племен в Азии и из Азии в Европу неизбежно должна была следовать и преемственность культуры, преданий, обычаев и верований. Из всего этого видно, какой огромный научный интерес получает историческое, антропологическое и этнографическое изучение в Азии».

Если в книге «Сибирь как колония» Н. Ядринцев опирался на буржуазные учения о высшей и низшей расах, то в новой работе эту расовую теорию ученый называет «пагубной», приводящей ко всевозможным ошибкам и заблуждениям и в конечном итоге тормозящей прогресс человечества, развитие цивилизации.

Все это «мешает установлению более верных научных взглядов и более справедливому человеческому отношению к другим племенам». Расовые теории, говорящие о «неустойчивости», «слабости», «бессилии» сибирских народностей, стремились оправдать «истребление и вымирание инородческих племен», пытались «представить это явлением «неизбежным», как бы социологическим и антропологическим». Ученый подвергает критике субъективистский, идеалистический подход к решению национальной проблемы в Сибири и предлагает свой взгляд по этому вопросу.

Причина, содействующая уменьшению или вымиранию той или иной народности, по мнению ученого, носит чисто экономический характер. Плохие бытовые условия — вот что мешает развитию народов Сибири. Автор приходит к выводу: «Наша литература почти не касалась вопроса об инородцах, часть ее даже проводила теорию, которая была на руку беспечному обществу и ленивой администрации. Теория эта гласила о расах, которым было предопределено продолжать цивилизацию, «плодиться и множиться и населять землю», и о расах, роковая судьба которых заключалась в медленном вымирании. Эта теория освобождала сибирскую администрацию от всяких забот об инородцах».

Исходя из теории о высших и низших расах, буржуазные ученые считали, что сибирские народы не способны «воспринять общечеловеческую цивилизацию», «перейти к высшей культуре», а это в свою очередь приводило ко многим другим заблуждениям и предрассудкам. Н. Ядринцев убедительными примерами, связанными с различными сторонами хозяйственной и культурной жизни народов Сибири, доказывает способность сибирских туземцев к созданию произведений высокого искусства, к техническим открытиям, о чем свидетельствуют многочисленные научные источники, в частности показания китайских историков. Ученый утверждает, что «все инородческие племена имели самостоятельную культуру, обнаружили свои способности и искусства», а это опровергает сложившиеся предрассудки и заблуждения по поводу возможностей культурного развития народов Сибири.

Н. Ядринцев говорит о фактическом отсутствии образования среди алтайцев и других народов Сибири. Существовали лишь миссионерские школы, где на первом плане религиозное обучение. знание молитв, знакомство с церковной службой, обрядами. По мнению ученого, образцовой была миссионерская школа в Улале, где преподавание, богослужение велось на алтайском языке, молитвы переводились на язык коренного населения. После окончания школьного курса у алтайца был один путь — идти на службу миссии. Ученый, говоря о недостатках образования и просвещения среди алтайского народа, пишет: «Между тем, мы видели здесь людей с выдающимися способностями, именно братьев Чувалко-

вых (Чевалковых — Г. К.), из которых один достиг священнического сана. Отец Михаил (М. В. Чевалков — первый алтайский писатель-просветитель — Г. К.) своими познаниями служил для многих путешественников, а именно для Принца, Потанина, ориенталиста Радлова, снабжая их материалами из области народного творчества алтайцев и их мифологии». Другой брат А. Чевалков проявил незаурядные способности в медицине, лечил больных, делал даже операции; знал много разных ремесел, был одарен музыкально. Автор горько жалеет: «Как жаль, что способности подобных людей не имели выхода; из алтайцев и телеутов мы не знаем ни одного, достигшего даже уездного училища, нет ни одного образованного телеута, хотя многие из них совершенно обруселые».

Если отбросить некоторые частные ошибки и заблуждения обусловленные эпохой, в которой жил Н. Ядринцев, то мы должны признать, что ученый в вопросе просвещения и образования народов Сибири занимал позицию передовую, считая, что «просвещение на инородческом языке и знакомство с наукою» не оттолкнут «образованного инородца от русского языка и национальности, но более сблизят его, так как развернувшаяся любознательность заставит его познакомиться не только с жизнью русского просвещенного мира, но и европейского».

Перу Н. Ядринцева принадлежит ряд литературных произведений. Тема Горного Алтая ярко и убедительно прозвучала в таких его работах, как «На обетованных землях (Из путешествия по Алтаю)», «В пустыне (Из воспоминаний о Телецком озере)», «Письма сибиряка из Европы» и во многих других очерках, отличающихся выверенностью чувства и мысли, точностью и правдивостью словесного изображения.

В восторженных описаниях природы Горного Алтая то и дело проскальзывает нота грусти и печали, а то и боли за судьбы человеческие в этом прекрасном мире: «Мы ехали в веселое и чудное утро по алтайской долине. Горные речки сверкали серебром, направо и налево выступали горы с клубящимися по ним облаками. Местами вырастали причудливые утесы, обвитые зеленью. С одной стороны спускались с гор хвойные леса, гребни гор золотились лучами солнца, луга сверкали цветами, трава была роскошная. Вот выбежал ручей; по берегам его были видны сплошные кустарники жимолости, малины и смородины, усеянные гроздьями ягод; белый жасмин, колокольчики, лилии и желтые розы — все это напоминало бухтарминскую флору сибирской Италии. Цветы становились роскошнее. Я увидел целые поля, покрытые мальвами. Это был настоящий лес цветов; они были лиловые и белые в рост мой. Я выскочил из повозки, набрал целый пук этих цветов, образовав чудовищный букет, уселся с ними и смот-

рел в синеющую даль гор. Солнце сияло ослепительно, все было такое праздничное. Никогда, моя родина, я тебя не видел более красивою. Я увидел тебя здесь весенней красавицей, украшенной мальвами, дикими розами, пионами и лилиями; я видел тебя с красотой твоих утопающих в дали гор, с богатством цветущих долин. Здесь ли, кажись, не воспользоваться твоими благами, девственная земля, здесь ли не создать счастья? И вот в такой-то долине, в минуту моих восторгов я был остановлен и пригвожден неожиданной встречей».

Далее писатель с горечью и болью пишет о своей неожиданной встрече в цветущей долине с «жалкой повозчонкой, затянутой рваной парусиной», с сидящей в повозке изможденной и больной женщиной, о разговоре с пожилым крестьянином, ведущим в поводу захудалую лошаденку, спина которой «представляла сплошную язву, как будто ее расклевали вороны. Мужик говорит: «Надсадились (Выделено Н. Ядринцевым — К.). Из Расей шли. Пришли, кормиться нечем, все больные, так и побираемся мало-мало по деревням». Эти слова крестьянина с живым человеческим участием комментирует автор: «Это были новоселы, истощившие свои силы, надсадившиеся. Дойти до обетованной земли и среди этих благословенных мест остаться нищими! Какая насмешка судьбы!»

Н. Ядринцев в своих путевых очерках «Письма сибиряка из Европы» все время сопоставляет картины европейской жизни и природы с Алтаем. Сибирский писатель чувствует себя чужим в центре цивилизации, и он вспоминает своего проводника Джолбогая, сопровождавшего Ядринцева в его путешествиях по Горному Алтаю: «И когда этот забытый образ бедного инородца встал передо мною — я не знаю, но я почувствовал какое-то родство с ним, как и со всей старой знакомой обстановкой моей пустыни. Я почувствовал ту дружбу и связь, которая таинственно соединяла нас когда-то и в которой я сам не отдавал себе доселе отчета. Покидая его, я знал одно, однако, какая у этого Джолбогая была душа, какое нежное сердце. Я припомнил его заботы обо мне, чужом ему иноверце, явившемся в его пустыню. Я испытал его верность, когда он остерегал меня от безумного детского предприятия в горах, я знал даже, какой он был дипломат, когда он выдержал мой гнев и бурю с геройской сдержанностью, как он хитро прикинулся, что он заблудился, чтобы удержать меня от каприза перевалить хребты, где нам угрожала опасность, и как вывел хитро в светлую долину Уймоны, откуда лежала покойная дорога к моим большим городам».

Теплые, задушевные слова находит Н. Ядринцев, вспоминая своего алтайского проводника, видя в нем близкого по духу человека, силу и способность к творчеству. Свои чувства писа-

тель выражает в лирической форме: « Я не забуду твоей услуги, добрый проводник мой, и не буду подражать тем, кто в первобытном человеке и маленьком инородце в своем высокомерии, забыл, что этот первобытный человек также вывел когда-то человеческую историю и культуру из дѣбрей первобытного мира в широкие и счастливые долины нынешней цивилизации».

Добрыми чувствами проникнуты ядринцевские страницы, посвященные человеку и природе Горного Алтая. Путешествуя по Европе, находясь в Швейцарии, писатель вспоминает свой милый край: «Мне показалось, что и эту синеющую горную даль, и ущелья, и камни, и утесы эти где-то я видел. Вон там, где вьется тропинка среди темного леса, что-то мелькает: не черной ли это татарин пробирается на коне, скользя по камням? Мелькнула горная речка. Не Улала ли, или Найма (Майма — Г. К.) шумит это, прыгая по камням? Эти синеющие горы напоминали мне Улалу и первые виды предгорий близ Чергачака! На меня пахло старым знакомым горным воздухом. Неужели я опять там?!»

О связях Н. Ядринцева с алтайским фольклором почти не существует какой-либо литературы. Даже в работах алтайских фольклористов Т. Тюхтенева, С. Суразакова эта проблема ни разу не ставилась, в то время как вклад автора книги «Сибирские инородцы...» в изучение и пропаганду алтайской устной поэзии достаточно велик.

Н. Ядринцев приводит в своем отчете о поездке в Горный Алтай легенду о Телецком озере, которое называется у алтайцев «Алтын-Кель», у монголов — «Алтын-Нор». «Когда-то на это пустынное озеро зашел человек; он был голоден, искал пищи; искал людей, но людей не было; в руках этого человека был огромный кусок золота, но золото было бесполезно в этой пустыне, и он не мог на него купить нескольких зерен ячменя. Тогда этот голодный человек, поняв все бессилие металла, доведенный до отчаяния, в бешеной злобе бросил драгоценный кусок в темные волны глубокого озера и проклял его».

Ученый говорит о горе Алтын-Тау, которая тоже расположена у Телецкого озера и о которой существуют легенды у алтайцев: «Алтын-Тау доселе никем не посещался и считается у калмыков священной горой, которой приносятся жертвы. Два дня усилий мы употребили, поднимаясь на эту гору. Спутником моим был миссионер, отец Михаил Чувалков, и три охотника...» Таким образом, многие фольклорно-этнографические сведения ученый получил от первого алтайского писателя М. В. Чевалкова, отличного знатока быта и нравов алтайцев, человека достаточно высокой культуры по тому времени.

Н. Ядринцев приводит предание об ойротах, которые собира-

ли подать с алтайцев, живущих между Катунью и Телецким озером: «Тогда, говорит предание, явилась женщина, которая пропела песню начальнику ойротов:

Всякий жеребец имеет приплод весной,
А всякий царь собирает дань осенью.

Это убедило ойротов изменить время сбора дани».

По мнению исследователя, в легендах и поверьях отражались действительные исторические факты, то время, когда алтайцы платили дань ойротам, которые по русским источникам известны как джунгары. Советский историк Л. П. Потапов считает, что «память об ойротском периоде сохранилась у алтайцев в многочисленных преданиях и легендах об «ойротском времени» (Ойрот-хан тужында)».

Н. Ядринцев очень часто включает фольклорный материал в свои литературные работы, подчеркивая тем самым свое отношение к устной поэзии алтайцев. Так, в очерке, названном «В пустыне», приводится легенда о знаменитом Телецком озере. Отталкиваясь от народной легенды, Н. Ядринцев задумывается о смысле жизни, счастья, о будущем дикого края: «Этот первобытный миф дикаря, полный своего философского смысла, заставлял задуматься. Простой миф искал связи с тем мифом цивилизации, где господствует богатство, роскошь, великолепие, но где человек нередко испытывает те же чувства. Много людей искало счастья и благополучия в том же куске обольстительного металла после того, как его бросил в озеро отчаявшийся в нем первобытный человек. Найдено ли это счастье?»

Во время путешествия по Горному Алтаю Н. Ядринцев довольно часто слушал рассказы местных жителей о том, как и почему называется та или иная гора, река, озеро. В статье «Умственное развитие и объем познаний первобытного человека, выясняемые взглядом на историю угроалтайцев» — писал: «Когда я был на Телецком озере, мне указывали на горы и говорили: «это гора Алтын-Туу (отец), а это его сын, это сноха и т. д.» И этот отец, и сын, и сноха (коледу) — не аллегория, не поэтический образ, а так живут горы. Мне прислана целая история и ряд легенд о жизни этих гор, как они женились и ссорились. Я их тоже напечатаю».

Легенды о горах, которые упоминает Н. Ядринцев, были собраны В. И. Вербицким, к ним в свое время автор книги «Сибирь как колония» написал предисловие, в котором пытался через устную поэзию выяснить мирозерцание сибирских народов, отмечая поэтическую силу народных фантазий. «Бия и Катунь (Хатунь), как известно, у алтайцев олицетворение мужчины и женщины: женщина хотела перебежать дорогу мужчине. Это

одушевление рек и сравнение их с двумя кипучими жизнями, под конец слившимися в одну спокойную реку, показывает, сколько образной поэзии заключается в этих легендах».

Н. Ядринцев так же, как и Г. Н. Потанин, не соглашался с нигилистическими высказываниями отдельных ученых о том, что у сибирских народов нет и не было культуры, что это вымирающие племена. Ученый, публицист отстаивал свой взгляд, он страстно писал: «Но ведь у этих народов была своя культура, которую я изучаю, свой прогресс, свое приращение к жизни; они шли своими шагами к той же цели...»

В другой статье Н. Ядринцев пишет: «Сравнительные изыскания привели нас к заключению, что в древние времена инородческая культура в Сибири имела более совершенное развитие и достигла высшей степени, но позднейшие перевороты и завоевания стерли ее, и нынешний инородческий быт отступил и сохраняет лишь отчасти древнее искусство народов».

По мнению ученого, особенности языка и фольклора сибирских народов дают возможность судить об их историческом пути, о развитии их культуры «Филологические изыскания сделали уже важные шаги в исследовании алтайских тюркских наречий. Язык, народная поэзия и предания представляют здесь богатый материал».

В докладе «Значение кочевого быта в истории человеческой культуры» Н. Ядринцев отмечал: «Звероловный быт и охота имели целую историю, которая отразилась в привычках, инстинктах, в самом культе и мировоззрении человечества. Прошли тысячелетия, а мы сохраняем еще героический эпос этой эпохи. Ум человека так вошел в жизнь зверя, что не только очеловечил, но обоготворил его». Например, у алтайцев и других народов существует культ медведя.

Ученый, исследуя кочевую культуру, приходит к выводу, что она оказывала влияние на развитие нового мирозерцания, потому что «кочевник стал обладать уже известным досугом, который дал ему возможность философствовать, творить, создал богатую фантазию, поощрил мечтательность и создал поэзию». Кочевники длительное время были шаманистами, одухотворяли природу, стихию и создали «причудливую мифологию, не уступавшую греческой».

Алтайцы поклонялись не только горам, но и воде, деревьям (кам-агаш), которые назывались священными, огню и т. д. Н. Ядринцев записал заклинание, посвященное огню. Ученый называет это заклинание гимном, полным выразительности и образной мощи:

Зубы оскалившее пламя.
О тридцати головах матушка-огонь,

Твои уши зубчаты и муравлены,
О сорока головах девице ты мать.
В хвосте твоём блещет перламутр.
Девыцы смотрят и завидуют тебе.
В твоих ушах есть колодец,
И лебедь пьет из него.
Зола из толкана — постеля тебе,
Белая пыль — тебе подушка,
Таган тебе служит опояской,
Семь раз оброненный огонь — гнездо,
Вместо матери ты кормишь.
Под землю твоей плод,
Небо тебя родило, огонь-матушка,
Сырое ты варишь, мерзлое растопляешь.

Н. Ядринцев говорит о том, что духовная жизнь алтайцев ярко и убедительно выражается в устной поэзии, что «фантазия алтайца изукрасила окружающую природу образами и антропоморфизировала ее». Ученый в подтверждение своей мысли приводит легенды о горе Алтын-Туу, о реках Бии и Катунь, о чудовище-людоеде Тельбегене, о бурундукке и др. Исследователь делает вывод: «Таким образом, вся природа одушевлена. Алтай можно сравнить с древней Грецией, где... горы, воды и реки имели свою жизнь, мифологическими божеествами наполняли эту природу, она имела язык и вверяла свои тайны детскому сердцу дикарей».

Н. Ядринцев пишет о жанровом богатстве устной поэзии Алтая: «У алтайцев существует песня, сказка и героическая поэма». По мнению исследователя, «песня алтайца полна первобытного чувства и фантазии». Кроме того, писатель отмечает у алтайских певцов способность к импровизации, умелое использование национальных музыкальных инструментов (топшур, икили, комыс).

Политическая и литературная газета «Восточное обозрение», которую редактировал Н. Ядринцев, поддерживала ученых, исследовавших культуру народов Сибири. На страницах этого издания были высказаны слова признания в адрес Г. Н. Потанина, В. В. Радлова. В одном из номеров газеты говорилось: «С точки зрения этнографии записанные впервые г. Радловым с таким старанием и в таком громадном количестве произведения народного творчества этих племен — сказки, предания, поверья — раскрывают перед нами живую картину внутренней и духовной жизни немалочисленных, подавленных Россией народов и независимо от интереса, какой они представляют для научных сравнений и выводов, имеют еще, несомненно, важное значение, как средство ознакомления с духовным бытом этих племен, — ознакомления, необходимого для всех тех, на обязанности которых лежат заботы об улучшении этого быта путем просвещения».

Фольклор в понимании Н. Ядринцева — это средство раскрытия внутреннего мира человека, представителя другой национальности, средство раскрытия его духовной жизни. Изучение инонационального фольклора имеет не только теоретическое значение, но и практическое. Освобождение угнетаемых царской Россией народов невозможно без знания их культуры, в частности устной поэзии.

По мнению Н. Ядринцева, устная поэзия для алтайца-кочевника — не только искусство, но и история родного народа: «Весь жизненный опыт предшествовавших поколений, вся история культуры, история племен сохраняется у него не в книгах, а в преданиях, легендах, сказках; каждое новое событие дает повод к новому творчеству. Как мы иллюстрируем книгу, придаем ей литературное содержание, художественную форму, так и он украшает повесть жизни жемчугом своей фантазии; отсюда вытекают изящество и пластика мифа. В выработке формы изложения также нет недостатка, поэтическая форма здесь также выработана и звучит в размерных строфах и созвучиях. Рифмованный рассказ сопровождается музыкой, и сказка рассказывается под звук инструмента. Творчество не исчезло среди этих народов, новые события дают пищу ему и импровизации».

Алтайские мифы и легенды дают богатый материал для сопоставлений с европейской и азиатской мифологией. Н. Ядринцев в связи с этим пишет: «Богатое собрание легенд в Монголии и Алтае, собранное Г. Н. Потаниным в обширный том, снабженное сравнением этих легенд с европейским и азиатским мифом, открывает любопытнейшую сторону древнейших верований. Первобытный миф, потерянный для человечества, сохраняется здесь во всей чистоте».

Снова страстно и убежденно Н. Ядринцев проповедует свою любимую мысль, что сибирские народы способны на создание истинных жемчужин поэтического творчества, отличающихся подлинным изяществом художественной формы и содержания. Вне всяких сомнений, что эти ядринцевские идеи носили и носят прогрессивный характер. Так мог мыслить человек, стоящий на передовых позициях.

При изучении инонационального фольклора, этнографии Н. Ядринцев ставил разнообразные задачи. Э. Пекарский в статье «К деятельности Н. М. Ядринцева» приводит программу изучения Ядринцевым Якутии: составление словарей якутского языка, запись сказок и мифов, песен, пословиц и поговорок. Широка программа Ядринцева и по изучению Горного Алтая. Известно, что русским ученым записаны отдельные произведения алтайского героического эпоса, некоторые песни, которые впоследствии публиковались в различных изданиях.

Н. Ядринцев впервые записал героическое сказание алтайцев «Алтай-Бучай» и передал Г. Н. Потанину, а тот опубликовал его в своей книге «Очерки Северо-Западной Монголии». Н. Ядринцеву принадлежат публикации ряда алтайских песен: «Алтай» («Восточное обозрение», 1883, 28 июля), «Малотравен мой Алтай родной», «Гусь мой серый, ты куда летишь?» («Восточное обозрение», 1883, 12 мая) и др. Таким образом, ученым проделана значительная работа по изучению и пропаганде произведений устной поэзии алтайцев.

Н. Ядринцев всячески способствовал другим исследователям, занимавшимся алтайским фольклором, помогал публиковать их фольклорный материал. Большую помощь, например, ученый оказал В. Вербицкому в публикации его легенд о горах, которые нами уже упоминались. Напечатано 17 легенд. Оказывал помощь Г. Н. Потанину в изучении и сборе произведений устной поэзии народов Сибири.

Литературная работа, научно-исследовательская деятельность Н. Ядринцева способствовала развитию прогрессивной традиции: русско-алтайские культурные связи складывались на почве гуманного и заинтересованного отношения к судьбе малого народа, к судьбе его богатого поэтического наследия.

Научное и литературное наследие Н. Ядринцева — это интереснейший материал, в котором отразились все формы русско-алтайских литературных взаимосвязей: изучение истории, этнографии, фольклора алтайцев, сочувственное изображение алтайского народа в литературных произведениях, личные контакты с первым алтайским писателем М. В. Чевалковым, переводческая работа и т. д. Следовательно, творческая деятельность сибирского публициста и писателя — прообраз будущих отношений между представителями русской и алтайской культур.

Политическая и научная ценность трудов Н. Ядринцева, посвященных Горному Алтаю, заключается в первую очередь в том, что исследователь помог выработать наиболее передовой подход к изучению культурного наследия алтайцев и других народов Сибири. Русские писатели Н. Наумов, В. Шишков, В. Бахметьев, Г. Вяткин опирались на эти традиции.

3.

Тема Алтая все чаще и чаще звучит в русской литературе, все больше ученых обращаются к изучению культурного наследия алтайцев в дореволюционный период. Важна и другая сторона процесса: алтайский народ после добровольного присоединения к России в 1756 году выдвигает литераторов, которые создавали свои произведения на алтайском и русском языках. Первым алтайским писателем является Махаил Васильевич Чевалков (1817—1901).

Перу М. Чевалкова принадлежат статьи, стихотворения, басни, поэма, автобиографическая повесть. Основные его труды таковы: «Нравоучительные статьи» (Казань, 1881), «Поучительные статьи в стихах на алтайском языке» (Томск, 1893) и др. Ряд произведений на алтайском и русском языках опубликованы в периодической печати, особенно значителен его автобиографический очерк «Жизнь Чевалкова» («Чоболкоптин дьюрюми»), включенный в книгу академика В. В. Радлова «Образцы народной литературы тюркских племен» (1866).

Дореволюционная история национальных литератур малых народов имела много сходного в своем историческом развитии. Появление первых книг и произведений письменной литературы на родном языке связано с деятельностью миссионеров, вынужденных в силу объективных обстоятельств вести религиозную пропаганду средствами, наиболее близкими аборигенному населению. Подобное явление отмечается и в других национальных литературах, появившихся до Великого Октября, например в осетинской.

Следует оговориться, что первые произведения алтайской письменной литературы были связаны не только с миссионерской деятельностью на Алтае, но и публиковались в изданиях, далеких от религиозной направленности. В этом отношении любопытные факты дают личные контакты ученого В. Радлова и писателя М. Чевалкова.

Интересной формой русско-алтайских литературных связей в дооктябрьский период является публикация не только произведений устной поэзии алтайцев, что делали В. Радлов, Н. Ядринцев, Г. Потанин, В. Вербицкий, но и первых опытов письменной литературы. Русские ученые предоставляли место, например, для произведений М. Чевалкова, в свою очередь алтайский писатель оказывал помощь многим русским фольклористам и писателям.

С 1859 по 1869 год начинается десятилетний период в научной деятельности В. В. Радлова, который биографы назовут алтайским. Во время путешествий по Горному Алтаю в 1860 году Радлов заезжает в Улалу, знакомится с Вербицким, отличным знатоком алтайского языка. Здесь же ученый встретился «с замечательным в своем роде человеком, который стал спутником и деятельным помощником в его дальнейших путешествиях». Им был телеут М. В. Чевалков, «грамотный и очень способный инородец».

М. Чевалков был приглашен в Барнаул и всю зиму занимался с В. В. Радловым, обучал его алтайскому языку. Во время этих занятий алтайский писатель «составил замечательную автобиографию, которую Радлов впоследствии увековечил в первом выпуске своих «Образцов народной литературы тюркских племен». Вместе с Чевалковым Радлов совершил путешествие к телеутам и алтайцам Западного Алтая (Телецкое озеро). Помощь, которую

оказал М. Чевалков В. Радлову, исключительно важна и по-настоящему не оценена до сих пор.

В. Радлов в своей книге «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи» писал: «Большая часть телеутских текстов записаны мною под диктовку инородцев. Доставлением текстов: пословиц, биографии Чевалкова, некоторых из легенд, переводов с русских басен и части песен импровизированных — обязан я Чевалкову». Таким образом, алтайский писатель помог ученому правильно записать многие сказки, легенды, песни, пословицы и поговорки.

«Образцы» В. Радлова включали в себя не только обширный фольклорный материал, получивший достаточно полную оценку современных фольклористов, но и первые материалы собственно письменной литературы алтайцев (повесть М. Чевалкова). Кроме того, В. Радлов публикует в своей книге два письма М. Чевалкова к автору работы. Вне всяких сомнений, эти крупинцы эпистолярного наследия алтайского писателя имеют определенную научную ценность.

Приведенные факты говорят о рождении в XIX веке такой формы русско-алтайских литературных взаимосвязей, как переписка, которая особенно широкий размах получит в советское время. Но переписка М. Чевалкова с В. Радловым интересна и поучительна тем, что она велась на алтайском языке, ибо ученый в совершенстве владел многими тюркскими языками.

Творчество М. Чевалкова дает возможность поставить некоторые интересные проблемы русско-алтайских литературных связей. Уже в этот период проявляется значительная роль великой русской литературы. Первый алтайский писатель М. Чевалков испытывал литературное влияние прогрессивных русских писателей, в частности И. А. Крылова, выдающегося мастера самого демократического жанра, жанра басни. Чевалков первым в алтайской литературе делает ряд переводов произведений замечательного русского баснописца, а потом создает свои оригинальные басни, в которых опирается на опыт русского баснописца и на устное творчество алтайского народа.

М. Чевалков перевел на алтайский язык басни И. А. Крылова «Стрекоза и Муравей», «Петух и Жемчужное зерно», «Лебедь, Рак и Щука», «Собачья дружба», «Ворона и Лисица», «Крестьянин и Работник» и другие. Характерен сам выбор басен для перевода. Алтайский писатель берет те произведения русского поэта, которые близки по своему духу и бытовому колориту алтайскому народу, которые отличаются ясностью замысла и его художественного исполнения, отличаются глубокой поучительной мыслью, остротой социальной характеристики. Именно эти качества переводимых басен полюбились алтайскому читателю, а не то, что они «ино-

«сказательны» и что в них даны «образы животных», ибо это изначальные качества басенного творчества. Крыловские басни оказались созвучными с миропониманием алтайцев, поэтому они и получили признание алтайского читателя и слушателя.

Итак, в дореволюционный период развивается такая форма литературных взаимосвязей, как перевод. Переводятся не только произведения устной поэзии, но и некоторые произведения письменной литературы. Например, автобиографический очерк М. Чевалкова «Жизнь Чевалкова» переведен на русский язык Макарием Невским и опубликован в журнале «Православный благовестник» в 1894 году под названием «Памятное завещание».

«Памятное завещание» М. Чевалкова можно считать первой автобиографической повестью в алтайской литературе. Хотя чевалковское произведение включает в себе определенный религиозный момент, ценность его состоит в том, что в «Завещании» приводятся интересные исторические факты, любопытный материал по этнографии и фольклору алтайцев, характерные бытовые детали и т. д.

Некоторые русские писатели, изображая алтайский народ, не видели в нем социального расслоения. «Памятное завещание» М. Чевалкова дает в этом отношении уникальный материал. Обратимся к тексту: «Тубинцы (тубалары, живущие в верховьях Бии — Г. К.) подобны стаду без пастуха: кто у них богат, того они и почитают как начальника; а кто беден, те, как запуганные рабы, боятся суда. У них бедняки не приносят жалоб на обиды, боясь суда. Когда я спросил: «Почему вы не объявляете суду о ваших обидах?» — они ответили: «Как просить суда тому, у кого нет больших табунов скота и денег в суммах!» Они боязливы, как зайцы, и молчаливы, как рыба. «Мы народ с законом не знакомый, что мы можем знать? Начальникам нашим нравятся речи только тех, кто добывает черного соболя, убивает жирного зверя».

В «Памятном завещании» используется устная поэзия алтайцев, далекая от религиозной направленности. Писатель с любовью рассказывает о тиргешском (кержешском) племени, занимавшемся рыбной ловлей на Телецком озере. От рыбаков-алтайцев М. Чевалков услышал и записал такую песню:

Как прекрасно Золотое озеро
С своим расстилающимся белым туманом!
Как вкусна рыба его,
Которой кормит оно народ свой!
Как прекрасны горы его,
Покрытые сплошь черным лесом.
Как тучны стада зверей его,
Коими он питает народ свой!

Приведенные примеры — свидетельство того, что М. Чевалкова интересовали многие факты социально-общественного харак-

тера, что находило отражение в «Памятном завещании» и других его произведениях.

Следовательно, в творчестве М. Чевалкова так же, как и в деятельности Н. Ядринцева, проявились характерные тенденции для тогдашнего литературного процесса. Литературная работа Чевалкова дает нам право говорить о таких сторонах взаимодействия, как благотворное влияние русской литературы на творчество алтайского писателя, как личные контакты алтайского литератора с русскими учеными и писателями Н. Ядринцевым, В. Радловым, Г. Потаниным, В. Вербицким и другими, как перевод Чевалковым басен И. А. Крылова на алтайский язык и перевод чевалковских произведений на русский язык, как переписка и другие формы русско-алтайских литературных связей.

4.

Традиция перевода произведений устной поэзии алтайцев возникает в XIX веке и получает свое развитие в работах крупных русских фольклористов В. Радлова, Г. Потанина, Н. Ядринцева, В. Вербицкого... Именно эти ученые и писатели определили основные закономерности перевода с алтайского как формы взаимосвязей русской и алтайской культур.

Переводчики В. Вербицкий, В. Радлов в совершенстве владели алтайским языком и его многими диалектами, в результате чего научная и практическая ценность переводов этих ученых возрастает.

Значительный вклад в дело перевода внес В. Вербицкий. Его книга «Алтайские инородцы» (1893), которая включает все жанры алтайской устной поэзии: пословицы, поговорки, загадки, песни, легенды, сказки, — уникальное явление. Книга В. Вербицкого так же, как и «Аносский сборник» Н. Никифорова, пользовалась большой популярностью среди писателей, которые очень часто обращались к работам именно этих фольклористов.

В. Изотов в своей книге «История всемирной литературы в общих очерках, биографиях, характеристиках и образцах» (1877) приводит несколько примеров лирической поэзии алтайцев. Автор «Истории» дает характеристику мирозерцания алтайцев, стремится проникнуть в их творческий метод, творческую лабораторию, объяснить причины удивительных, фантастических образов, которые созданы воображением древнего кочевника: «Первобытные жители Алтайских гор держались шаманства, соединенного с самыми грубыми суевериями. Незнакомство с законами природы заставляло их в каждом естественном явлении видеть чудо или присутствие волшебной силы. В языке их не было слов для ясного выражения мыслей, но в песнях и сказках преобладают чу-

довищные создания воображения, вечно находившегося в страхе перед вмешательством сверхъестественного в их жизнь...»

Отмечая верно некоторые особенности устной поэзии алтайцев, В. Изотов неправильно делает вывод о том, что в языке их не было слов для ясного выражения мыслей». В. Вербицкий, наоборот, отмечает богатство, выразительность алтайских песен, легенд, сказок, следовательно, и языка произведений алтайской устной поэзии. Вот небольшой отрывок из алтайского предания о конце света, слова которого и в подстрочном переводе отличаются эмоциональной энергией и выразительной мощностью:

...Головка слизуна будет стоять головы человека,
Слиток золота с конскую голову
Не будет стоять чашки хлеба.
Под ногами будет валяться золото,
Но брать его будет некому.

В. Изотов в своей «Истории» приводит образцы любовной лирики алтайцев:

Что дороже всего
В темном черном лесу?
Дороже всего
Соболь на четырех лапках.

Что дороже всего
В этом многочисленном племени?
Дороже всего девушка
С четырьмя косами.

Еще один пример народной лирики:

Как полевой огнецветник,
Весной горит мое сердце.
Как птица, пролетающая весной,
Стремится к ней мое сердце.

Как огонь осенью —
Горит мое сердце.
Как птица, пролетающая осенью, —
Печально мое сердце.

Хотя В. Изотову и кажется странным наличие у неграмотного алтайца любовной лирики, но сами песни, яркие и выразительные, — свидетельство незаурядного дара народных певцов, слагавших строки радости и печали.

Свой вклад в дело перевода внес Н. Ядринцев. Его переводы алтайских народных песен отличались точностью и добротностью литературного текста, носили художественный характер. Как уже отмечалось, автор книги «Сибирь как колония» выступал пропагандистом устной поэзии любимого Алтая. На страницах газеты «Восточное обозрение», которую он редактировал, печатается много фольклорного материала. Там же опубликована теленгитская песня «Алтай»:

Царь-Алтай! С высоты кочевых облаков
Треугольным ты кажешься взору;
А с боков, словно грани их, девять углов
За горой выдвигают там гору.

Разветвился, как плеть, и извилист хребет
Чудных гор моего царь-Алтая;
Солнце всходит на нем и сверкает заход,
Будто в синих волнах утопая.

Много крови лилось, много думалось дум
За Алтай мой — красу на полмира, —
Отчего же теперь ты стоишь так угрюм?
Где корона твоя и порфира?

Точно серым ковром ты окутался весь,
От роскошных лесов оголенный...
Где ж величье твое? Где краса твоя днесь?
О, Алтай мой, Алтай разоренный!..

Алтайские фольклористы Т. Тюхтенев, С. Суразаков считают, что этот перевод принадлежит академику А. Н. Веселовскому. В «Восточном обозрении», где было опубликовано это произведение, переводчик не указан. В предисловии к сборнику «Сибирские мотивы» (Спб., 1886) говорилось: «...мы не могли игнорировать строфы, которые находили об этом крае у таких выдающихся поэтов...» Далее называются имена Пушкина, А. Толстого, Некрасова, Огарева, Марлинского, Садовникова и других авторов. Д. Садовников — один из псевдонимов Н. Ядринцева. Он в «Сибирских мотивах» под этим своим псевдонимом опубликовал три стихотворения: «Алтай», «Стрела», «Три брата». Этот факт еще раз свидетельствует, что академик А. Н. Веселовский не был переводчиком приведенной алтайской народной песни.

Перевод по своему содержанию близок к оригиналу, сохранены самобытные образы, отмеченные алтайским колоритом: «Царь-Алтай! С высоты кочевых облаков треугольным ты кажешься взору; а с боков, словно грани их, девять углов за горой выдвигают там гору»; «Разветвился, как плеть, и извилист хребет...» Песня «Алтай» в оригинале состоит из силлабических стихов, Н. Ядринцев при переводе народного произведения использует силлабо-тонический размер (четырёхстопный анапест: «Царь-Алтай! С высоты кочевых облаков» и трехстопный анапест: «Треугольным ты кажешься взору».) Ядринцевские традиции будут продолжены и другими русскими поэтами, в частности Г. Гребенщиковым, Г. Вяткиным.

Таким образом, в XIX веке возникают и развиваются параллельно две тенденции перевода устной поэзии алтайцев, два принципа: научный (В. Радлов, В. Вербицкий, Г. Потанин) и художественный (Н. Ядринцев, Г. Потанин, Г. Гребенщиков). Разумеется, что эти два принципа подхода к переводу произведе-

дений устно-поэтического творчества взаимодействуют, взаимовлияют друг на друга.

Принципы алтайской переводческой школы, возникшей в XIX веке, будут продолжены последующими поколениями ученых и писателей. Переводами произведений устной поэзии алтайцев будут заниматься Г. Гребенщиков, Г. Вяткин, П. Казанский, а в советское время И. Ерошин, А. Коптелов, И. Мухачев, А. Смердов, Е. Стюарт и многие другие.

* * *

Рассмотренный материал позволяет сделать выводы о характере зарождения и развития русско-алтайских литературных связей XIX века. Приведенные факты свидетельствуют о разнообразности литературного взаимодействия.

Литературное наследие Н. Ядринцева дает основание говорить о том, что русский писатель в своем творчестве опирался на разнообразный инонациональный материал, через который раскрывались различные формы литературных взаимосвязей: изображение алтайского народа, изучение и введение в произведения алтайского фольклора, личные контакты с первым алтайским писателем М. Чевалковым, перевод произведений устной поэзии алтайцев.

Писательский опыт М. Чевалкова, его стихотворные и прозаические произведения — пример, свидетельствующий о благотворном влиянии великой русской литературы. Басенное творчество И. А. Крылова оказало безусловное влияние на формирование идейно-художественных принципов алтайского баснописца. Творческая деятельность М. Чевалкова так же, как и Н. Ядринцева, разнообразна: алтайский писатель-просветитель выступал как переводчик и пропагандист произведений русских художников слова, оказывал значительную творческую помощь русским ученым и писателям в изучении и переводе на русский язык произведений алтайского фольклора и т. д.

В XIX веке сформировалась традиция перевода с алтайского на русский язык как произведений устно-поэтического творчества, так и письменной литературы, в частности произведений М. Чевалкова. Алтайская переводческая школа XIX века обладала безусловными достоинствами, которые состояли в том, что переводчики (В. Радлов, В. Вербицкий) были не только высокообразованными людьми своего времени, но и в совершенстве владели алтайским языком, что сказывалось на научном и качественном уровне перевода.

ВТОРАЯ ГЛАВА

Зерна дружбы

Тема народов России имеет давние традиции в русской литературе. Российское государство было многонациональным по своему составу, поэтому вполне естественно, что русские художники слова внимательно изучали жизнь других национальностей и народностей и изображали их в своих произведениях с демократических и гуманистических позиций. У истоков этих гуманистических традиций стоят русские писатели-классики А. Пушкин, М. Лермонтов, Л. Толстой.

Изображение народов нашей страны в русской литературе — важнейшая часть проблемы идейно-художественного взаимодействия и взаимообогащения национальных литератур. Этому вопросу посвящены многочисленные работы. К сожалению, некоторые исследования носят обзорно-тематический характер, не ставят вопросы теоретического порядка, слабо анализируются вопросы художественного метода и литературного стиля, создания национального характера.

Традиция передовой русской литературы развивается и творчески продолжается в лучших произведениях русских писателей, обращавшихся к изображению жизни алтайского народа. Это особенно хорошо видно на примере творчества Н. Наумова, В. Бахметьева, В. Шишкова, на примере их «алтайских» произведений.

Показу жизни и быта алтайского народа посвящено немало романов, повестей, рассказов, очерков, поэм, стихотворений. Не все, написанное о Горном Алтае, выдержало испытание временем, поэтому в своем конкретном анализе будем опираться на книги, представляющие безусловный интерес в идейном и художественном отношении, сохраняющие свое идейно-эстетическое значение и по сей день. Но литературный процесс — это ведь не просто история развития и становления гениев и талантов, это процесс включающий в себя весьма разнородный художественный материал. Следовательно, мы будем обращаться и к таким литературным фактам, которые имеют порой негативное значение, обращаться к произведениям, в которых алтайская тема не нашла должного идейно-художественного решения.

Нельзя представлять алтайскую тему в русской литературе как сугубо местную, локальную. В журнале «Сибирские огни» в свое время было сказано: «Тема об Алтае не областная, а мировая тема (разбивка наша — Г. К.)» Действительно, эта проблема включает в себя аспект и социально-политический, и эстетический, и художественный. Своими художественными образами представителей алтайского народа русские писатели утверждали гуманистические и прогрессивные социально-эстетические идеалы, утверждали равенство и братство между народами.

Разработку алтайской темы, ее художественное осмысление в русской литературе нельзя представить и как прямую линию, развивающуюся по восходящей. Этот идейно-художественный процесс освоения инонациональной темы развивался диалектически и определялся в первую очередь историческими условиями, самой действительностью, самой жизнью алтайского народа, его социально-экономическим положением в дореволюционный период и советское время. Учитывая этот объективный фактор, мы не должны сбрасывать со счета условия субъективного характера, имеющие первостепенное значение в художественном творчестве, в развитии и решении тех или иных литературных проблем, — мировоззрение и талант писателя.

Вне всяких сомнений, проблема не может решаться с чисто социологических позиций, но при ее рассмотрении мы будем опираться на социальный анализ. С другой стороны, алтайская тема не может быть проанализирована, исследована только с точки зрения эстетической. При конкретном разборе литературных произведений мы будем опираться на социально-эстетический анализ, ибо такой подход может быть наиболее плодотворным.

Истоки алтайской темы уходят в далекое прошлое. Исследование и изучение Горного Алтая и народов, населяющих его, началось еще в XVIII веке. Примерно в это время появляются и первые литературные произведения, имевшие характер путевых очерков и этнографических зарисовок. Следовательно, более чем за два столетия накоплен огромный фактический материал, нуждающийся в соответствующем осмыслении.

В трудах классиков марксизма-ленинизма по национальному вопросу определены основные закономерности отношений между народами как в области экономической, так и духовной жизни. Равноправие — вот главный и основной марксистский принцип взаимоотношений между нациями и народностями. К. Маркс в предисловии к первому изданию «Капитала» писал: «Всякая нация может и должна учиться у другой».¹ Именно в свете таких идей будем рассматривать интересующие нас проблемы.

¹ К. Маркс и Ф.Энгельс. Соч., изд. 2, т. 23, с. 10.

О взаимоотношениях русских с алтайцами повествует роман Леонида Петровича Блюммера (1840—1888) «На Алтае», который впервые был опубликован в журнале «Заря», а в 1885 году вышел отдельным изданием. В предисловии от издателя говорится, что настоящая книга представляет собой «первую часть романа «Около золота», который должен был состоять из четырех частей. Замысел этот полностью не осуществлен. В анализируемой книге рисуется быт золотопромышленников, тяжелый труд рабочих на сибирских приисках, даются образы представителей алтайского народа. Действие первой части романа Л. Блюммера происходит в алтайской тайге в 30-е годы прошлого столетия.

Роман Л. Блюммера — произведение, в котором образ человека другого народа дается лишь в этнографическом плане, без глубокого психологического анализа. Этот принцип изображения инонациональной действительности наблюдается во многих произведениях русской литературы, посвященных показу народов России. Это объясняется тем, что для более полного и глубокого раскрытия национального характера необходимы знания не только этнографии, но и самой жизни алтайского народа, его психологии. Отсюда и нехитрые приемы изображения алтайцев. Например, Л. Блюммер обращается к приему контраста, встречающемуся и у Н. Ядринцева, и у Н. Наумова: с одной стороны, прекрасная и богатая природа Алтая («А вокруг — что за богатства! Чего только нет! Лес, хлеб, олово, медь, свинец, серебро, золото, малахит, драгоценные камни! Какие залежи каменного угля, этого золота XIX века! Какой зверь... какая рыба...»), а с другой, бедность народа, который живет на берегах сказочного озера и жизни которого не коснулась цивилизация («А что за бедность в действительности! Вот становище инородцев, телеутов. Какие-то первобытные шатры, наскоро сколоченные и обтянутые шкурами: вверху отверстие, через которое проходит едкий дым; в чуме тесно и грязно, холодно и сиротливо»). Этот прием использовался и другими писателями при изображении жизни алтайского народа, правда, его идейно-художественная насыщенность несколько иная.

Этнографический подход к изображению жизни другого народа не дает возможности писателю углубиться в психологию человека, ибо на первом плане оказываются экзотические сцены. Такова глава «Телеут и старовер», в которой показана экзотическая сцена встречи алтайца, вооруженного луком и стрелой, с медведем.

Но объективности ради следует отметить, что у Л. Блюммера встречаются робкие попытки психологической характеристики образов алтайцев. Вот беглый русский рабочий Фролов помогает телеуту убить медведя, но сам получает рану. Телеут, знакомый с народной медициной, быстро перевязал Фролову рану, приложив

медвежьего сала. «Все это делалось с такою живою радостью, с таким благодарным покорством, что Фролова чуть не прошибла слеза». Между ними возникает чувство дружбы, доверия друг к другу. Фролов, воспитывавшийся в течение всей своей жизни в ненависти к людям другой нации, вынужден был воскликнуть: «Вишь ты, татарва, а чувствует... Ведь тоже, значит, божье создание!» Простой русский человек, затуманенный политикой «разделяй и властвуй», впервые понял, что и дикий житель гор наделен теми же чувствами, что и он, впервые Фролов увидел в ино-родце человека.

Л. Блюммер задумывается о будущем горного края, о будущем народа, населяющего эти дикие места: «Тогда же уголки великого русского мира, которые теперь безмолвно дышат дикою, девственною прелестью, первобытною чистою красотой, те уголки, где пока только дикий зверь изредка топчет мягкую мураву, пьет из кристальных ключей, — зашумят кипучею людскою деятельностью». Писатель не видит тех социальных сил, которые могут вдохнуть жизнь в эти дикие и благословенные места.

Роман Л. Блюммера «На Алтае», несмотря на свои художественные просчеты, слабый психологический анализ героев, особенно алтайцев, схематизм, показал две тенденции во взаимоотношениях русских и алтайцев: прогрессивную (образ Фролова) и реакционную (образ Егория). Именно эта сторона романа наиболее ценна, ибо писатель объективно и сочувственно рисует представителей малого народа, т. е. продолжает передовую традицию русской литературы в изображении жизни народов национальных окраин.

Изображению алтайского народа посвящает свои произведения Николай Иванович Наумов (1838—1901), литературным отцом которого был Н. Г. Чернышевский, опубликовавший первый рассказ писателя «Случай из солдатской жизни» в 1859 году. Писатель-народник, Наумов глубоко сочувствовал трудящимся массам, был близок к обществу «Земля и воля», что свидетельствует о его революционной настроенности. Г. В. Плеханов писал: «В семидесятых годах Н. И. Наумов пользовался огромной популярностью в самых передовых слоях нашей народнической (тогда самой передовой) интеллигенции. Его произведениями зачитывались».

Горному Алтаю Н. Наумов посвятил очерк «Горная идиллия» (1880), в котором писатель выразил свои прогрессивные взгляды по национальному вопросу, и рассказ «Сарбыска» (1894). Г. В. Плеханов считал очерк наиболее зрелым и совершенным произведением.

Исследуя в очерке жизнь алтайцев, подвергавшихся двойной эксплуатации со стороны русских и алтайских богатеев, Н. Наумов на первый план выдвигает не этнографическое, не экзотиче-

ское начало, хотя он много внимания уделяет описанию алтайских жилищ, свадебных обрядов и т. д., — а социологический момент. В этом отношении «Горная идиллия» отличается острой аналитичностью, критицизмом, четкостью в расстановке социальных акцентов. Это в первую очередь проявляется в социальных рекомендациях, носящих прогрессивный характер. Н. Наумов писал: «Только честные и разумные отношения к инородцам администрации, внимание к их нуждам, беспристрастное ограждение их интересов от развращающих влияний эксплуататоров, а главное — развитие среди них грамотности и доступ в Алтай свободной крестьянской колонизации, трудолюбивая жизнь которой будет служить для них благотворным примером, как это мы видим на оседлых инородцах, живущих в среде крестьян, могут улучшить их быт и положение. В противном случае, повторяю еще раз, они будут постепенно вымирать и вымирать от голода, как неизбежного последствия наглых обманов и грабежа, скрывающихся под именем «торговли».

Аналитичность очерка проявляется и в том, что Н. Наумов выступает как ученый-исследователь, внимательно анализирующий факты несправедливости, жестокой эксплуатации местного населения, стремится к объективности оценки. Писатель предоставляет слово русскому крестьянину Никите Еремину, женатому на алтайке: «Жаль, даже очень жаль инородцев! Свояки, ведь, теперь они мне доводятся по жене-то... Хороший они народ, сударь, если разобрать их по качествам ихним, особливо черневые татары или теленгуты, как зовут они себя... С ними ежели дело какое вести, сударь, то записей не надо иметь: ежели он взял у вас копейку, так он в десять лет не забудет своего долга, и помянуть ему не надо, сам привезет. Только разоренный уж народ... нищие!»

Н. Наумов как писатель-аналитик вскрывает подоплеку взаимоотношений русских торговых людей с алтайцами и горцами, показывает истинное лицо купца-хищника. Писатель неопровержимо доказывает это конкретными фактами, подкрепляя их цифровыми выкладками: «...за 50 кирпичей чаю купец покупает на Алтае пару маральных рогов; на деньги они обойдутся ему в 75 р. с.. Затем эти рога он продает на реке Чуе уже за сто кирпичей чаю, что равняется 150 р. с. На эти деньги он снова покупает на Алтае 80 годовалых телят, которых оставляет у продавца для безвозмездной пастьбы, и по истечении трех лет получает от него 80 штук взрослых скотин, которые, считая средним числом по 10 руб. за голову, составляют капитал в 800 руб. с.»

Писатель-демократ протестует против «злоупотребления купцов в торговле с теленгутами», подчеркивая, что алтайцы «обременены такими неоплатными долгами, погасить которые мало де-

сятков лет; а между тем, за долги эти давно уже уплачены ими суммы в десять, если не в двадцать, раз больше». Таким образом, Н. Наумов в своем очерке дает точную и реалистическую картину социального положения алтайского народа.

Заслуга Н. Наумова состоит в том, что он не просто изображает народную массу, не выделяя из нее никого индивидуально, а стремится раскрыть конкретные характеры, конкретных представителей алтайского народа. Это необходимо писателю для решения социальной задачи: он показывает классовое расслоение внутри алтайского народа. Колоритно изображен в «Горной идиллии» инородец Назар Степанович Куртегешев — порождение тех социальных и политических обстоятельств, которые сложились на Алтае в конце XIX века.

Отрицательный образ Куртегешева — большое социально-художественное обобщение, типический характер. Н. Наумов для раскрытия истории становления алчного хищника и кулака отбирает наиболее выразительные штрихи, и перед нами вырастает незаурядная и опасная фигура нового эксплуататора.

Н. Наумов, рисуя образ Куртегешева, раскрывает наиболее яркие эпизоды его социальной биографии. Вот Куртегешев — «бедный инородец... в работниках жил, и не раз был бит за воровство», но «парень он верткий, не дурак...» Карьера его началась с того, что он становится переводчиком (толмачом) у исправника Канаева, который по заслугам оценил Куртегешева и научил мошенничать, обманывать своих сородичей.

Писатель подробно и обстоятельно раскрывает средства и приемы, которыми пользовался Куртегешев, грабя и притесняя свой народ (обман, спаивание алтайцев, использование фальшивых ассигнаций, обременительные налоги, сдача куртегешевского хлеба беднякам под проценты и т. д.). В грабеже и формах эксплуатации сородичей Куртегешев превзошел русских чиновников и купцов, оказавшись более хитрым и изворотливым: «Первый теперича Назар Степаныч: ведь это истинная пагуба инородцев, сударь, — говорит Никита Еремин. — У него все черневые инородцы в неоплатном долгу. Он им задает хлеб, порох, свинец для охоты на зверя, денег для уплаты ясака, и инородцы ни у кого другого не смеют брать хлеба, как только у него».

Так, постепенно Куртегешев превращается в местного царька, пользующегося неограниченной властью. По мнению крестьянина Никиты Еремина, все «инородцы, от малого и до большого, убеждены что Назар Степаныч — всемогущий человек, что Назара Степаныча сам белый царь знает». В это и сам Куртегешев уверовал: «Там царь, а здесь я заместо его. Читите и вы меня, а то ху-у-удо будет вам. Меня и чиновники все чтят и боятся. Я все могу сделать. Мне только письмо царю отписать, и все будет по-моему».

Неумолимый социальный анализ помогает раскрыть Н. Наумову психологию и хищническую натуру Куртегешева, хитроумно использующего все средства, ведущие к обогащению. Чтобы укрепить свою позицию, он строит на деньги, собранные у инородцев, церковь, за что получает золотую медаль, что в свою очередь повышает его «авторитет» в глазах алтайцев.

Создание типического характера Куртегешева — значительное художественное открытие Н. Наумова. Таким образом, в русской литературе с алтайской тематикой рождается интересная традиция, которая будет продолжена другими художниками слова, например, В. Шишковым, В. Бахметьевым.

Наблюдается и некоторая односторонность в раскрытии Н. Наумовым типического характера. Писатель сосредоточивает свое внимание на социальной сущности Куртегешева, меньше внимания обращает на индивидуализацию образа, что обусловлено особенностями очеркового жанра.

В алтайских произведениях Н. Наумова проявилось хорошее знание не только жизненного материала, но и того, что было написано об алтайском народе. Н. Наумов ссылается на труды В. Радлова, Н. Ядринцева, ведет полемику с некоторыми утверждениями В. Вербицкого и других ученых, считавших, что отрицательные качества алтайцев («склонность к пьянству», антисанитарное состояние жилища, нечистоплотность и др.) имеют генетический характер. По мнению писателя, пьянство — это качество не врожденное, следствие социальных причин. Русские чиновники и купцы, чтобы обогатиться, систематически спаивали коренное население, что хорошо показано в очерке «Горная идиллия». Н. Наумов стремится подчеркнуть, выделить положительные черты алтайцев: их свободолюбие, честность, гостеприимство, радушие, почтение и уважение к старшим, терпеливость.

Но Н. Наумов в своем социологическом исследовании не был до конца последовательным. Он писал: «Племена эти отличаются еще одной крайне замечательной нравственной чертой, подмеченной среди как кочевых, так и оседлых инородцев. У них бедняки всегда живут на счет своих богатых собратьев». Писатель не увидел за этой внешней формой внутреннего содержания, социальной подоплеки, скрывающей истинные, далеко не братские отношения между членами одного рода. Подобные отношения вскрываются в произведениях Г. Гребенщикова («Любава»), В. Шишкова («По Чуйскому тракту»), да и наумовский образ Куртегешева опровергает эту точку зрения.

Писатель в очерке изображает алтайцев, начавших осознавать несправедливость существующего порядка и стремящихся против него протестовать. Своеобразно выразил свой протест Абыш Санасаров, отказавшийся прийти на отработки к русскому кулаку Сы-

соеву в самый разгар уборки урожая. Эта линия продолжена писателем в рассказе «Сарбыска» (1894). Художник через индивидуальное, через внешние черты героя передает его внутренний мир: «Низенькая, приземистая фигура Сарбыски была крайне оригинальна. Большая голова его с густою шапкою черных, как смоль, волос дышала не свойственной инородцам энергией. Скулы его мало выдавались, большие, черные глаза, с красными прожилками на белках, были выразительны и в них не проглядывало той униженной робости, какая свойственна взгляду инородца, а толстые румяные губы придавали в общем всей наружности его крайне добродушный вид. Одет он был в ветхий зипун и прорванные сапоги. Кивнув мне головой, он заложил большие пальцы обеих рук за опояску и расставил ноги, отчего приземистая фигура его уподобилась букве «Ф».

В образе Сарбыски писатель показывает человека, обладающего чувством собственного достоинства, умеющего постоять за себя. Многие качества характера Сарбыски проявляются уже в портрете: его энергия, смелость, отсутствие «униженной робости».

Атия, жена Сарбыски, украденная русским кулаком Деркиным, тоже наделена незаурядной внешностью, гармонично сочетающейся с ее внутренним миром. Писатель обращает внимание на ее глаза, «имевшие какой-то лучистый блеск, когда она поднимала опущенные веки, — придавали лицу ее такую невыразимую прелесть, которую уловить и передать можно только кистью».

Таким образом, Н. Наумов в своих произведениях выступает против жестокостей национальной политики царского правительства, стремящегося сохранить рабство, невежество среди закабаленных народов, выступает против эксплуатации и патриархально-феодалного гнета как со стороны русских, так и алтайских богатеев. Писатель назвал свой очерк «Горная идиллия». В самом названии звучит ирония, направленная против тех романтически настроенных писателей, которые видели жизнь сибирских народов в идиллическом свете. Н. Наумов «взглянул на быт туземцев иными глазами, как писатель-демократ, реалист».

Реализм Н. Наумова в изображении алтайского народа, проявляется в аналитичности его произведений, в стремлении верно и точно воспроизвести типические обстоятельства, достоверно раскрыть национальные характеры, показав их не односторонне, а в многообразии. Поэтому автора «Горной идиллии» можно считать зачинателем реалистической традиции в русской литературе, посвященной жизни алтайского народа.

В дореволюционное время много очерков, рассказов, повестей о Горном Алтае было создано писателем Георгием Дмитриевичем Гребенщиковым (1883—1964). Он часто выступал в сибирских газетах, журналах, печатался в столичных изданиях, длительное

время редактировал в Барнауле газету «Жизнь Алтая». Был творчески связан с журналом «Современник», а позднее с «Летописью». Это был одаренный писатель, но противоречивый, не принявший и не принявший революционных преобразований в России. В годы Великой Октябрьской социалистической революции эмигрировал за границу, умер в США.

Значительным произведением Г. Гребенщикова о Горном Алтае является повесть «Любава», в которой на своеобразном жизненном материале показано взаимоотношение русских и алтайцев. Естественно возникает вопрос, какие традиции продолжает писатель в своем произведении, на чьей стороне его симпатии, привязанности, какие взгляды выражены художником, что нового внес он в решение важной темы народов Сибири? Все это тем более важно, что повесть появилась в 1916 году, т. е. накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Социальная буря уже была близка, и ее неумолимое приближение должно было в какой-то степени отразиться в произведении. Но Г. Гребенщиков по своим общественно-политическим взглядам был далек от революционных настроений.

В очерке Н. Наумова «Горная идиллия» четко выявлена идейно-политическая позиция писателя, картина, им созданная, заставляет читателя задуматься над тем, почему же в таком диком состоянии находятся сибирские народы, кто в этом виноват, т. е. заставляет решать кардинальные вопросы, над которыми бились лучшие люди в течение многих десятилетий, то Г. Гребенщиков в своей повести акцент делает не на социальную, а психологическую сторону.

В «Горной идиллии» выступает писатель-гуманист, человек, страстно озабоченный тем, чтобы как-то облегчить жизнь малого народа. Н. Наумов продолжает прогрессивные традиции русской литературы, ему ясна цель, во имя чего он создает свой очерк. Совершенно иное положение с Г. Гребенщиковым. Он так же, как и Н. Наумов, реалист, суровый бытописатель, но занимает позицию не страстного проповедника высоких и светлых идеалов, а позицию объективного и зоркого наблюдателя, регистрирующего острые ощущения противоречий, вызываемых жизненными событиями, бытовые драматические конфликты.

Объективное и субъективное в творчестве писателя редко находятся в гармоническом единстве. Ведь зачастую субъективное, авторское, не совпадает с тем выводом, который объективно вытекает из системы художественных образов произведения.

Вне всяких сомнений, Г. Гребенщиков умеет лепить образы, создает он характеры людей в реалистической манере. Лучше всего писателю удалось образы центральных героев повести — Любавы и алтайца Тырлыкана. Любава — это горячая, своенравная

«девка», «с тяжелой льняной косой», с «светло-синими огромными глазами». Одного она боится больше всего — в девках остаться: «Опостылело мне в девках жить!.. Да што я уродина какая или стыд свой потеряла! Двадцать восьмой год сижу...» Любава из-за боязни «остаться в девках» убегает ночью из дома и приходит в юрту старого алтайца Тырлыкана и выходит за него замуж. Это была неслыханная дерзость — русская девушка становится женой человека другой крови. Возникает драматическая ситуация. Русская часть населения ненавидит Любаву за дерзкий поступок. Писатель безжалостно вскрывает причины, толкнувшие Любаву на этот шаг. Любава совершает «кощунство» не из-за каких-либо светлых побуждений и чувств: ведь она не любит своего старого, дряхлого мужа, а делает это потому, что ей страшно оставаться в девках (люди будут смеяться), и еще потому, что «жених» ее очень богат. Вот эти изменные мотивы снижают образ Любавы, и перед читателем предстает хищная, властная женщина, стремящаяся к богатству. Она дика и необуздана в своих страстях. По ее буйной прихоти погибает Тырлыкани при переправе через бурную горную реку. После трагического дня она проводит ночь со своим любовником на таежной пасеке. На этом Любава не останавливается. После гибели мужа замышляет женить на себе племянника Тырлыкани — Сапыргая: он фактически остался единственным наследником своего богатого дяди.

Представители алтайского народа: Тырлыкани, Сапыргай — нарисованы автором как доверчивые люди, наивно верящие, что все на свете совершается справедливо. Например, Тырлыкани говорят, что его купец обманывает, он не верит этому: «весь год ездит к купцу, берет товар, как у себя дома». Но доверчивость подводит его: он оказывается должным купцу 217 рублей. Писатель нарисовал чуть ли не идеального богача, благодетеля бедных.

С нечетких социальных позиций рисуются Г. Гребенщиковым взаимоотношения Тырлыкани и Любавы. Автор все время подчеркивает черту богатого алтайца — смирение, и лишь в некоторых случаях Тырлыкани проявляет свой характер. Когда Любава сказала ему, что косу (мужчины — алтайцы носили косы) надо отрезать, он ответил: «Пошто отрезать?.. Мой бог — Яик-хан — скотину пасти не хочет тогда... Нет, косу резать не дам! Твой бог мне не мешает, мой бог пусть тебе не мешает...»

Односторонность в изображении инонационального характера принижает идейно-художественный уровень повести, ее социальную направленность. Конфликт, возникший между Тырлыкани и волостным писарем, представителем местной власти, который вместе с Любавой хотел погреть руки на богатстве алтайца, недостаточно углублен, он только намечен. Тырлыкани выступает в повести эдаким алтайским Обломовым.

Таким же наивным, добродушным в повести изображен Сапыргай, который у дяди находится на положении слуги. В описании иносационального характера ощущается ограниченность художественного метода писателя, ограниченность его жизненной и общественной позиции, недостаточное проникновение в специфический материал.

Литературовед В. Трушкин дает повести Г. Гребенщикова «Любава» следующую оценку: «В произведении Гребенщикова хорошо показано, как нарушается патриархальный, «полудикий» быт калмыков непрошеным вторжением таких хищников, как писарь, Любава. Не случайно все в ауле (неподходящее слово в данном случае — Г. К.), не исключая и Сапыргая, зовут Любаву не иначе как «чужая». Она действительно для них чужая, несущая с собою алчность, преступление, разрушение давно укоренившихся, освященных традициями старины устоев и обычаев».

Исследователь, правильно определяя хищническую суть характера Любавы и начало разрушения «патриархального» уклада алтайцев, не указывает, к сожалению, плохо это или хорошо «разрушение давно укоренившихся, освященных традициями старины устоев и обычаев». Патриархальность патриархальностью, но и внутри алтайского народа шло классовое расслоение, чего не заметил Г. Гребенщиков и чего не замечали исследователи.

Тема алтайского народа находит свое отражение в дореволюционном творчестве Вячеслава Яковлевича Шишкова (1873—1945), который был тесно связан с Горным Алтаем. Писателем написаны и опубликованы такие произведения, созданные на алтайском материале: «Любителям красот и природы» («Сибирская жизнь», 1910), «На Бии» («Алтайский альманах», СПб., 1914), «По Чуйскому тракту» («Сибирская жизнь», 1913), «Ванька Хлюст» («Ежемесячный журнал», 1914, № 10), «Чуйские были» (1914), «Скала» («Сибирский студент», 1915, № 1—2), «Пред рассветом (На Алтае)» («Сибирская жизнь», 1915) и другие.

В газете «Жизнь Алтая» 28 сентября 1913 г. сообщалось, что В. Шишков, начальник изыскательской партии, работавший на Чуйском тракте, собирал произведения алтайского фольклора, как это он делал при исследовании р. Нижней Тунгуски: «В. Я. Шишков, помимо интересных очерков, печатающихся в «Сибирской жизни», произвел записи многих песен, пословиц, примет и прочих атрибутов быта туземных жителей».

До нас не дошли записные книжки В. Шишкова об экспедиции в Горном Алтае. Вне всяких сомнений, что работа на Чуйском тракте дала писателю огромный жизненный материал, который частично использован в его статьях, очерках, рассказах, новеллах, повестях, посвященных Алтаю. Уже после Великого Октября замечательным художником слова созданы повести «Страш-

ный кам», «Алые сугробы», роман «Ватага». Все эти произведения тоже связаны с Алтаем.

Многие из дореволюционных произведений не включались писателем в собрание сочинений, но фактический материал, собранный и осмысленный В. Шишковым, имеет большую ценность, так как он помогает прояснить взгляды писателя на классовые отношения среди алтайского народа. В научной литературе было распространено неправильное мнение, что В. Шишков в своих ранних произведениях «не показывает внутренних классовых противоречий, раздиравших сибирские народности, обходит факты социального расслоения, а между тем туземцы эксплуатировались не только русскими купцами и чиновниками, но и собственными князьками, баями...» Материал, имеющийся в очерке «По Чуйскому тракту», опровергает эту точку зрения. Приведем такой пример. Бай Аргымай был богатейшим человеком Алтая, который лучшие земли и пастбища прибрал к своим рукам, вытеснив бедных алтайцев к «последней воде», оставив им самые захудалые участки. О беседе с ним В. Шишков пишет: «Выслушали мы мнение по земельному вопросу людей богатых и власть имущих, так сказать, местных феодалов, воля которых для своего народа — закон, его же не преjdeши, и капитал которых так же беспощадно и неотразимо в бараний рог гнет бедноту, как толстая мошна любого нашего истинно русского Колупаева».

В. Шишков вслед за писателем-народником Н. Наумовым показывает классовое расслоение внутри алтайского народа. В очерках «По Чуйскому тракту» писатель заостряет внимание читателя на классовых взаимоотношениях алтайцев, убедительно показывая, что местный богач фактически остается на земле хозяином и продолжает безнаказанно притеснять своих бедных земляков: «У зайсанов огромная власть. Зайсан имеет полное право пустить на земли его рода за деньги, за водку русских переселенцев. Примеров таких сколько угодно. Таким образом, инородческая земля расхищалась за счет обогащения одного лица, зайсана». В. Шишков говорит о своем несогласии с политикой царского правительства, которое фактически поощряло всякие злодеяния со стороны местных богатеев как русских, так и алтайцев. Автор очерков выступает в защиту притесняемого народа.

Особенно резко критикует В. Шишков национальную политику русского правительства в главе «Лихолетье». Это мрачный рассказ о «бедствии, охватившем собою прошлой зимой и весной весь Чуйский край, бассейны Чульшмана, Башкауса, часть Катуня и перебросившемся в смежные с нашей границей монгольские земли», о страшном падеже скота в Горном Алтае. В. Шишков снова отмечает, что богатые алтайцы угнали свой скот «в Русь, в степь, к с. Алтайскому, к Улале». «Аргымаю Кульджи-

ну эта кормешка 15 тысяч стоила. А бедняк куда погонит, кто ему даст сена? Когда богач, спасая свои табуны, гнал их 300 верст к северу, бедняк в это время волком выл, забирался на вершины гор, глядел, как идут чужие стада, как валится с голоду его собственный скот, и безутешно плакал. На горе бедняков наживались кулаки, продавая пуд сена за 1 рубль 60 копеек». С гневом пишет В. Шишков и о правительстве, которое не смогло оказать помощь алтайцам-беднякам, «а ведь не так трудно было помочь», «завалить сеном все айлы, навезти тысячи пудов отрубей». Писатель в лицо русскому обществу бросает гневные слова: «Но как же мы их жалели и жалели ли их в то черное лихолетье? Печать, общество, местные власти, что мы делали? Печать прошептала что-то и замолкла, общество и рта не раскрывало, и недостаточно была осведомлена о размерах бедствия власть... Если бы она знала, она бы помогла; если же знала и не сумела отвести беду, она тяжело виновата. Да и все мы виноваты, решительно все, и нет нам оправдания».

Все эти факты красноречиво говорят о том, что В. Шишков никогда не был пассивным созерцателем народных бед, он боролся не только словом художника, но и делом. В Улале, тогдашнем административном центре, он горячо доказывает «видному кабинетному агенту», что земельная политика царского правительства на Алтае неправильна, открыто говорит томскому губернатору о притеснениях, которым подвергаются со стороны русского кулачества и чиновничества коренное население Горного Алтая. Мысли, выраженные В. Шишковым в очерках по поводу национальных отношений, характеризуют его как человека с передовыми общественными взглядами.

В. Шишков так же, как и его предшественник Н. Наумов, четко видел и представлял себе классовую дифференциацию алтайского народа и честно писал об этом. Автора «Чуйских былей» роднит с Н. Наумовым и тот факт, что В. Шишков показывает дружбу между русскими и алтайцами. Вспомним одно место в «Горной идиллии»: «С крестьянами инородцы живут не только дружно, но большинство их через браки вошло с русскими в тесные родственные отношения».

В. Шишков глубоко сочувствовал простому человеку и тепло рассказывал о дружбе между русскими и алтайцами. В этом отношении интересен такой отрывок, в котором говорится о старом алтайце: «Веснушчатый, старый-престарый, с открытой, грязнейшей морщинистой грудью, он, оказывается, очень беден. Были коровы, пали в голодную зиму. Ничего нет. Сирота. Русский мне говорит: «Он хороший старик. Я сам ничего не имею, а ему помогаю. То на табачишко дам, то на хлеб».

Эти цитаты из Н. Наумова и В. Шишкова говорят о тематиче-

ской перекличке писателей и подтверждают мысль, что сама жизнь русских и алтайцев, сама алтайская действительность давала немало примеров бескорыстной дружбы между русским и алтайскими народами. Художники слова верили, что зерна дружбы дадут в будущем прекрасные всходы.

Значительны в идейно-художественном отношении новеллы В. Шишкова, вошедшие в цикл «Чуйские были». В письме к редактору «Ежемесячного журнала» В. С. Миролубову от 4 октября 1913 года В. Шишков сообщал: «Только что приехал в Томск из-под Монголии и получил Ваше давнишнее письмо. Весьма рад поработать с Вами. Спасибо за добрую память обо мне. Готовлю и в конце октября пришлю «Чуйские были». Начерно почти написано. Недурно выходит».

В. Шишков прекрасно понимал важность тех проблем, которые он решает в своем новом произведении. Это подтверждает другое письмо писателя к В. С. Миролубову от 31 октября 1913 года: «Монгольский вопрос теперь в моде. Поэтому думаю, что «Чуйские были» будут кстати. Фамилии все вымышлены. В основу каждого эпизода положен факт».

«Чуйские были» вошли в первую книгу В. Шишкова «Сибирский сказ» (1916), оценка которой была высокой и единодушной. В газете «Сибирская жизнь» печатается рецензия В. Бахметьева. Рецензент отмечает, что писателем создана «яркая, сочно написанная... картина тяжелой жизни аборигенов края, обкрадываемых и теснимых русскими культуртрегерами». В. Бахметьев подчеркивает обличительные ноты, характерные для рассказов сборника, в частности и для «Чуйских былей», улавливает и то светлое, что было присуще рассказам.

Горьковская «Летопись» отмечала: «Среди бесцветной и бескровной современной беллетристики — рыхлых романов и крикливых повестей, наводнивших книжный рынок, — небольшая книжка Вяч. Шишкова бесспорно выделяется: в ней есть жизнь, своеобразие, свежесть языка и чувства». Автор рецензии видит такие достоинства рассказов: подлинность чувства, любовь к «угрюмой нежности сибирской природы», к детям гор и тайги, у которых душа «чиста и правдива». Отмечается и социальная направленность произведений В. Шишкова, который в «небольших рассказах то строго лаконичных, трепещущих сдержанным гневом («Чуйские были»), то проникнутых горьким юмором («Помолились»), повествует, как в прекрасный, вольный и дикий край вторглась «культура» в образе русского купца-хищника, алчного и грубого, и наложила тяжелое свое ярмо на беспомощных и доверчивых сибирских туземцев».

Журнал «Современный мир» в своей рецензии на книгу В. Шишкова «Сибирский сказ», в целом положительной, алтай-

ский материал оценивает со знаком минус: «Что касается миниатюр «Чуйские были», что здесь автор не мог или не захотел избежать старых, уже давно осужденных самой жизнью приемов наших народников». Приемы эти проявлялись якобы в изображении стереотипного конфликта между простодушными и доверчивыми туземцами и алчными русскими купцами, в результате чего алтайцы и тунгусы появляются в подсахаренном виде типа мужичков Златовратского, Григоровича, а «чувство меры и художественная правда заблудились в бескрайней тайге».

Такая оценка произведений В. Шишкова на инонациональную тему была несправедливой. Рецензент не почувствовал, не уловил свежести жизненного материала, положенного в основу «Чуйских былей», яркость и самобытность его художественного воплощения. Кроме того, писатель не ограничивается конфликтом, указанным критиком: жизненная основа рассказов шире, глубже и острее, и их нельзя отнести лишь к «ряду интересных этнографических очерков, ничего не выигравших от усиленного желания автора придать им форму художественной беллетристики».

Главный вывод, который делают первые критики творчества В. Шишкова, правилен. Действительно, в русской литературе появился новый художник слова со своей темой, художник интересный и своеобразный. Своеобразие раннего Шишкова, по мнению В. Бахметьева, — результат прекрасного знания быта и «тяжелой жизни аборигенов» Сибири. В «Чуйских былях» писатель выступает как реалист.

Рассказы, входящие в цикл, В. Шишков называет «былями». Это жанровое определение не случайно: оно связано с тем обстоятельством, что шишковские новеллы выросли на почве русского и алтайского фольклора, русских былей и алтайских легенд, что оказало значительное воздействие на характер типизации в «Чуйских былях». Чаще всего своеобразие типизации определяется особенностями устно-поэтического творчества изображаемого народа.

Характеры персонажей алтайского фольклора раскрываются в их поступках и действиях, при этом речевая характеристика играет второстепенную роль. Действующие лица делятся на положительных и отрицательных. Все это в той или иной степени присуще «Чуйским былям».

В новелле «Зеркальце» нарисована типичная для того времени картина: русский купец за безделушку-зеркальце, цена которому пятак, берет у алтайца четыре быка. В произведении два действующих лица: алтаец Аргамай и русский купец. В устной поэзии алтайцев очень редко используются полутона в обрисовке человеческого характера. Не прибегает к полутонам и В. Шишков. В образе купца он подчеркивает лишь одну его черту — «под-

лую алчность». Писатель показывает нарастание чувства жадности у купца. Вначале он хотел просто подарить зеркальце Аргамаю, но потом в нем заговорила алчность:

« — Нельзя... — чуть дрогнув голосом, сказал купец.

— Возьми быка... Ребятам, бабам казать буду...

— Нет, нельзя, — твердо сказал и легонько зеркальце к себе тянет.

Аргамай не дает...

— Два быка, три быка!.. Хороших!..

— Что ты, я сам дороже заплатил... В Москве добыл... Знаешь, слышал?

Чуть не плачет Аргамай, большой ребенок.

— Возьми четыре быка... Пожалуйста, возьми, друг!..

— Пойдем быков ловить, — жадно сказал купец».

В характере Аргамаю писатель подчеркивает черту — наивную доверчивость «большого ребенка». Если тип русского купца читателю понятен без какой-либо дополнительной характеристики, т. е. писатель не дает его портрета, не указывает никаких его индивидуальных примет, то образ Аргамаю он рисует несколько иначе. Через фольклорно-этнографические средства показывает его портрет, его национальную принадлежность, характерную особенность его психического склада. Интересно описание: «Аргамай в юрте сидит толстый, сильный. Один у камелька сидит, баранью кость гложет и мурлычет песню о том, как он завтра на заре будет кочевать к снегам, где вкусные сочные травы — сласть скоту».

В. Шишков дает портрет Аргамаю («толстый, сильный»), характерная особенность которого состоит в том, что он не индивидуализирован и это в духе устно-поэтической традиции. Другой штрих. Аргамай поет песню, и в ней выражен взгляд кочевника-скотовода на образ жизни коренных жителей гор. Аргамай радостен, потому что перекочевка на летние пастбища — всегда большое событие в жизни алтайца-кочевника. В этих деталях проявилась специфика трудовой деятельности алтайцев.

На этот же принцип писатель опирается при раскрытии национального характера и в других новеллах. В рассказе «Часы» снова два образа, нарисованные по принципу контраста: «торгаш с мышинными глазками» и старик Юсуп. В портрете последнего уже наблюдаются индивидуальные черточки. Писатель рисует внешность Юсупа: «Глаза черные, лучистые, открыто на купца глядят. Лицо добродушное, доверчивое, бороденка хохолком — дрожит».

В новелле «Часы» используется фольклорно-этнографический материал. Так, этнографические детали, характеризующие семейные отношения, род занятий, передают внутреннее состояние Юсупа, его ликование, его радость: «И зароились в его голове сереб-

ряные мысли, как те круглые, маленькие, блестящие часы, которые он видел у торговца. Их много, не пять, не десять, много. Он все их купит, все часы купит, он всем раздарит. Старой своей жене, молодой жене, да дочке... Сыну, джигиту, трое часов повесит, себе целый десяток... Ха-ха... Пусть тикают, пусть вертят стрелками. Это больно хорошо... Он верблюду часы подарит, он быку подарит. Пусть и бык при часах ходит... Хе-хе...»

Бытовые подробности, исполненные юмора, создают не только определенный колорит, но и раскрывают характер, поведение Юсупа, сердце которого водка «веселым туманом обложила». Его возбужденный водкой ум «кружит» вокруг того, что ему ближе всего и дороже.

Фольклорный и этнографический материал помогает писателю воссоздавать типические обстоятельства, делает для читателя более понятным характер человека, его психологию, мотивирует его поступки и мысли.

Способы и приемы раскрытия характеров в «Чуйских былях» ограничивают писателя, не передают всю диалектику чувств, переживаний человека, но тем не менее эти принципы ведут В. Шишкова к реалистическому отражению действительности. Поэтому не случайно М. Горький лучший рассказ из цикла «Зеркальце» публикует в журнале «Северное сияние», ибо видел в шишковской новелле правдивую картину взаимоотношений русского купечества с жителями национальных окраин. Рассказ отвечал требованиям пролетарского писателя как в идейном, так и в художественном плане.

Главная особенность «Чуйских былей» в своеобразном взаимодействии, взаимопроникновении двух начал: лирики и эпоса, реализма и романтизма. Эпика в былях занимает центральное место. В пяти новеллах показано тяжелое положение народов Алтая, при этом автор не вмешивается в ход событий, не дает им оценки, он только приводит то, что поведал ему о своих несчастьях народ. Но это не означает, что по эпическому произведению нельзя судить о позиции автора. Позиция писателя проявляется в выборе материала для повествования.

Лирика в «Чуйских былях» вынесена автором в начало и конец повествования, что продиктовано характером устно-поэтической традиции алтайцев и самим жизненным материалом. В алтайском героическом эпосе встречаются субъективно-лирические элементы обычно в зачине или концовке той или иной поэмы. Отсюда и вступление к «Былям» носит ярко выраженный лирический характер, он как приступ к сказу, что подчеркивается такими словами: «Эй, подожди, Чуя, вода холодная! Куда бежишь, куда по камням вскачь мчишься? Стой, Чуя, стой! Расскажи нам вчерашние и сегодняшние были свои».

После того, как будут рассказаны Чуей ее страшные были, автор обращается к эмоционально насыщенной, лирической концовке. В ней писатель выразил свою боль, свою веру в светлый завтрашний день. В. Шишков пишет: «Далеко стегнула по Алтаю Чуя, священная река!.. Бурлит по крутому склону, вся седая, вся косматая, яро камни точит, грозит своим гневом человеку. Стой, Чуя, стой! Гляди — восход стал розовым... День идет, день идет, ночь кончилась... Еще немного — и твои волны запоют иные песни и будут сказывать новые были, светлые и радостные. Да не повторится прошлое, да не затмит оно грядущего дня! Эй, останови, Чуя, гнев свой, не точи яро камни... Милости, Чуя, священная река, больше милости!»

Важно отметить такую особенность художественного освоения В. Шишковым алтайского фольклора: писатель не копирует слепо те или иные приемы, образы устно-поэтического творчества алтайцев, но, опираясь на них, используя их, он обогащает специфические национальные средства. Так, традиционный зачин и концовка, присущие устной поэзии, предстают в «Чуйских былях» в обогащенном виде, они наполнены богатым идейным содержанием. Романтическая приподнятость, эмоциональность, сочетающаяся с яркой изобразительностью, лиризм помогают писателю выразить свои чувства, свои идеалы.

Сочетание лирики и эпоса в «Чуйских былях» — своеобразная форма выражения мыслей и чаяний автора и его героев. Писатель говорит от себя и от имени угнетенного народа. Конечный вывод, что волны Чуи «запоют новые песни и будут сказывать новые были, светлые и радостные», закономерен, потому что он соответствует авторскому замыслу, потому что в нем выражена вера алтайского народа в «грядущий день», в свое будущее.

Так, традиционный прием устной поэзии алтайцев, художественно обогащенный В. Шишковым, приобретает в «Чуйских былях» новое звучание, становится идейно и эстетически значимым.

Алтайский фольклор в «Чуйских былях» выполняет разнообразные идейно-эстетические функции. Устная поэзия оказала влияние на способ развертывания образа (лирика и эпос), на характер типизации, на выработку оригинальной манеры письма (язык, стиль), на создание национального пейзажа.

Богатый фольклорно-этнографический материал¹ не является в «Чуйских былях» самоцелью, он помогает писателю выразить сложность переживаний и чувств человека, создать национальный характер, правдиво передать психологию жителей гор.

«Чуйские были» продолжают лучшие традиции русской клас-

¹ Проблема использования алтайского фольклора в «Чуйских былях» подробно рассмотрена в нашей работе «Алтайский фольклор в произведениях В. Я. Шишкова» (Барнаул, 1969, с. 27—41).

сической литературы в освоении инациональной темы и включает в себя признаки не только реалистического письма, но и принципы романтического изображения действительности.

В период постепенного нарастания нового революционного подъема В. Шишков упорно стремился разобраться в происходящих событиях, дать им свою оценку. Часто его идеалы терпели крах, и тогда появлялась мысль о том, что нет у людей «в руках молота, которым можно дробить и созидать».

Мысль о человеке-борце, высказанная писателем в письме к Г. Н. Потанину от 25 июля 1915 года, найдет выражение и развитие в рассказе «Скала», отличающемся романтической приподнятостью и эмоциональностью.

В 1915 году общественность Сибири отмечала восьмидесятилетие со дня рождения русского ученого Г. Н. Потанина. Этому знаменательному событию посвящен номер журнала «Сибирский студент» (1915, № 1—2), издаваемого в Томске. В нем и был напечатан рассказ В. Шишкова с посвящением: «Григорию Николаевичу Потанину с глубокой любовью и благодарностью». Писателю импонировала «подвижническая жизнь» ученого, который на первых порах оказывал литературную помощь и В. Шишкову, свои чувства он выразил в письме к Г. Н. Потанину от 29 октября 1915 года, видя в ученом «образ большого человека, высоко поднявшегося над толпой с горящим факелом в руках».

Приведенная выдержка из письма В. Шишкова к Г. Н. Потанину непосредственно связана с идейным содержанием рассказа, в то же время она свидетельствует о том, что образ сибирского ученого идеализировался писателем. Для художника важно было выразить свое понимание смысла жизни, идеала человека-борца. Потанин был человеком, который много сил отдавал борьбе за права обездоленных народов Сибири, что тоже найдет отражение в шишковском произведении.

Какова роль алтайского материала в создании романтического рассказа «Скала»? Для русского прогрессивного романтизма характерно стремление к яркому, необычному, что сказывалось и в выборе места действия. Вот и В. Шишков местом действия своего рассказа избрал Алтай, как бы противопоставляя щедрое богатство экзотических красок горного края серости будничной жизни сибирского города. Это отвечало интересам художника, который писал: «Алтай очень хорош. Я давно люблю его. Хочется воспеть его, прославить, но где мне взять звучных струн, где мне взять и красоту слова? Алтаю надо молиться, преклонив колени на серебряных его главах...»¹

¹ Письмо В. Шишкова к А. М. Ремизову от 5—7 июня 1914 г. ИРЛИ. ф. 256, оп. 1. ед. хр. 298, л. 14.

В. Шишков создает величественный образ Аксакала, мудрого старца с белой бородой, который является воплощением совести человеческой. Рождение этого образа связано с устной поэзией народов Востока. В алтайском фольклоре старики (аксакалы) олицетворяют народную мудрость, они хранители житейского опыта, к ним люди обращаются за советом, за помощью. Шишковский Аксакал рожден на национальной почве восточной устно-поэтической традиции. Фольклорные истоки этого образа безусловны.

В рассказе — характерные черты типизации, присущие романтикам: некоторая условность, сказочная фантастичность, которая отталкивается от реального мира, исключительность характера, необычность обстоятельств.

Условность, фантастичность образа Аксакала оттеняется в основном фольклорными мотивами. О жизни, о делах мудрого старца В. Шишков рассказывает в форме легенды. Отсюда и средства раскрытия характера связаны с устной поэзией, обусловлены инонациональной поэтической традицией.

В. Шишков прибегает к легенде не только потому, что хотел возвышенно рассказать о делах Аксакала, но аллегорическая форма позволяла писателю говорить и о таких вещах, которые цензура не пропустила бы. В основе образа Аксакала лежит биография Г. Н. Потанина, интерпретированная в сказочной форме.

В. Шишков пишет: «Я вспомнил где-то слышанную мною легенду об Аксакале с белой, красивой душой старца.

Родился Аксакал на Иртыше, а как окреп телом, стал воином. Но Кормчий однажды в ночи сказал ему: «Ты скала. Оставь меч свой. Тебе дано послужить людям сердцем и разумом». С тех пор Аксакал обрек свое сердце и разум на благо народа.

Как река весной бурлит и будит берега, так он стал будить спящих: «Эй, вставай на работу!»

Но плотина кладет предел вольным струям: пленили Аксакала четыре стены и железные решетки: «Эй, сиди смирно!»

Прорывает и рушит вольная вода плотину, порвались на Аксакале цепи, расступилась стена, взял Аксакал свою волю.

С тех пор голос его не смолкает, а уж изрядно лет старому Аксакалу. Многие концы земли слышали этот голос и видели лицо Аксакала. Везде и всюду вещал этот голос о высокой любви...»

Образ Аксакала условен, фантастичен. Это подчеркивается и описанием его внешности: «Голос Аксакала — зов отчий. Кровь его — из слез родной земли. Лицо его светлое. Поэтому люди шли к нему, чтобы «хоть раз погреться в лучах его души». Разгадку необычности этого образа надо искать в фольклоре, ибо Аксакал нарисован в духе алтайских легенд.

Отсюда и речь Аксакала выдержана в духе устной поэзии, она

возвышенна, эмоциональна, афористична. Он говорит: «Сталь в огне закаляется, солома сгорает, поэтому будь сталью, если хочешь быть молотом, чтоб ковать свою жизнь»; «Не всякий голос доводи до сердца, не на всякий зов откликайся» и т. д.

В обрисовке образа Аксакала проявилась и ограниченность В. Шишкова. Аксакал не спускается со скалы к народу, чтобы помочь ему стать молотом и разбить цепи рабства, потому что он сам больше верит в силу разума, просвещения. Благо, по его мнению, — это «свет, истина, понимание жизни». Народ, стоящий у подножия скалы и говорящий на многих наречиях («тут были киргизы и калмыки, теленгиты и татары, якуты, тунгусы»), обращается к старцу, жалуясь ему на свои страдания, прося у него помощи:

«— Иди к нам! Спускайся... Садись у костра.

Так громко кричали, что эхо, как гром, ходило от горы к горе.

— Я не могу спуститься! — отвечал Аксакал, когда стих говор. — Я не спущусь... Мне отсюда хорошо видны горы... И всех вас я могу окинуть взглядом... Идите ко мне... Поднимайтесь...

— Ты высоко забрался!.. Нам не влезть!..

— Я пособлю».

Ограниченность шишковского образа Аксакала вызвана была нечеткостью авторской позиции в вопросах революционного переустройства, поэтому в рассказе «Скала» писатель не пошел дальше проповеди абстрактного гуманизма. Символ, созданный художником, не включал в себя активное, революционное начало, следовательно, Аксакал не мог помочь угнетенным народам Сибири решить кардинальные проблемы жизненного переустройства. Да и сам романтический метод создания образа не давал писателю возможности показать реальные силы, способные к революционному преобразованию общества.

В рассказе «Скала» проявляется и другая черта романтического стиля — насыщенность изобразительными средствами, многие из которых фольклорного происхождения. Эпитеты, сравнения, метафоры, олицетворения — все это придает рассказу живописную красочность.

Многие страницы рассказа стилистически перекликаются с «Чуйскими былями», например; «Мне хочется, чтоб вышли из каменных хребтов окаменелые витязи Алтая, чтоб синие венцы вспыхнули на вершинах гор...» Метафора «окаменелые витязи Алтая» по своему происхождению уходит в глубины устно-поэтического творчества алтайцев.

В языке рассказа встречаются сравнения большой выразительной силы, подчеркивающие колорит местности, точно передающие цветистость восточной речи: «Душа твоя в плену у тела, как в ножнах кинжал, как в грубом камне алмаз».

Особенность рассказа «Скала» и в наделении неодушевленных предметов свойствами живых существ, например, речушка Ильгумень и река Катунь разговаривают между собой: «Тихо на поляне среди гор. Только два шума стоят, два шума колеблют тишину. То сын с матерью разговор ведут: речушка Ильгумень века веков с Катунью переговариваются. Ильгумень малым шумом шумит, Катунь седым рокотом отвечает, холодные, снеговые сказки ему сказывает».

В отрывке и олицетворение, присущее алтайскому фольклору, и яркие эпитеты («седой рокот», «холодные, снеговые сказки»), и метафоры («то сын с матерью¹ разговор ведут»). Все эти средства придают рассказу оттенок сказочности и в то же время хорошо рисуют обстановку, в которой происходит действие.

Красочность, метафоричность языка рассказа «Скала» делают его произведением эмоциональным, придают ему романтическую приподнятость и взволнованность.

В рассказе есть и недостатки. Например, утомительна и длинна песня-жалоба на тяжелую долю народа. Отдельные фольклорные мотивы придают произведению ненужную таинственность, что совершенно не присуще манере письма В. Шишкова. Таким эпизодом в рассказе является встреча лирического героя с филином, который, опустившись рядом с рассказчиком «на большой в блесках камень», вещает человеческим голосом: «Я птица мудрая... Я века живу. Я дух горный, хозяин Алтайских гор». В словах вещей птицы слышится упрек человеку, который видит только «земное», «слышит, как рушатся скалы, как ледники с грохотом срываются с круч, как медведь в тайге рывкает или кричит на заре у горного потока лань», но не слышит «вздохов звезд», «шепота падающего снега».

Рассказ «Скала» представляет интерес как произведение романтическое, в котором значительную идейно-эстетическую роль играет алтайский фольклор. Писатель стремится отобразить из устно-поэтического творчества такие жанры (легенда), такие образы (Аксакал), такие изобразительно-выразительные средства (метафоры, сравнения, олицетворения и т. д.), которые усиливают эмоциональность произведения, его романтическую приподнятость, помогают создать символический образ мудрого старца, защитника сибирских народов.

На основе рассмотренного материала можно сделать некоторые выводы. Произведения Н. Наумова, В. Шишкова («Чуйские были», «По Чуйскому тракту», «Ванька Хлюст» и др.) развивают

¹ Для Алтайского фольклора характерны такие традиционные обращения: «А теперь, Мать-Катунь, далеко унеси ты наше горе с собой». (А. Анохин. Сборник песен. Горно-Алтайск, 1962, с. 11.)

традицию реалистического изображения жизни алтайского народа, при этом реализм проявляется широко: и при создании типических обстоятельств, и при раскрытии национального характера. Степень же проникновения русских писателей в инонациональную жизнь неодинакова, что зависит и от силы дарования каждого художника, и от мировоззрения, и от глубины постижения ими алтайской действительности.

Реалистические принципы изображения жизни проявляются и в рассказе В. Бахметьева «Тяга», который перекликается с очерком Н. Наумова «Горная идиллия». Эта близость — в стремлении дать точную социологическую характеристику действий русского богатея, вскрыть хищническую сущность кулака: «День и вечер у Кузьмы Ардальоновича народ на дворе — все алтайцы. Он им водку, зерно, чай кирпичный, дабу и всякую мелочь галантерейную. Они ему: баранов, пушнину, орех кедровый. Со всеми в мире Кузьма Ардальонович, и все у него верст на тридцать в долгу».

В русской литературе с алтайской тематикой развивается и романтическое направление, которое представлено именами В. Бахметьева, А. Семенова, А. Сорокина, Г. Вяткина, П. Драверта, И. Тачалова... Реалистическое и романтическое в русской литературе — это не два потока, которые нигде не пересекаются, не сливаются, а скорее всего две стороны одного и того же процесса. Например, раннее творчество В. Шишкова нельзя представить лишь как реалистическое. В его «Чуйских былях» сильна романтическая струя, проявившаяся особенно сильно в зачине и концовке новелл, а его рассказы «Скала», «Пред рассветом» тяготеют к романтическому методу, что проявляется и в особенностях создания типических обстоятельств, и в приемах раскрытия характера, и в системе изобразительно-выразительных средств.

Представителем романтического течения в русской литературе с алтайской тематикой в дооктябрьский период является писатель Владимир Матвеевич Бахметьев (1885—1963). Он хорошо знал быт и нравы, фольклор алтайцев, ибо несколько раз был в Горном Алтае в дореволюционное время с партийными поручениями, много путешествовал по горам, вел длительные беседы с пастухами, охотниками. Об этом времени писатель пишет: «В горах Алтая побывал я не однажды, ведя там при содействии местной молодежи агитацию против буржуазно-царского строя... Мне представлялось, что наша работа вестовых «новины» (определение алтайцев) может содействовать возникновению национально-освободительного движения, какое имело здесь место в 1904—1905 годах. Однако только с установлением Советской властью Ойротской (Горно-Алтайской — Г. К.) автономной области алтай-кижи стал хозяином своей судьбы, а до этого в горах Алтая происходило

то тяжелое, мрачное, что было передано в моих этюдах «На земле», «У последней воды...»¹

Очерки и рассказы В. Бахметьева печатались в различных дореволюционных изданиях, чаще всего в сибирских («Сибирский студент», «Сибирская неделя», «Сибирская жизнь», «Жизнь Алтая» и др.) Цикл очерков под общим названием «Алтай» был опубликован в «Ежемесячном журнале» за 1916 год. В цикл входило семь очерков²: «На Черемуховом ключе», «Брат Иван», «Йоргомыш», «Алтай», «Тетон», «Белая вера», «В глухую полночь».³ К этому ряду произведений следует отнести и романтический рассказ «Джала» и другие.

Основная идейная направленность бахметьевских очерков и рассказов — в стремлении найти ключ к сердцу алтайского народа, понять его мысли и чаяния, найти ответ на вопрос, когда же измученные страданиями жители гор встанут на путь борьбы за независимость, за свою свободу. Лирический герой произведений В. Бахметьева рассматривает себя не как стороннего наблюдателя, а как «вестового революции», как страстного агитатора за справедливое дело, дело освобождения трудящихся. Лирический герой, схваченный урядниками и двумя сотскими, насильно выдворяемый из пределов Горного Алтая, свои чувства выражает так: «У моих проводников свирепые лица, но я посмеиваюсь: со мною моя молодость, весь Алтай, весь мир угнетенных... Я богаче солнца, сильнее всех богатырей, каких когда-либо знал Алтай: я — разум, я — эхо бури, я — вестовой революции».

В этом романтическом ключе рисуются в алтайских произведениях В. Бахметьева и представители алтайского народа. Писатель ищет и находит в горах Алтая людей, в которых зреет или уже пробудилось чувство национального самосознания, людей, обладающих сильным характером, ярко выраженным чувством собственного достоинства, способных к борьбе, готовых постоять за свою честь. К ним относятся бунтарь Тетон, мечтательный проводник Улаа, скромный юноша Джала.

1 Вл. Бахметьев. От зари до зари. Автобиография. Сб. «Советские писатели», т. I, М., 1959, с. 119. Утверждение В. Бахметьева о том, что в горах Алтая в 1904—1905 годах было национально-освободительное движение, неправильно, потому что писатель имел в виду движение бурханистов, которое большинством ученых определяется как религиозное и как реакционное. Невѣрная точка зрения повторена в статье Д. Герасименко «Жизнь, отданная революции» («Сибирские огни», 1965, № 2, с. 172—179). Если писатель не указывает, в какой форме проходило национально-освободительное движение в горах Алтая, то автор статьи подчеркивает, что оно получило «наиболее яркое отражение в бурханстве». (Там же, с. 174).

2 Жанровое определение, данное писателем, не совсем точно. Цикл «Алтай» ближе всего стоит к жанру лирической повести в новеллах, для которых присущ единый лирический герой.

3 «Ежемесячный журнал», 1916, № 9—10, с. 142—155; 1916, № II, с. 74—90.

В. Бахметьев широко использует разнообразные романтические средства раскрытия инационального характера. Во-первых, писатель создает типический романтический пейзаж. Действие происходит на фоне дикой и величавой природы Горного Алтая. Художник стремится романтический пейзаж связать с внутренними переживаниями своих героев: «Я был в плену у этого малого, темного, забитого народа. Главное, что мучило меня, это бессилие алтайцев, удручающая их покорность судьбе. Тщетно искал я в их глазах пылающих огоньков веры в себя, влечения к борьбе... Только раз, только в одном из них заметил я то, чего искал. Но это было мимолетно... Будто нежданная зарница вспыхнула, разорвала полог ночи и на одно мгновение осветила перед путником крепкую кремнистую тропу над скалистым обрывом...»

«Огонек веры» вспыхнул в юноше Улаа, и этот свободолюбивый порыв был вызван картиной величественной алтайской природы, дарящей человеку прекрасные мгновения, вызывающие в человеческой душе светлые устремления: «Как сейчас вижу перед собою вершину перевала. Я и Улаа напряженно вглядываемся в седые волны тумана.

Запрокинув голову, цепко расставив ноги, Улаа стоит на каменной глыбе, обросшей мшистой плесенью. Упругий ветер шумит в кряжистых кедрах, пробегает сизыми волнами по травам, рвет на алтайце полы его малинового халата.

Слышу, как стучит мое сердце, объятые предчувствием не то беды, не то радости.

Там, за синеющими провалами горных высот, косматые тучи беззвучно движутся, громоздятся, нагоняя и пожирая друг друга.

Ветер крепнет, треплет махровые ветви кедрача, темными камнями кидает прочь, в сторону ошалелых горлиц... В разрывах тумана вспыхивает то ослепительно белым, то молочно-розовым.

— Терпи, минута, терпи!.. — бросает мне Улаа, не поворачивая головы, настороженно вытянувшись вперед.

Порою кажется, что удары ветра сорвут и унесут прочь этого щуплого, сожженного солнцем человека, орленком вцепившегося в ноздреватый осколок горной маковки.

— Э-э! — вскрикивает вдруг он и, обжигая меня разгоревшимися глазами, протягивает руку вперед. Я прыгаю на выступ камня, хватаюсь за треплющуюся полу камзола алтайца, почти касаюсь рукою обнаженной груди его и, подняв голову, застываю на месте».

Приведенный пейзаж, помогающий раскрыть внутренний мир героя, не включает в себе ничего таинственного. Правда, Д. Герасименко, анализируя пейзажную живопись В. Бахметьева, пишет: «Следует заметить, что в некоторых рассказах писателя («Машина» — 1912 г., «У последней воды» — 1914 г.) пейзажи явно

романтизированы, в них чувствуется излишняя экзотика, таинственность».¹

Действительно, пейзаж у В. Бахметьева романтизирован, но «явно» здесь ни при чем. В пейзаже встречается экзотический элемент, как будто, описывая жизнь другого народа, воссоздавая национальный пейзаж, можно обойтись без экзотизмов. Ведь дело совсем не в том, что использует писатель, хотя это и важно, а в том, как он это использует, с какой идейно-художественной целью.

Тот отрывок, который приведен, насыщен алтайским колоритом. Это не просто прекрасный пейзаж, он символизирует высокий порыв к счастью, вечное братство и дружбу людей. Пейзажная живопись В. Бахметьева овеяна романтикой, что делает его пейзаж более убедительным и ярким.

В картине природы нет «излишней экзотики». Все: и сравнение Улаа с орленком, имеющее народные истоки, и «разгоревшиеся глаза» юноши, и сердце лирического героя, объятые предчувствием неизведанного восторга, — наполняют пейзаж общечеловеческим содержанием, делают его эмоциональным. Нет в этом ничего таинственного.

Романтические приемы наблюдаются у В. Бахметьева и при создании портретной характеристики, которая чаще всего не отличается достаточной индивидуализированностью. Бахметьевский портрет имеет свои истоки: в одном случае — это устно-поэтическое творчество алтайцев, в другом — романтическая традиция, сложившаяся в русской литературе, например, в творчестве революционных романтиков (М. Горький).

В. Бахметьев опирается на алтайский фольклор при создании портрета. Портретная характеристика в устной поэзии алтайцев обычно складывается из нескольких компонентов, среди которых одно из центральных мест занимают глаза героя. Они рисуются народными певцами чаще всего одной краской. Вот примеры из сказания «Алып-Манаш», входившего в репертуар выдающегося алтайского сказителя Н. У. Улагашева:

Нос его на сопку похож,
Брови — на северный лес,
Глаза — на огонь костра.

.
Славный Алып-Манаш, богатырь,
Глаза твои огнем горят.

На эту особенность устно-поэтического творчества алтайцев и опирался писатель при создании портрета алтайца Тетона, который изображен художником слова в романтическом плане, поэ-

¹ Д. Герасименко. Творческий путь Бахметьева В. М. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. М., 1964. с. 66.

тому доминирующей чертой в портретной характеристике героя стали глаза «Тетон сидел у очага, — пишет В. Бахметьев, — хмурый, молчаливый, и, казалось, пил, вбирая в себя глазами багровое пламя. И два пламени было перед нами, собравшимися в юрте: одно — в очаге, другое — в глубине человеческих глаз».

Портретная характеристика Тетона, созданная В. Бахметьевым, по своей романтической приподнятости близка к портрету Ларры из рассказа М. Горького «Старуха Изергиль».

Романтическими красками В. Бахметьев рисует образы алтайцев Тетона, Салаха, Тахтара, Улаа, Джалы и других. Для характеристики внутреннего мира своих героев писатель часто обращается к алтайскому фольклору, использует некоторые приемы устной поэзии в раскрытии инационального характера, например, гиперболизацию.

В одном из своих очерков В. Бахметьев дает яркое изображение чувств бунтаря Тетона, восставшего против старой веры шаманизма, широко привлекает инациональные краски, опираясь при этом на характерную особенность устной поэзии алтайцев — гиперболизм: «Тянуло к неизведанному, большому, чудесному. Обежать бы от восхода до заката солнца весь Алтай, с устья Катуня до белоснежного престола духов. Взвиться к зениту неба орленком или подняться на самую маковку той вон скалы и подать оттуда голос так, что нельзя будет не услышать его по всем великим рекам Алтая».

Желания юности беспредельны, поэтому естественно, что писатель, характеризуя чувства юного Тетона, отбирает соответствующие изобразительно-выразительные средства. Вначале юноше хочется — «взвиться орленком», потом встать на вершине скалы и наконец — «подать голос так, чтобы услышали его «по всем великим рекам Алтая». Эта гиперболичность органична, ибо она дает возможность почувствовать размах стремлений юного Алтая».

Бесстрашие Тетона раскрывается в сцене встречи юного смельчака в черневой тайге с медведем, в сцене, напоминающей по своим романтическим краскам бой лермонтовского Мцыри с барсом: «Вдруг на дыбы взвился конь, и в какой-нибудь полсотне локтей от себя увидел Тетон медведя. Зверь поднял волосатую морду над разрытым муравейником, уставился, не мигая, злыми зелеными глазками на человека. Не страх омрачил голову юноши — бешеная радость. Точно за тем только и летел сюда Тетон, чтобы повстречаться нежданно с медведем, да так, что даже и ружье выхватить было некогда. В диком хмелю рванул он повода и взревел буйным звериным криком. Медведь ухнул, шарахнулся в сторону и, трусливо угнув голову, скрылся в чаще. Оборвал конь повод и без пути понес вперед, а Тетон, вцепившись в гриву, ревел криком человека, которому и смерть не в диво».

В. Бахметьев в образе Тетона изображает человека, полного сил и страстного желания облегчить страдания народа, но алтайский юноша не знает истинных путей к свободе: он отрекается от старой языческой веры, принимает новую — бурханизм, верит, что счастье народу принесет бог Бурхан и сказочный Ойрот-хан. Но это был исторически бесперспективный путь.

Писатель через образ другого молодого алтайца Улаа, который был у автора в качестве проводника, раскрывает тот настоящий путь, который может привести алтайский народ к счастливой жизни, — это путь классовой борьбы. Лирический герой очерков разъясняет Улаа истинное положение дел: политику царского правительства, классовую сущность алтайских баев и зайсанов, реакционную роль религии — православной церкви, шаманизма, бурханизма. «Улаа слушал, не спуская с меня глаз, и я не сомневался, что из всего, о чем мы вели беседу, было им понято самое важное: великой беде алтай-кижи не в состоянии помочь ни новый бог Бурхан, ни сказочный Ойрот-хан».

Лирический герой разъясняет Улаа, кто его истинные друзья: «Он еле держался в седле, мой бедный Улаа, когда я заканчивал рассказ. Но я не оставил его под грузом отчаяния, которое раздавило бы ему жизнь. Я рассказал ему о русских нищих крестьянах, стоящих, как и алтайский народ, у последней воды (Выделено В. Бахметьевым — Г. К.).

— Это друзья твои, Улаа!

Я рассказал о русских рабочих, ведущих борьбу с царем и капиталистами.

— Это друзья твои, Улаа!

Я рассказал также о тех, могучих и мудрых, которые стояли во главе поработанных.

— Эти люди, Улаа, об руку с рабочими и крестьянами спасут Алтай!»

Таким образом, Улаа, проводник, становится надежным помощником автора в его пропагандистской работе, в его деятельности как вестового революции: «Как и раньше, бродили мы в горах, ночевали в долинах и слушали неизбывные жалобы жителей, но теперь, выслушав их, принимался говорить я, и переводчик, остроглазый Улаа, подхватывая мои слова, огненными головешками раскидывал их перед своими сородичами».

В алтайских очерках и рассказах В. Бахметьева по сравнению с другими писателями особенно четко выражена концепция человека, начинающего осознавать истинные цели и средства борьбы за справедливое общество. Социально-эстетический идеал автора очерков «У последней воды» — это человек-борец. Весь цикл, хотя в нем изображается тяжелая жизнь алтайского народа, по-настоящему оптимистичен, дышит верой в победу справедливости.

Если писатели Н. Наумов, В. Шишков изображали алтайский народ с общих гуманистических и демократических позиций, то писатель-большевик В. Бахметьев показал жизнь алтайцев с позиций социалистического идеала. В этом заключается своеобразие и идейно-художественная ценность бахметьевских произведений о Горном Алтае, убедительно свидетельствующих о важной роли революционного мировоззрения в творчестве художника слова.

В дооктябрьский период в русской литературе определились основные тенденции в изображении алтайского народа, в создании инонационального характера: реалистический (Н. Наумов, В. Шишков, Г. Гребенщиков, А. Новоселов) и романтический (В. Бахметьев, А. Семенов, А. Сорокин) принципы изображения жизни, т. е. развиваются критический реализм и романтизм. Каждому художественному методу соответствуют свои приемы типизации.

Верное раскрытие национального характера зависит от мировоззрения художника, степени его таланта, знания конкретных реалий быта, фольклора и этнографии алтайского народа, что и подтверждается творчеством писателей Л. Блюммера, Н. Наумова, Н. Ядринцева, Г. Гребенщикова, В. Шишкова, В. Бахметьева. В зависимости от этого складывается и принцип разработки инонациональной темы: этнографический (Л. Блюммер, Г. Гребенщиков, А. Семенов), социологический (Н. Наумов, Н. Ядринцев, В. Шишков), социально-психологический (В. Шишков, В. Бахметьев). В последнем случае экзотические элементы (этнография) используются для более правдивого и достоверного раскрытия инонационального характера, социального содержания рисуемых картин, т. е. наполняются социальным и психологическим смыслом.

В творчестве наиболее передовых писателей складывается новая концепция человека (В. Бахметьев), формируется социалистический идеал человека-борца за народное счастье. Рождение нового эстетического идеала знаменовало собой появление нового художественного метода, метода социалистического реализма. Алтайская тема в русской литературе в дореволюционный период дает основания для постановки и проблемы о генезисе социалистического реализма.

Тема алтайского народа в дооктябрьский период русскими писателями решалась не всегда достаточно объективно и всесторонне, ибо решение многих национальных, общественно-политических, чисто моральных проблем ограничивалось общественным строем тогдашней России, национальной политикой царизма. Заслуга русских писателей заключается в том, что они показывали жизнь другого народа с гуманистических и демократических позиций, выступали против двойной эксплуатации алтайского народа,

ратовали за равенство и справедливость (Н. Наумов, Н. Ядринцев, В. Шишков, В. Бахметьев, А. Сорокин).

Ограниченность русских художников слова, связанных с алтайской тематикой, проявилась и в том, что писатели в своих произведениях не всегда четко показывали классовую дифференциацию алтайского народа, фактически не создали глубокого инонационального характера, что возможно лишь в крупномасштабном произведении. Односторонность изображения инонациональной жизни проявилась и в том, что русские писатели не дали развернутых женских образов: женщина-алтайка в книгах русских художников слова появлялась эпизодически (Н. Наумов, В. Шишков, В. Бахметьев, А. Семенов).

Идейно-художественная значимость дореволюционного периода освоения алтайской темы заключается и в том, что создается прогрессивная традиция изображения алтайского народа, которая будет продолжена советскими писателями, в частности В. Шишковым, А. Сорокиным, Вс. Ивановым и многими другими художниками слова; вырабатываются многочисленные приемы, принципы раскрытия инонационального характера, использования и введения в художественный текст инонационального фольклора и этнографии, которые будут применяться и советскими писателями.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Связь времен

В русской классической литературе существуют особенно богатые традиции использования инонационального фольклора. Известно, что писатель испытывает воздействие на свое творчество не только со стороны родного фольклора, но и со стороны устной поэзии другого народа, жизнь которого художник слова изображает в своих произведениях.

Обращение прогрессивных русских писателей к воссозданию картин жизни других народов России продиктовано прежде всего их высоким гуманизмом, сочувственным отношением к людям другой нации, стремлением внести свой вклад в великое дело единения всех народов. Передовые художники слова боролись своим творчеством за содружество и взаимопонимание народов России.

Гуманизм и демократичность взглядов передовых представителей русской литературы в национальном вопросе был противопоставлен реакционной царской политике разжигания межнациональной вражды. Эти прогрессивные идеи формировались под воздействием революционно-освободительного движения русского народа и влиянием произведений русских революционеров-демократов В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова.

В. Г. Белинский в статье «Вступление к «Физиологии Петербурга» ратовал за необходимость знакомить русского читателя «с различными частями беспредельной и разнообразной России, которая заключает в себе столько климатов, столько народов и племен, столько вер и обычаев». По мнению великого критика, можно на основе этого богатого жизненного материала создать глубоко поучительные сочинения, ибо «Великороссия, Малороссия, Белороссия, Новороссия, Финляндия, остзитские губернии, Крым, Кавказ, Сибирь — все это целые миры, оригинальные и по климату, и по природе, и по языкам и наречиям, и по нравам и обычаям...»

В. Г. Белинский указывал и на вершины художественного освоения инонационального материала. Он писал, обращаясь к рус-

ским читателям: «Хотите ли узнать Кавказ так, как будто бы он был вашей родиной, — читайте Пушкина и Лермонтова».

Под влиянием революционно-демократической эстетики в русской литературе девятнадцатого века возникла замечательная традиция по использованию инонационального фольклора. Значительная роль в становлении этой традиции принадлежит А. Пушкину. Его стихотворные и прозаические произведения были посвящены изображению жизни народов России («Кавказский пленник», «История Пугачева», «Капитанская дочка», «Цыганы», «Бахчисарайский фонтан», «Кирджали» и др.) Естественно обращение великого национального поэта к фольклору российских народов. Пушкина восхитила казахская народная поэма «Козы-Корпеш и Баян-Сулу». В архиве поэта была обнаружена рукопись этого сказания под названием «Предание Кыргыз», расположенное на песнях о романе Кусукурпечь».

В творчестве Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого определились основные художественные способы, принципы использования инонационального фольклора. Писатели-классики вводили в свои произведения фольклор другого народа как яркое выразительное средство, выполняющее значительные идейно-художественные функции, помогающее раскрытию национального характера, способа мышления героев, созданию типических обстоятельств и т. д. Правдивость картин жизни народов России в произведениях этих художников во многом связана и с их эстетической системой освоения инонациональных устно-поэтических богатств.

Замечательная традиция русских писателей-классиков по использованию инонационального фольклора в художественных произведениях была продолжена и обогащена М. Горьким. Эта сторона деятельности великого пролетарского писателя нашла отражение в научных и критических работах советских литературоведов К. Зелинского, Н. Пиксанова и др.

Правдивое изображение жизни другого народа невозможно себе представить без глубокого и тщательного изучения и проникновения художниками слова в инонациональный материал. Поэтому «изучение и использование русскими писателями фольклора народов России» являются также одной из форм взаимосвязи и взаимообогащения литератур народов СССР, прекрасным свидетельством того, что в культуре каждого народа есть такие элементы, которые становятся общим достоянием всех народов, что усиливает и интернациональное звучание русской литературы.

Крупными исследователями алтайского фольклора в XIX и начале XX веков являются Н. М. Ядринцев, о котором уже говорилось, В. И. Вербицкий (1827—1890), В. В. Радлов (1837—1918), Г. Н. Потанин (1835—1920). Именно к трудам этих ученых чаще всего обращались писатели, работавшие над темой Алтая. Работа

этих ученых по сбору и обнародованию произведений алтайского фольклора освещалась в трудах алтайских фольклористов С. Суразакова, Т. Тюхтенева и др.

Книга В. Вербицкого «Алтайские инородцы» (М., 1893), включающая 29 песен, 35 легенд и сказок, более полутора ста пословиц и поговорок, 26 загадок, несколько десятков поверий, народных примет, заклинаний, шаманских мистерий,¹ представляет научный интерес и для современного фольклориста. Характерно и то, что произведения устно-поэтического творчества алтайцев даются в этой работе на двух языках — алтайском и русском. Переводы за некоторым исключением выполнены с большой тщательностью и точностью. Поэтому понятно, что к этой книге обращались и обращаются многие ученые и писатели.

В работе академика В. В. Радлова «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи» (часть 1, СПб., 1866) опубликованы героические сказания «Тектебей-Мерген», «Кан-Пудей», «Ак-Каан», и др. Алтайский героический эпос, представленный в «Образцах» Радлова, произвел переворот в сознании ученых Запада, считавших, что героический эпос создавался лишь европейскими народами.

Работа В. Радлова по изучению алтайского фольклора не была свободна от методологических ошибок, но она исключительно богата фактическим материалом: в книгу включено 8 прозаических сказок и 6 стихотворных («кай черчек»), свыше 50 песен и стихотворений, 6 легенд и преданий, свыше ста пословиц и поговорок, загадок и другого фольклорного материала.

В. Радлов, получив учительское место в Барнауле, в летние месяцы предпринимал длительные поездки в места, где жили тюркские племена. Цель этих поездок — изучение тюркских языков, сбор образцов их народной поэзии. В осенние и зимние месяцы ученый систематизировал собранный материал и готовился к новой поездке. Таким образом, Радлов в 1860 году изъездил Южный Алтай и тщательно изучил алтайский диалект, в 1861 году — Северный Алтай между реками Катунью и Томью и собрал большой языковой и фольклорный материал среди черневых татар (алтайцев) и шорцев, в 1862 году — восточные киргизские степи, в 1863 году — северный Алтай и южную часть Енисейской губернии (на речья шорцев, кумандинцев и хакасов).

Пропагандой фольклора и прекрасного эпоса алтайского народа, эпоса, который по своим идейно-художественным качествам не уступал западноевропейским образцам, В. Радлов занимается и в своих последующих трудах.

¹ Правда, шаманские молитвы даны на алтайском языке, ибо их очень трудно перевести, потому что смысл их не всегда уловим.

Характерной особенностью фольклорной деятельности В. Радлова на Алтае, как и В. Вербицкого, Н. Ядринцева, Г. Потанина, является то, что он был связан с первым алтайским писателем-просветителем М. Чевалковым, который помогал ученым собирать произведения устно-поэтического творчества алтайцев. Многие легенды, сказки, песни, опубликованные в радловских «Образцах», были переданы ученому Чевалковым. Этот факт ценен тем, что он является свидетельством русско-алтайских литературных связей.

✓ В изучение и собирание алтайского фольклора внес свой вклад Г. Потанин, который почти в течение сорока лет с небольшими перерывами изучал этнографию и устно-поэтическое творчество алтайцев. Значительный фольклорный материал сосредоточен в его книге «Очерки Северо-Западной Монголии» (Спб., т. 4, 1883), многое опубликовано в периодике. Несмотря на отдельные просчеты методологического характера, касающиеся потанинского компаративизма, ученый является представителем той «науки, которая не была связана с обслуживанием интересов колониальной политики, а отражала прогрессивные идеи передовой части русского общества».

Фактически выводы, к которым приходил Потанин в своих исследованиях, были направлены против колониальной политики царизма. Ученый призывал русское общество обратить внимание на тяжелое положение не только алтайцев, но и многих других народов Сибири.

Потанин высказал любопытную мысль о том, что между народами, независимо от их культурного и экономического положения на том или ином отрезке времени, может происходить обмен духовными ценностями. При этом народ с более высокой культурой может заимствовать у другого народа, стоящего на более низкой ступени социальной лестницы, все лучшее, что им создано. Ученый писал, что «усвоение сюжетов, даже целого сложного комплекса чужих преданий, не ставит непременно условием духовное доминирование племени, у которого делается заимствование». Такое утверждение о равноценности всех народов было прогрессивным. Именно с этих передовых позиций подходил Потанин к исследованию алтайского фольклора.

Представляет теоретическую ценность и положение Потанина, выдвинутое им в статье «О необходимости собирания сказок». В ней ученый обращает внимание фольклористов не просто на изучение сказок, но и на сравнительный анализ произведений устного народного творчества, чтобы выявить «какие сюжеты у нас общие с западными нашими соседями, какие с восточными, с которыми соседями у нас родство, богаче ли мы соседей сказками или беднее, и у кого формы сказок архаичнее, у нас или у западных народов, или у тюрко-монголов».

Фольклорная работа Г. Потанина интересна в том плане, что она является дальнейшим развитием русско-алтайских культурных и литературных связей. В своей деятельности фольклориста ученый опирался на культурные силы алтайского народа, ибо считал, что стационарный способ собирания устно-поэтического творчества более плодотворный. С этой целью он привлекал местную алтайскую интеллигенцию: писателя М. Чевалкова, художника Г. Гуркина, учителя Н. Н. Никифорова и др.

Некоторые сказки Г. Потанин записал у алтайского писателя М. Чевалкова. К ним относятся «Семь братьев», «Царь зверей» и другие. Характерно, что эти сказки более совершенны в литературном отношении. Вот одна из них: «Звери и птицы собрались, чтобы избрать себе царей. Царем птиц выбрали орла, который называется Кан-Кереде; царем зверей выбрали льва, Арслана. На этом собрании и журавлю дали место какого-то начальника, дергач, стоя в сторонке, сказал: «Зачем дали такое место такому длинноногому и длинноносому?». Журавль обиделся, клюнул дергача и переломил ему спину; оттого дергач теперь не может сразу подняться на воздух, а сначала должен побежать по земле. Дергач в свою очередь содрал с головы журавля хохол, от которого только остатки около ушей сохранились».

Под руководством Г. Потанина Н. Никифоров подготовил интересную книгу «Аносский сборник» (Омск, 1915), в которую включены различные жанры алтайского фольклора, но особенно значительное место занимают в книге крупные эпические произведения «Алтай-Буучай», «Кан-Таджи», «Кан-Мерген», «Алтын-Кучкаш», которые входили в репертуар знаменитого народного сказителя Чолтыша Куранакова.

В одной из рецензий на книги «Труды Томского Общества изучения Сибири» (т. III, вып. I. Под редакцией Г. Н. Потанина. Томск, 1915), Н. Я. Никифорова «Аносский сборник» (Редакция и примечания Г. Н. Потанина. Омск, 1915) справедливо отмечалось, что русские ученые, в частности Г. Н. Потанин, «оказывают огромную услугу национальному самоопределению самих инородцев, способствуют сохранению оригинальной культуры их, помогая ей занять свое подобающее место в жизни наряду с культурой других наций».

В книге Г. Потанина «Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки» (Петроград, 1917) опубликованы и произведения устной поэзии алтайцев: «Алтай-Бучи», «Кочкор-Бай», «Сартакпай». Сказание «Алтай-Бучи» записано ученым в долине реки Урсул, остальные две сказки были записаны Г. Гуркиным от алтайца Петра Ивановича Чичинова, живущего в с. Ильинское Кузнецкой волости.

Научная и общественная деятельность Г. Н. Потанина способ-

ствовала утверждению прогрессивной традиции в экономических и культурных взаимоотношениях русского и алтайского народов, помогала утвердиться наиболее передовым и гуманистическим формам сотрудничества между представителями разных национальностей.

В дореволюционное время изучением алтайского фольклора занимались и другие ученые, связанные с Горным Алтаем. Среди них следует назвать А. Анохина, А. Калачева, В. Хворова... Значительная работа проделана композитором и этнографом Андреем Викторовичем Анохиным, начавшим изучать этнографию и записывать алтайские народные песни до Октября. О его фольклорно-этнографических занятиях высоко отзывался Г. Потанин. В архиве В. И. Анучина хранится рукопись Потанина «Предисловие к этнографическим материалам А. В. Анохина», в которой положительно оценена работа молодого ученого.

Ценность работы русских ученых по собиранию и изучению алтайского фольклора состоит не только в том, что фольклористика как наука обогатилась новыми интересными фактами, но и в том, что большинство исследователей обращало внимание на высокие идейно-художественные качества произведений устно-поэтического творчества алтайцев. Этот факт имел важное значение для творческого осмысления и освоения алтайского фольклора русскими писателями, создавшими произведения о Горном Алтае.

Собранные учеными фольклорные материалы широко использовались в творчестве художников слова. Особенно важную роль в этом отношении сыграл «Аносский сборник». К его материалам обращались в дореволюционное и советское время многие писатели: В. Шишков, В. Бахметьев, Г. Вяткин, Г. Гребенщиков, Вс. Иванов, А. Сорокин, А. Коптелов, И. Ерошин...

Произведения устной поэзии алтайцев часто записывались через переводчиков, что усложняло работу, приводило к обеднению содержания и формы записанной сказки или легенды. Например, В. Булгаков, записавший через переводчика «сказку о богатыре Шаньжаре, полную оригинальных мотивов», не сумел ее достаточно полно разработать, так как не владел алтайским языком, следовательно, не мог знать особенностей поэтики алтайской сказки, алтайского героического эпоса.

К переводам произведений алтайского фольклора обращались и другие ученые и писатели. Среди них можно назвать А. Калачева, переведшего на русский язык сказание «Алтай-Буучай» стихом русских былин, что совершенно не соответствовало духу оригинала, его ритмико-интонационному строю. Интересны некоторые литературные переводы Г. Гребенщикова, обращавшегося к песенной поэзии алтайцев.

Алтайская устная поэзия, являясь исторически глубоким обоб-

щением народной жизни, выражает мировоззрение, характер, психический склад алтайцев. Чтобы постигнуть национальный характер, писатель должен знать хорошо фольклор народа, о котором пишет, ибо без этого знания постижение характера человека другой нации невозможно. В дореволюционное же время, когда устная поэзия была почти единственным средством выражения духовной жизни человека, это особенно важно. Хорошо сказал П. Скосырев: «Нет иных путей и способов понять национальный характер народа, как глянуть в лицо национального классического фольклора...»

В алтайском фольклоре, как и в устной поэзии любого народа, отражается специфика трудовой деятельности алтайцев, их бытовой уклад, обряды, обычаи, особенности алтайских пейзажей. Отсюда для передачи национального своеобразия, быта, труда, колорита Горного Алтая писатели вынуждены обращаться и к устно-поэтическому творчеству алтайцев.

В процессе взаимодействия и идейно-эстетического взаимообогащения великой русской литературе принадлежит ведущая роль. Она не только оказывает благотворное воздействие на другие братские литературы, но и вбирает в себя, творчески перерабатывая, отдельные элементы культуры других народов. Одной из форм обогащения русской литературы является использование ею национального фольклора.

Русские писатели художественно осваивали фольклор не только тех народов, которые имели до революции развитую письменную литературу, но и тех, которые в дооктябрьский период имели лишь устную поэзию. В том и сила русских прогрессивных писателей, что они все народы считали равноправными и в культуре каждого народа черпали такое, что обогащало и содержание, и форму их произведений. Поэтому вполне естественно, что в русской литературе с давних пор существует традиция использования алтайского фольклора.

Для того, чтобы правильно, исторически конкретно раскрыть идейно-эстетические функции алтайского фольклора в произведениях русских писателей, авторов наиболее талантливых и художественно ценных книг об Алтае, необходимо показать на соответствующих примерах, как складывалась и развивалась традиция освоения устно-поэтического творчества алтайского народа в русской литературе.

Процесс художественного освоения алтайского фольклора можно разделить на два периода. Первый — дореволюционный, когда еще только складывалась эта традиция, когда реакционная национальная политика царизма тормозила этот процесс, сея национальную рознь и вражду между народами. Второй этап, принципиально новый, начинается в советский период, когда эстетическому

взаимообмену и взаимодействию культур народов нашей страны были созданы все политические и экономические условия.

В дореволюционный период алтайский фольклор использовали в своем творчестве писатели Н. Ядринцев, Н. Наумов, В. Бахметьев, Г. Гребенщиков, В. Шишков, Вс. Иванов, А. Сорокин, Г. Вяткин... Можно назвать еще десятки имен литераторов, связанных с темой Алтая, но их творчество порой не представляет самостоятельной художественной ценности.

Своеобразие творческой манеры писателя определяется талантом, жизненным опытом, мировоззрением. Причем все эти факторы взаимосвязаны и взаимовлияют друг на друга, что имеет основополагающее значение в решении проблемы использования алтайского фольклора и другого инонационального материала русскими писателями в произведениях, посвященных Алтаю.

Исходным пунктом в определении художественной эффективности использования устно-поэтического творчества алтайцев русскими художниками слова должно стать положение об единстве формы и идейного содержания конкретного произведения. Отсюда зависимость фольклоризма того или иного писателя от идейно-эстетических целей, стоящих перед ним.

Метод писателя в работе над фольклором определяется и идейно-эстетическими качествами, достоинствами произведений устно-поэтического творчества алтайцев. Ведь художника не все привлекает в алтайском фольклоре, а в основном то, что соответствует его эстетическим взглядам. Но в алтайской устной поэзии, как в истинно народном искусстве, немало по-настоящему прекрасных созданий, что не может оставить равнодушным писателя к этому духовному богатству.

М. И. Калинин, большой знаток литературы, ценитель устного народного творчества, говорил в своей речи при вручении орденов представителям украинского и казахского искусства 27 мая 1936 года: «Несомненно, самым высоким видом искусства, самым талантливым, самым гениальным является народное искусство, то есть то, что запечатлено народом, что народом сохранено, что народ пронес через столетия. Вы понимаете, что в народе не может сохраниться то искусство, которое не представляет ценности. Народ — это все равно, что золотоискатель, он выбирает, сохраняет и несет, шлифуя на протяжении многих десятилетий, только самое ценное, самое гениальное».

Произведения устно-поэтического творчества писатели используют не только как средство усиления идейного содержания книг, но и как средство их эстетического обогащения: категория содержания в то же время есть категория эстетическая. Ведь писатель, используя тот или иной фольклорный образ, сохраняет в нем национальную специфику, его идейно-эстетические особенности

и в то же время образ наделяется писателем новыми художественными гранями, обусловленными идейно-тематической основой произведения, в который этот национальный мотив вводится.

Н. Наумов в очерке «Горная идиллия» обращался к устной поэзии алтайцев. Он в соответствии с народнической эстетикой, чтобы подчеркнуть тяжелое положение алтайского народа, страдавшего в прошлом от набегов джунгарских ханов, задавленного тяжелой нуждой, угнетаемого русскими чиновниками, купцами и местными кулаками, использует выразительную песню о прошлом Алтая, которая дается автором в прозаическом пересказе: «С высоты, если смотреть, треуголен ты, царь Алтай! Как посмотреть сбоку, девятиуголен ты, царь Алтай! По скату гор если смотреть, как плеть, хребет твой, царь Алтай! По осеннему жилищу своему, как бурое сукно, разостлался ты, царь Алтай! Жалко тебя, сердечный ты, мой Алтай! Много крови пролилось в тебе...

Пропадай ты, сосна, с мерзлыми сучьями, не доживай до такого разорения!.. Величия полный, мой Алтай, горе тебе от такого опустошения!.. Пропадай ты, сосна, с сухими ветвями, если будут тебя еще обламывать!.. Хорошо ты был устроен, мой Алтай!.. Горе тебе от такого опустошения!»

Нет однозначного ответа на вопрос, что же дает инонациональный фольклор русскому писателю, и не может быть. Особенно важно подчеркнуть такую мысль: введение образа устной поэзии в художественную ткань есть практически осуществление в произведении связи времен, прошлого и настоящего. Русский художник слова осуществляет отбор из народной эстетики наиболее ценного в идейно-художественном смысле и обязательно созвучного с современностью.

Песня, полная тоски и печальной любви к родной, разоряемой земле, обращена была не только к тем далеким временам, когда Алтай подвергался набегам соседних, более сильных племен, но и относится к настоящему для автора очерка времени. Эту связь песни с современным положением жителей гор Н. Наумов усиливает, подчеркивает такими словами: «Много лет прошло с тех пор, как дикий бард сложил эту песню, выражающую такую жгучую тоску, об опустошении и разорении хорошо устроенной жизни в горах Алтая, полных царственного величия, а между тем эта песня и теперь применима к нему».

Народная песня, введенная Н. Наумовым в очерк, сама по себе имеет определенную идейно-художественную ценность, но когда она используется как средство усиления идейного содержания, то ее эмоциональное воздействие на читателя возрастает, возрастает и идейно-художественная значимость самого произведения. Обращение писателя к алтайскому фольклору в данном случае не противоречит его идейно-эстетическим установкам, а наоборот помо-

гает более глубоко и ярко выявить главную мысль очерка «Горная идиллия».

Алтайский фольклор в творчестве Н. Наумова занимает незначительное место, поэтому фольклорного влияния уже не заметно в других его произведениях, например, в рассказе «Сарбыска», но характерно, что автор очерка «Горная идиллия» с художественным тактом ввел в текст историческую песню. В этом, безусловно, большую роль сыграл талант писателя, его мировоззрение, его сочувственное отношение к угнетаемому народу.

Идейно-эстетическая значимость вводимого фольклорного материала в художественный текст обуславливается не количеством, а тем, с какой целью используются устно-поэтические средства, и главное, как они помогают решать ту или иную проблему. В очерке Н. Наумова инонациональные краски органично входят в ткань произведения.

По-иному использует фольклорно-этнографический материал в своих алтайских произведениях Г. Гребенщиков. Он в противоположность Н. Наумову был длительное время связан с Горным Алтаем, побывал почти во всех его уголках. Писатель дружил с алтайским художником Г. Гуркиным, внимательно следил за его творчеством. Г. Гребенщиков оказывал литературную помощь учителю-алтайцу Н. Никифорову, выступавшему со статьями, рассказами и стихами в сибирских газетах.

Некоторые замечания писателя о характере алтайского фольклора отличаются верностью, точностью подмеченных деталей. Г. Гребенщиков справедливо считает, что устная поэзия алтайцев сложилась в глубине веков, время наложило на нее свой отпечаток. Своеобразие устно-поэтического творчества народов Алтая обусловлено своеобразностью их кочевой и полукочевой жизни. Так, писатель в докладе «Старина русского Алтая», прочитанном 3 ноября 1914 года в Томском обществе изучения Сибири, говорил: «Много веков под сенью дымчатого Алтая ютились монгольские и тюркские племена, создавая свой богатырский эпос, своих богов и идолов, свою «полудремотную, кочевую жизнь».

Характер инонационального фольклора писатель порой объясняет односторонне. Величественность, красочность алтайских песен, по Г. Гребенщикову, в основном зависит от географической среды. Писатель не берет во внимание особенностей социального развития народов Алтая, затушевывает социальное содержание отдельных произведений устной поэзии алтайцев. Отсутствие исторического взгляда на вопросы фольклора приводило писателя к ограниченности. Г. Гребенщиков красоту устной поэзии объясняет красотой самой природы и забывает о создателях прекрасных песен: «Недаром алтайцы, воспевая Алтай в одной из своих песен, говорят: «Как расплетенная плеть, тянутся хребты твои».

Писатель, не проникнув глубоко в поэтику устной поэзии жителей гор, недопонимая ее характер, ее специфику, считал, что яркая географическая среда как бы сама рождала образы потрясающей силы, тем самым умалывая роль самого человека в создании народного искусства. В приведенном сравнении горных хребтов с «расплетенной плетью» проявляется специфический взгляд на природу кочевника-скотовода. Из методологии И. Тэна, из его знаменитой триады («раса», «среда», «момент») Г. Гребенщиков воспринял в основном только вторую часть — географические и климатические условия, что сужало диапазон исследования.

Г. Гребенщиков не обладал четким мировоззрением, а следовательно, и не видел двух начал — консервативного и прогрессивного — в культуре алтайского народа. Писатель интересуется шаманскими мистериями, исследует языческие представления алтайцев о природе, переводит мистирию «Ак-Яик». Мистическое содержание молитвы облачено в вялую форму, которая часто лишена национального колорита, ибо рядом с яркими образами «плети пламенной, свитой из молний», «пояса из радуги» соседствуют такие «перлы» книжности, имеющие религиозную окраску, как «белый дух бестелесный», «дщерь небесная», «небесный эфир вездесущий» и т. д.

По замыслу переводчика, Ак-Яик, один из божеств шаманских верований, должен предстать перед русским читателем, как «правдивый защитник и мститель». Но само содержание шаманской молитвы, ее форма не давали материала для такого вывода. Вполне закономерно, что недифференцированное отношение к алтайскому фольклору приводило Г. Гребенщикова к идейно-художественным просчетам.

Фольклорно-этнографический материал у Г. Гребенщикова порой не вращал органично в художественную ткань, а жил своей самостоятельной и обособленной жизнью. На этот недостаток в свое время указывал М. Горький, рассматривая повесть сибирского писателя «Ханство Батырбека».

Г. Гребенщикову не удалось создать инациональные характеры, точно и достоверно изобразить полную противоречий жизнь другого народа, выявить, как советовал М. Горький, в бытовом, этнографическом «мировое, общечеловечье», потому что его произведениям на инациональные темы не хватало широты взгляда, глубины осмысления жизненного материала.

Более зрелая в художественном отношении повесть Г. Гребенщикова «Любава», посвященная взаимоотношениям русских и алтайцев, включает значительный фольклорно-этнографический материал, который писатель использует с большим тактом и художественно целесообразно. Так, например, песни молодого алтайца Сапыргая о коне, который «носится по горам, как камень,

брошенный богатырской рукою», хорошо передает настроение, чувство тревоги действующего лица. Песня о коне естественна в устах кочевника: она передает особенности мировосприятия юноши, впитавшего любовь к коню с детских лет.

Правда, наряду с фактами художественного осмысления устной поэзии алтайцев в повести «Любава» наблюдается и психологически неоправданный подход к произведениям фольклора. Именно такой является историческая песня о богатыре Канзе, исполняемая богатым алтайцем Тырлыканом. Она не связана с особенностями характера действующего лица, не углубляет представлений читателя о герое, не слилась с ним органично.

Алтайские произведения Г. Гребенщикова свидетельствуют об одной важной особенности взаимодействия литературы и фольклора: художественное освоение фольклорно-этнографического материала алтайцев тем или иным писателем находится в прямой зависимости от его мировоззрения, таланта, творческой индивидуальности.

Отсутствие четкого идейного замысла мешало художественному осмыслению фольклорно-этнографического материала не только Г. Гребенщикову. Писатель Александр Сергеевич Семенов (1880—1919), сотрудничавший в предреволюционные годы в газетах «Жизнь Алтая», «Алтайская газета», написал повесть «Ак-Бурхан» (1914). Автор обладал дарованием, о чем свидетельствует его рассказ «Ахьямка» (1913), в котором повествуется о трагической любви молодого охотника-алтайца.

Появление бурханизма, новой веры, пришедшей на смену шаманизму, сопряжено было на Алтае с трагическими событиями. Местные власти квалифицировали это религиозное течение как бунт, и в 1904 году, когда тысячи алтайцев собрались на моление неподалеку от Усть-Кана (ныне районный центр — Г. К.), были вызваны войска, которые жестоко расправились с мирными алтайцами. Эти события и легли в основу повести «Ак-Бурхан», опубликованной в «Алтайском альманахе» (1914).

А. Невесов (Новоселов — Г. К.), давая общую высокую оценку «Алтайскому альманаху», считая его вехой, на который «будущий историк духовных течений Сибири», «сибирской литературы неизбежно остановит свой взор», подвергает критике повесть А. Семенова, которая «в силу ли исключительности описываемого момента или в силу свойств таланта автора (вероятно, тут имели место оба фактора) представляет антихудожественное произведение».

В чем, по мнению критика, проявляется «антихудожественность» повести? По характеру фабулы и композиции это художественное произведение, т. е. повесть, утверждает критик, но в ней настолько обильно использован фольклорно-этнографический ма-

териал, что А. Новоселов называет произведение «этнографическим очерком» с историческим уклоном. Следовательно, этнографичность повести и выводит ее за пределы художественности.

В связи с семеновской повестью А. Новоселов вспоминает «Чукотские рассказы» В. Тана-Богораза. Над этими авторами, считает критик, «висит дамоклов меч: неизбежные провинциализмы, узко-технические и этнографические термины». Правда, рецензент отмечает, что автор «Ак-Бурхана» нашел прием введения экзотической лексики, «достойный внимания и не лишенный новизны»: многие экзотизмы писатель объясняет в самом тексте, избегая утомительных сносок («..по звонкой долине Кок-Су — Голубая река»).

Замечание А. Новоселова о перенасыщенности повести фольклорно-этнографическим не лишено справедливости, но воссоздать инонациональную действительность невозможно, не опираясь в своих описаниях на соответствующие инонациональные средства. Дело тут в другом: А. Семенов не чувствовал меры в использовании фольклорно-этнографического материала, поэтому нарушал границы художественности.

А. Семенов при помощи алтайского фольклора пытается воссоздать специфику жизни и быта жителей гор, раскрыть психический склад и мировоззрение представителей алтайского народа, но в семеновской повести не каждая фольклорная деталь стала средством психологического анализа, средством раскрытия инонационального характера.

Центральное место в повести занимает образ Чета — проповедника новой веры. Он изображен романтически настроенным юношей, гордым, умным, презирающим людей за их слабости, за их слепую веру в языческих богов, веру и поклонение камам, которых Чет считает виновниками всех бедствий. Он смел: вступает в единоборство с камом Пустелянгой, не дрогнул, когда к нему бросились с ножами разгневанные алтайцы.

А. Семенов алтайский фольклор использует как средство раскрытия инонационального характера. Чет был обыкновенным мечтательным юношей, но вот он становится проповедником новой веры. Приобретение Четом новых качеств, качеств борца, вступающего в непримиримый бой с шаманизмом и его богами, обусловлено фольклорными мотивами.

Однажды глухой ночью Чет услышал песню старого алтайца-сказителя Айнтая:

Губернскому чиновнику что нужно?
В серебряных вожжах конь нужен.
Несчастному Алтаю что нужно?
Сильный разумом сын-богатырь нужен.

Слова этой песни поразили юношу, они всколыхнули все лучшее, что было в нем, и он решил стать тем «сыном-богатырем», который нужен «несчастному Алтаю». Правда, все свои усилия он направляет лишь против шаманизма и против русских вообще. Он говорит каму Пустелянге: «Кто теперь богат? Одни камы да зайсаны богаты. А почему они богаты? Потому что предали Алтай русским, и на Алтае будут жить одни русские».

Главная идейная ошибка А. Семенова в том, что он бурханистское движение рассматривает лишь как форму борьбы за национальную обособленность. Бурханизм был направлен не только против царских чиновников, русских купцов, но и против всего русского народа. В то время как между русским трудовым народом и алтайцами-бедняками издавна сложились крепкие дружеские и родственные связи и отношения. Но этого не увидел писатель и его герой.

Вредные идеи бурханизма, призывающие отторгнуть Алтай от русского государства, проповедуются в речах Чета и в песнях:

Из шести луков будем стрелять —
Русского народа не станет!
Десять луков натянем —
Русский народ убежит!

Безусловно, алтайский народ, подвергаемый двойному гнету русских капиталистов и местных баев и зайсанов, накопил «горы ненависти» к угнетателям, что нашло свой выход в новом религиозном течении. Но движение было реакционным с точки зрения исторической перспективы, ибо отторжение Алтая от России означало бы возврат к прошлому, гибель всех истинно народных идеалов о счастливой жизни, оно означало бы, в конечном итоге, отрыв от русского рабочего класса, возглавлявшего национально-освободительное движение в России.

Чет, выступая в роли защитника «несчастливого Алтая», направил свой главный удар не против баев и зайсанов, русских капиталистов и кулаков, а против шаманизма, хотя камы и шаманы да и православная церковь всегда являлись лишь орудием сильных мира сего. Чет обличает: «Да, я, Чет-Челпан, говорю: не было и не будет никогда никакого злого Эрлика! Нет никаких богов, кроме доброго бога. И этот бог — не Ульгень, который ничего не может сделать с Эрликом, который слабее этого злого бога! Наши камы требуют богу жертв, как и русские камы берут за все деньги!.. Они носят золотые одежды, а народ ходит в рубище и делается злым, как собака... Мы тоже делаемся злыми, потому что наши боги не хотят помочь нам. Мы даем последнюю лошадь Эрлику, а он убивает алтайца, у которого семье нечего есть завтра. Почему Эрлик помогает злым, а Ульгень забыл о добром?»

Литературовед В. Трушкин положительно оценивает повесть А. Семенова «Ак-Бурхан», но с некоторыми утверждениями и оценками исследователя нельзя согласиться. Критик называет семеновскую повесть «самым острым в социальном отношении произведением «Алтайского альманаха», в ней рисуются «картины классового расслоения в среде алтайцев», главный герой повести Чет-Челпан представлен как «своеобразный народный бунтарь и мститель».

Спору нет, что бурханистское движение религиозного характера, направленное против языческой веры алтайцев — шаманизма, местными властями классифицировалось как бунт. Отсюда и восклицания ожесточенной толпы темных русских мужиков:

«— Усмирять калмыцкий бунт!

— Искоренять крамолу!»

Вне всяких сомнений, что религиозное начало бурханистского движения переплеталось с социальными мотивами, но «социальная заостренность» повести носила далеко не прогрессивный характер. Это особенно хорошо видно, когда сопоставляешь материал повести А. Семенова с произведениями В. Шишкова («По Чуйскому тракту»), В. Бахметьева («У последней воды») на ту же тему, которые показали реакционный характер бурханистского движения.

Чет безжалостно сбрасывает с себя одни позлащенные путы и заменяет их новыми, которые не лучше старых. Он теперь поклоняется и зовет других поклоняться Белому Бурхану, самому доброму, о котором поют:

Ты, который светишь днем, —

Солнце-Бурхан!

Ты, который светишь ночью, —

Месяц-Бурхан!

Новая вера оказалась такой же бесперспективной, как и старая. Чет Челпанов не «народный бунтарь и мститель», как утверждает В. Трушкин, а проповедник реакционного бурханизма. В этом проявляется историческая неосведомленность, мировоззренческая противоречивость и ограниченность автора повести.

В некоторых сценах А. Семенов демонстрирует умение проникать в глубины инонационального характера. Это бывает тогда, когда автор использует тот или иной национальный элемент не сам по себе, а как средство раскрытия характера. В пятой главе «Соперники» рассказывается о злом и самолюбивом кержаке Кирилле Устюгове, разбогатевшем на торговле пантами в Монголии. Он влюбляется в жену Чета Тутанхэ, проникает в аил. Но в этот миг возвращается Чет. В момент минутной заминки Тутанхэ наносит Устюгову удар ножом и хочет еще раз ударить, но Чет, за-

дыхаясь от еле сдерживаемой ярости, кричит: «Он — гость наш!» Этим самым предотвращается смерть Кирилла Устюгова.

Так, национальный обычай становится ярким средством раскрытия национального характера. Эта деталь убедительно подчеркивает огромную силу воли и благородство оскорбленного горца, для которого закон гостеприимства, древний обычай предков, выше личной вспышки ненависти, личной обиды.

Роль этнографических деталей в повести «Белый Бурхан» заключается и в том, что она помогает писателю точно воссоздать типические обстоятельства, в которых происходит действие.

Описание моления бурханистов отличается точностью. В нем нет лишних деталей, а использованные подробности необходимы для двух целей: для создания фона действия и для раскрытия содержания новой веры. Обратимся к тексту: «И вершина хмурой горы, украшенная зелеными березками, закурилась дымом арчына, струившимся к небу.

Ножи, неразрывный спутник каждого алтайца, для доказательства чистоты сердца молящихся, были собраны вместе и зарыты в землю.

Жертв не было. На костер из вереска Чет брызгал молоко из поданного Тутанхэ кувшина и призывал:

— Юч-Курбустан — Бурхан!»

А. Новоселов делает замечание и о характере стиля «Белого Бурхана», для которого присущ «взвинченный, приподнятый тон рассказа», который в «полуэтнографическом произведении» ведет порой к искажению художественной правды, к нарушению логики развития человеческого характера (Санаш), к неубедительному раскрытию психологии алтайцев.

А. Новоселов, правильно подметив отдельные художественные просчеты повести «Белый Бурхан», не обратил внимания на то обстоятельство, что произведение А. Семенова написано не в реалистических, а романтических традициях. Отсюда и «взвинченный, приподнятый тон» повествования, отсюда и недостаточная социальная и психологическая детерминированность человеческого характера и другие недостатки.

Повесть А. Семенова — стилистически неровная вещь. В ней еще много неуклюжих фраз, книжных образов («Скалистый противоположный берег с лесом на вершинах скал казался сказочным замком, окруженным полуразрушенными стенами с бойницами и башнями»). Автор «Белого Бурхана» еще не сформировался как писатель, но отдельные картины, связанные с жизнью алтайского народа, точны и убедительны.

А. Семенов обладал даром образительности, о чем свидетельствует описание сцены камлания: «В юрте слышалось стрекотанье, печальный клич кукушки, сороки, мелодичное курлыканье

журавля и зловещий клекот ворона, уханье филина и хохот совы. Раздалось змеиное шипение и свист крыльез невидимой огромной птицы. В жутком оцепенении сидели гости и слышали, как неслись эти звуки из всех углов юрты, из-за больного, снаружи и из-под лежащих в углу юрты седел...»

В описании дана яркая звуковая мозаика, точно передающая манипуляции шамана, создающая иллюзию достоверности происходящего. Она как бы подчеркивает магическую силу кама, свободно распоряжающегося силами природы, и в то же время сцена эта выполнена в духе поэтической традиции алтайцев, устную поэзию которых А. Семенов знал хорошо, ибо в повести использованы фрагменты из алтайских сказаний о богатырях Алтай-Бучае, Кара-Кубеке, многочисленные песни.

Если сравнить повесть Г. Гребенщикова «Любава» с повестью «Белый Бурхан», то А. Семенов более целенаправленно осмысливает инонациональный материал, который у него уже является средством психологической характеристики действующих лиц, в то время как у Г. Гребенщикова он порой выступает лишь в качестве фона, как средство создания алтайского колорита.

В то же время в произведениях Г. Гребенщикова и А. Семенова, осваивающих инонациональную тематику, видны ограниченность в изображении жизни алтайского народа, отсутствие исторической перспективы, что, безусловно, снижает идейно-художественное значение этих повестей.

Спыт художественного освоения алтайского фольклора писателем А. Семеновым можно считать положительным, ибо устно-поэтическое творчество помогало ему в отдельных случаях разгадать народный дух, психический склад изображаемого народа, что было особенно важно и перспективно.

В. Бахметьев своими произведениями стремился пробудить в алтайском народе чувство национального самосознания, стремление к борьбе. С этой целью он часто обращался к легендам и преданиям, в которых повествовалось о сильных характерах, о людях, обладающих ярко выраженным чувством собственного достоинства, о людях, готовых постоять за свою честь. Именно таково предание, использованное в очерке «На Черемуховом ключе», о воине, который умер, но не сдался в плен: «Жил давным-давно в верховьях Чарыша князь Алтайский. Зовут его и просто зайсаном великим. Было время, когда имя его произносилось с восторгом и по Чарышу, и по Катуню, и у белоголового престола Алтая, по всему Джунгарскому царству.

Одну из дочерей вождя китайского взял себе в жены князь. Глаза ее — косули горной, косы ее, как водопад, простертый со скал. Полюбишь ее — так на всю жизнь!.. Но безрассуден был в гневе-ревности князь алтайский, не пощадил он красавицу —

казнил... Голову ее отцу послал: мстил отцу за измену дочери. Тогда собрал свое войско вождь китайский и двинулся на Алтай, и бежал князь к низам Чарыша, и засел у Черемухового ключа, на неприступной вершине горы Юрты, в пещере, и там погиб без воды и пищи со своими людьми».

В приведенной алтайской легенде нарисован сильный характер, показан мужественный человек, считавший свою личную свободу превыше всего. Но писателя не мог удовлетворить легендарный образ алтайского воина, потому что его поступками руководила не высокая, страстная любовь к своей земле, своему народу, а страшная, необузданная гордыня. Он не мог стать героем, защитником несчастного народа.

В алтайских песнях, легендах, сказаниях выражалась вековая мечта народа о человеке, несущем свет и счастье. Среди произведений устно-поэтического творчества алтайцев были и такие, в которых проповедовались идеи пассивного ожидания. Такова легенда о хане Ойроте, едущем на белом коне.

Идейная позиция, которую занимает писатель, находится в противоречии с фольклорными образами, вводимыми в очерки. В. Бахметьев не говорит прямо о том, что надежда на хана Ойрота или на белого бога Бурхана несостоятельна, но в то же время созданными художественными образами подводит своего читателя к мысли о необходимости выбора другого пути, более активного.

Мягкость, с которой писатель использует отдельные фольклорные мотивы, противоречившие его мировоззрению, свидетельствует об уважении автора к национальному достоинству алтайцев. Подтверждением может быть такое описание из очерка «Тетон»: «Взор всего народа тянулся к солнцу, вздохи всех гонимых шли на восток: «Спаси -ты, солнечный, белый, согревающий... Приди из ночи столетней, прими плоть и кровь... Возвратись, возвести!..»

Писатель всей системой художественных образов говорит о другом. О приходе свободы «возвестит» не белый бог Бурхан («солнечный, белый, согревающий»), а сам народ-труженик, осознавший необходимость борьбы с притеснителями.

В последующие издания очерков В. Бахметьев вносит некоторые исправления, уточнения. Вот как звучит конец приведенной цитаты: «Они пели о близком приходе Ойрот-хана, любимого героя народных сказаний». Автор подробно и обстоятельно разъясняет суть ханских «деяний» с легкой долей иронии: «...не знал будто бы алтай-кижи при Ойроте ни нужды, ни голода, ни всех нынешних несчастий. И не было будто бы тогда ни бедных, ни обиженных — всех защищал мудрым своим судом великий Ойрот. Но узрел хан надвигавшиеся на родной край бедствия и, страшась позора, из-за своего бессилия перед грозными испытаниями,

скрылся в неизвестную даль, а уходя объявил, что возвратится, когда пробьет положенный час. «Знайте, — завещал он своим подданным, — знайте, что пришествие мое последует вслед за тем, как одна за другой низвергнутся три снежные сопки горы Белухи, водами своими питающей Катунь». Нет, не пришел в горы Ойротхан, а в горах появился слух о новом белом боге — Бурхане: «И полилась эта весть из урочища в урочище, от реки к реке, от стойбища к стойбищу. Белый бог, бог новой сказки, нового народного самообмана, звал под свою сень, и, покорные ему, люди уничтожали идолов, сжигали бубны, отказывались от кровавых жертв, гнали прочь шаманов».

Использование прогрессивным писателем в своих произведениях консервативной части алтайского фольклора не есть отступление от передовых позиций, ибо и эта часть устно-поэтического творчества помогает писателю раскрыть особенности мировоззрения алтайцев, т. е. она идейно и художественно значима.

Консервативная часть алтайского фольклора в отдельных случаях используется автором как средство раскрытия характера. Так, писатель, с большой симпатией рассказывая про обрусевшего алтайца Матвея Соколова, занимавшегося пчеловодством, подчеркивает раздвоенность его личности репликой: «Лицо старика собралось в мягкую сеть улыбки, он ласково подмигнул мне и сказал: «Христос по кресту мне бог... Бурхану Алтай мой молится... Одному — немножко, другому — немножко... Зачем обижать?..»

«Одному — немножко, другому — немножко» — такова житейская философия старого алтайца, для которого религия, как и для большинства трудовых людей, не является делом серьезным, требующим обязательного его исполнения. Если Матвей Соколов поклоняется богам, то не из-за страха перед ними, а просто потому, что он добр, и ему не хочется обижать служителей христианского и бурханистского культа.

В. Бахметьев создает в духе народной поэзии свои оригинальные образы, картины. Писатель, отталкиваясь от такой черты алтайского фольклора, как гиперболизм, в очерке «Йоргомьш» нарисовал гиперболический образ эксплуататора, который символизирует темные силы, нависшие мрачной тучей над Алтаем. Образ-символ усиливает очерк, делая его более выразительным.

Реалистическая основа образа подчеркивается тем, что в очерке «Брат Иван» дан портрет русского кулака Ивана Шестакова, притеснявшего и грабящего алтайцев, а в очерке «Йоргомьш» нарисован образ русского купца-воротилы Павла Артамонова. «Алтаец, — говорил он со своей улыбочкой, — калмык, то-ись он за этаки вот колечки, али пуговички, али так обрезок какой ни-на-есть парчи, в нужное время и одну и две беличьи шкурки

отдает... Эге! А за водчишку, что хошь возьми». Типичный портрет русского купца-колонизатора.

Писатель не мог ограничиться только этими портретами конкретных эксплуататоров, для него было важно выразить народный взгляд на притеснителей. Поэтому он и создает гиперболический образ притеснителя, самим названием («Йоргоммыш») подчеркнув его алтайское происхождение, внося в него четко выраженный классовый оттенок: «Бородатый мужик в длинной домотканой рубахе стоял над Алтаем, пил из бочки густую медовую брагу и брал все, что попадалось ему на глаза: и реки, и пастбища, и чернь дремучую, и все, что добывали в ней алтайцы: и рысь, и лисиц, и белок, и горностаю, и сохатых.

Занял бородатый властелин по рекам Абаю, Коксе и Катунь плодородные земли, воздвиг деревни, обнес тыном берега ключей, завел в «садах» маралов, стал водить скот тысячеголовыми табунами и сеять хлеб, подымая целину деревянными плугами, а потом железом и сталью.

Русского плечистого мужика, русского немудреного купца-воротилу аборигены края — алтайцы так и зовут: Йоргоммыш. Йоргоммыш — паук».

В дальнейшем в свои очерки В. Бахметьев вносит некоторые изменения, дает более четкую и конкретную характеристику, опираясь на устную поэзию алтайцев: «Силен Йоргоммыш не только своим богатством, а и защитой царских баев, чиновников. Посмей только послушаться власть имущих — живо без головы останешься... Так и в алтайских песнях говорилось:

Кто с морозом борется, тот лишится уха,
Кто с начальством тягается, без головы останется!»

Гиперболичность делает образ эксплуататора более рельефным и обобщенным, отражающим особенности мировосприятия алтайцев, характер отношения их к своим притеснителям.

Алтайские очерки и рассказы В. Бахметьева дают интересный материал для осмысления роли алтайского фольклора в создании авторской речи и речи действующих лиц.

Безусловная свежесть и неповторимость красок в алтайских очерках и рассказах В. Бахметьева не случайны. Это — результат творческого освоения писателем алтайского фольклора. К. Урманов писал в рецензии на книгу В. Бахметьева «На земле» (1924): «Язык рассказов Бахметьева простой, неподдельный и в то же время красочный... Зная прекрасно быт и фольклор Сибири, автор как бы живой кровью наполняет свои произведения».

Действительно, В. Бахметьев сумел понять особенности художественного мышления алтайцев, дух устно-поэтического творчества народа, и это помогло ему художественно обогатить свои

произведения сочными и свежими красками. Вполне закономерно, что его очеркам присущ лад алтайских легенд и песен. Писатель щедро использует разнообразные художественные тропы. Особенно много в языке метафор и сравнений алтайского происхождения, о чем свидетельствует их локализм: «Радугой горели, с разбегу бросаясь в ущелья, водопады, белогривые, грохочущие, в ярости своей похожие на подстреленных медведиц...»; «...Изгибы бурной Катунь сверкали тысячами скрещенных стальных лезвий» («Алтай»); «Как стая встревоженных птиц, не смея бросить крика, кружились годами алтайцы в своих аилах, не зная спасения» («Тетон»); «И пел (Джала — Г. К.) о своей девушке, у которой глаза, как звезды, и зубы похожи на белых ягнят, лепящихся тесно друг к дружке по скалам».

Не всегда точно можно указать конкретный фольклорный источник того или иного образа, потому что художник слова опирается в своей работе не столько на конкретную деталь устной поэзии, сколько на общую совокупность фольклорно-этнографического материала, связанного с темой и определяемого идейным содержанием произведения.

В некоторых случаях образы так близки к фольклорным источникам, что нет необходимости делать специальные экскурсы в глубины устной поэзии. Например, сравнение «глаза, как звезды» из песни юноши-алтайца является традиционным образом не только алтайской, но и всей восточной поэзии. Он, этот образ, в данном случае лучше всего передает особенности мышления юного героя.

Авторская речь алтайских очерков и рассказов В. Бахметьева насыщена фольклорными деталями, передающими дух устной поэзии алтайцев. Так, в рассказе «Джала» есть такое описание: «Джала — это юность Алтая... Если в горах увидишь узорный алый маральник, и он к себе поманит, чтобы взять его, не надо спешить... Маральника много в седловинах горных... Джала — юный Алтай. Таких встретишь и на Чарыше, и на Катунь, и у Чуйского пути — всюду, где цветет маральник горный, цветет юность».

Читатель воспринимает фразу не как простое лексическое объяснение слова «Джала», а как эмоционально насыщенное сравнение, выражающее доброе, сердечное отношение автора к своему герою. Именно это было важно для писателя. Такова идейно-эстетическая роль подтекста, заключенного в слове.

Автор сравнивает Джалу с вечнозеленым алым маральником. Использование традиционного образа устной поэзии алтайцев опять же помогает ему выразить свои чувства к юному герою.

Вторая особенность отрывка заключается в своеобразной инструментровке, ритмическом рисунке и интонации, чем оттеняет-

ся душевная теплота автора. Он пишет: «...Всюду, где цветет маральник горный, цветет юность». Инверсионный порядок следования подлежащего (маральник), постпозитивное положение определения «горный», повторение слова «цветет» (в первом случае оно употреблено в прямом смысле, а во втором случае метафоризировано: «цветет юность») — все это в совокупности позволяет говорить о том, что ритм, интонация рассказа «Джала» близки ритмическому и интонационному рисунку алтайских легенд и сказок.

Постижение богатств алтайского фольклора, проникновение в характер его образов у каждого писателя различно, потому что различны идейно-эстетические установки. Отсюда и индивидуализированность авторской речи в алтайских произведениях В. Бахметьева, В. Шишкова. У каждого из них свои ритмы, свои интонации, глубоко связанные с личностью художников и жизненным материалом.

Индивидуализация речи действующих лиц достигается В. Бахметьевым за счет фольклорных элементов и за счет иноязычных слов. Наблюдается такая тенденция в работе писателя над словом: в новой редакции очерков он стремится избавиться от излишней экзотической лексики («надыи» — друг, «айылчи» — гость, «дыакши» — хороший и т. д.), что вполне оправдано, ибо алтайские слова не всегда уместны в художественном тексте. Иногда алтаизмы, используемые в авторской речи, имеют пояснения в тексте, например: «Слух о «наадизи-алтай», о друге алтайцев, который записывает все, что видит и слышит у бедного народа, с быстротой марала летел передо мною на десятки верст и опережал мои желания».

Этот способ использования иноязычной лексики встречается у А. Семенова, Г. Гребенщикова. Он будет продолжен в творчестве писателей В. Шишкова, А. Сорокина, Вс. Иванова, А. Коптелова.

Фольклорными средствами охарактеризована речь юного алтайца из рассказа «Джала». Он, например, обращается к лесничему так: «Ай-кунь! Солнце и Месяц! Русский господин...»

Подобное обращение к вышестоящим характерно для алтайской устной поэзии, оно выражает чувство уважения к тому, к кому оно обращено, и подчеркивает национальную и социальную принадлежность говорящего. В рассказе это обращение имеет иронический подтекст. Русский господин, на одежде которого «светлые пуговики и синие прошивки», избивает ни в чем не виновного парня. Поэтому обращение «солнце и месяц» сразу приобретает оттенок насмешливо-иронический, так как поведение лесничего не соответствует высоким словам обращения.

В некоторых случаях писатель, придавая речи действующих лиц национальную определенность, прибегает к искажению отдель-

ных слов, предложений. Это присуще репликам Улаа, Салаха, Матвея Соколова и других. Но такой способ индивидуализации речи нельзя считать правильным и художественно убедительным.

В. Бахметьев порой вместо прямой речи употребляет косвенную, которая правильна с точки зрения соблюдения норм русского языка и насыщена характерными алтайскими деталями. Вот пример из очерка «Тетон»: «Но из юрты роженицы выбежала старая Ботогон и закричала Тахтару, что у него — сын! И имя ему Тетон («дъетен» — Г. К.), что значит семьдесят. Дед новорожденного, забредший в юрту первым, имел семьдесят лет, и это осталось на имени человека».

Косвенная речь дает возможность автору передать мысль и сделать ее национально определенной, т. е. высказывание конкретизировано соответствующими дополнениями, имеющими фольклорный или этнографический характер.

Удачно использует В. Бахметьев алтайский фольклор при создании пейзажей. Когда Улаа говорит в очерке «Последняя вода» автору о том, что придет и на Алтай свобода, то писатель выражает свою веру словами: «Хочу верить этому здесь, у синеющих провалов гор, где горят вечные льды Белухи, где двумя необразимыми крылами простерты по сторонам ее малые снежные вершины, будто воины на страже».

Романтическая приподнятость картины достигается подбором изобразительных средств: метафоры («горят вечные льды Белухи»), сравнения (вершины — воины). В пейзаже ощущается связь с устно-поэтической традицией, в нем выражено мирозерцание алтайцев, которые, по выражению Г. Гуркина, представляют Алтай «живым, говорящим и смотрящим».

В. Бахметьев порой включает пейзаж в рамки маленькой сказки, композиционно законченной. Характерно начало очерка «На Черемуховом ключе»: «Вот звонкоголосый Топчуган, Тайсын белогривый, Бичий неугомонный — три брата. Там, на синеющей маковке, поспорили, кто первый к Чарышу прибежит. Бросились вперегонку с высот, забурлили, запенились. Подхватили роднички попутные, ударили в камни, кедры опрокинули. Вырвались в долину на простор, друг от друга отпрянули, понатужились и все враз — в Чарыш».

Сказочный характер этого пейзажа проявляется в персонификации горных речек. Причем каждая из них наделена определенной чертой; Топчуган — «звонкоголосый», Тайсын — «белогривый», Бичий — «неугомонный».

Прекрасно передан автором беспокойный характер горных потоков — «братьев». Это достигается эпитетами и многочисленными сказуемыми: «поспорили», «опрокинули», «вырвались», «отпрянули», «понатужились».

Сказка-пейзаж имеет свою экспозицию, свою завязку действия (братья «поспорили»), свою кульминацию («вырвались в долину на простор»), свою развязку действия («понатужились и все враз — в Чарыш»). Эта композиционная стройность описания помогла писателю создать колоритную, полную движения, жизни картину алтайской природы.

В. Бахметьев использовал в своих очерках и рассказах все жанры устной поэзии алтайцев с различными идейно-художественными функциями: отрывки из героических сказаний, легенды, сказки, песни, пословицы и поговорки. Художественное освоение писателем устно-поэтического творчества алтайцев отличается не только широтой охвата инонационального материала, но и глубиной проникновения в него, что сближает В. Бахметьева с В. Шишковым.¹

Глубина проникновения В. Бахметьева в алтайский фольклор находится в прямой зависимости от его передовых взглядов, таланта, большого знания жизненного материала. Об авторе алтайских очерков В. Шишков говорил: «И талант у него крепкий, и наблюдательность острая, и опыт большой».

В традицию художественного освоения алтайского фольклора в русской литературе В. Бахметьев внес много нового, поучительного по сравнению со своими предшественниками Н. Наумовым, Г. Гребенщиковым, А. Семеновым и другими. Устно-поэтическое творчество алтайцев широко и убедительно используется им как средство раскрытия мировоззрения, психического склада алтайского народа, как средство создания портрета, индивидуализации речи автора и действующих лиц, как важнейший компонент при изображении национального пейзажа.

Алтайские произведения В. Бахметьева являются продолжением той большой традиции русской классической литературы в освоении инонациональной темы, которая была начата А. С. Пушкиным.

В дореволюционное время к алтайскому фольклору обращался сибирский писатель Антон Семенович Сорокин (1884—1928), создавший на основе устной поэзии алтайцев ряд интересных рассказов, свидетельствующих о том, что сорокинский стиль формировался в русле восточной традиции, имевшей положительное значение для развития творчества последующих поколений русских писателей, связанных с Алтаем.

П. Драверт писал об А. Сорокине: «Он стучал в далекие двери, и те открывались перед его Дарованием. Так, в 1914—1915 гг. мы видим алтайские сказания и грустные легенды киргизской степи на столбцах небольшого журнала «Ленские волны».

¹ Связи В. Шишкова с алтайским фольклором подробно прослежены в нашей работе «Алтайский фольклор в творчестве В. Я. Шишкова» (Барнаул, 1969).

В литературно-художественном сборнике «Жертвам войны» (Омск, 1915) опубликован рассказ А. Сорокина «Тынду — тунта, трава стона», который, по мнению В. Трушкина, «воспроизводит алтайскую легенду о том, как горы Алтая стали укрытием и пристанищем для диких зверей, истребляемых человеком». Сорокинский рассказ далеко выходит за пределы фольклорного сюжета.

Несколько раньше рассказ был напечатан в журнале «Ленские волны» (1914, № 9, с. 5—6), о котором писал П. Драверт, и имел подзаголовок «По канве алтайской легенды», т. е. автор указывал, что источником для этого произведения стала устная поэзия алтайцев.

В своем рассказе-легенде А. Сорокин пишет о времени, когда на земле царили счастье и радость: «Мир и счастье когда-то были на земле. Велика и обильна мать-земля, и для всех хватало пищи. Каждому своему детищу отдавала мать-земля необходимую пищу. И только всходило солнце, просыпалось все живущее и посылало благодарность своей матери. Самая маленькая травка и самые большие деревья каждый восход солнца благодарили за жизнь и пищу; слышала земля с радостью шелест листьев, движение каждой веточки, и радовалось материнское сердце. Но много времени у Ульгения, и всему бывает конец».

Повествование ведется от имени алтайца Сары-Баша: «Я, Сары-Баш, слышал стоны травы Тынду-тунты, стоны печальные, стоны страдальческие, стоны устрашающие все живое.

По всей земле никто не найдет травы Тынду-тунта; только на Алтае, на высокой горе Ай-Трак, растет и стонет трава Тынду-тунта, исходят корни из самого сердца земли.

Кто не знает старого Сары-Баша?

Вы все знаете, что я бездетен, я не имею денег и достоин иметь камень Яда-таш,¹ камень, дающий право управлять погодой. Прежде я гордился этим, но после того, как услышал стоны земли, камень Яда-таш, дар Ульгения, я бросил.

Страдания земли стали моим страданием.

Что будет с моей бедной, несчастной головой?

Печально стало мое лицо, и из глаз текут слезы.

Настанет время, и переполнят эти стоны голову старого Сары-

¹ Яда-таш (дьяда таш — Г. К) — волшебный камень, дающий возможность управлять погодой. Об этом часто рассказывают алтайские сказания. В поэме «Алтай-Буучай» читаем: «Сестра Ермен-Чечек простерла обе ладони: с неба пал белый снег глубиной до головы лошади, сделался жестокий мороз; еще раз простерла ладони: стало солнце греть...» («Аносский сборник», Омск, 1915, с. 3). В сказании «Кан-Таджи, сын Ак-Бёкё» говорится: «Держа обе ладони, творил дьяда. Спустил вихрь-ветер, спустил песочный буран» («Аносский сборник», с. 159). Подобных примеров можно привести много. А. Сорокин был знаком с произведениями устной поэзии алтайцев, печатавшимися в «Аносском сборнике» и в изданиях, выходивших в Омске.

Баша, и не поймет он больше слов человеческих и будет стонать, будет выть безнадежным воем отчаяния».

Настали страшные времена, когда земля великим криком наполнилась, страшным криком закричала и «до самого солнца достиг этот крик», «тогда заплакала земля, потекли ручейки слез», а потом — и «реками многоводными». Появились на земле большие дома каменные, стали люди добывать медь и золото, рвать лицо земли-матери, поэтому «на Алтае, на вершине высокой горы Ай-трак, из самого сердца земли растет трава Тынду-тунта и тихо-жалобно стонет».

Рассказ кончается словами: «Каждый восход луны, каждый восход солнца на Алтае, на высокой горе Ай-Трак, стоном смертельной обиды все стонет, и стонет трава Тынду-тунта, растущая из сердца земли...»

Таким образом, сорокинский рассказ «Тынду-тунта, трава сто-на» опирается на легенду, вырастает на благодатной почве устной поэзии, но писатель расширяет рамки алтайского предания и вводит в свое произведение мотивы реального характера, факты современной для автора жизни.

Стонет трава Алтая, потому что грудь матери-земли терзают алчные хищники, мечтающие добыть как можно больше золота, серебра, меди. В рассказе намечен конфликт между человеком и природой, но он не развернут. Писатель остро переживает противоречие между цивилизацией капиталистического мира и природой. Весь эмоциональный настрой рассказа подчеркивает мысль, что все горе, все страдания земли — результат хищнического обращения с природой. В сорокинском произведении прозвучали идеи, имеющие не сиюминутное значение.

В рассказе А. Сорокин сохраняет сказовость, фантастичность изложения, т. е. все признаки легенды, сказки. Отсюда стиль насыщенный экзотической лексикой, многочисленными алтаизмами (тынду-тунта, Ульгень, Сары-Баш; Ай-Трак, Яда-таш и т. д.), специфичными изобразительно-выразительными средствами (олицетворениями: «...тогда заплакала земля», «...растет трава Тынду-тунта и тихо-жалобно стонет»; метафорами: «мать-земля», «сердце земли» и т. д.), свеобразными стилистическими фигурами. Все это в совокупности и определяет самообытный стиль рассказа А. Сорокина, который оказал влияние на «Алтайские сказки» Вс. Иванова.

Обращение русских писателей в дореволюционное время к духовным богатствам алтайского народа является убедительным свидетельством признания ими высокой идейно-эстетической ценности устной поэзии алтайцев. Именно в это время в творчестве русских писателей вырабатываются основные идейно-художественные принципы и приемы введения фольклорного материала

в художественные произведения, которые будут развиты и творчески продолжены художниками слова Вс. Ивановым, А. Караваевой, П. Низовым, А. Коптеловым, С. Залыгиным в советское время.

Произведения русских писателей, в которых творчески использовался фольклорно-этнографический материал алтайцев, приобретали новые идейно-художественные качества. Особенности таланта и мировоззрения художника слова, как видно на примерах творчества Н. Наумова, Г. Гребенщикова, А. Семенова, В. Бахметьева, определяют прежде всего эффективность художественного освоения ими алтайского фольклора.

Таким образом, использование богатств алтайского фольклора русскими писателями в своих произведениях является важнейшей формой идейно-художественного обогащения русской литературы. После Великого Октября этот процесс приобретет новые качественные признаки.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

Страницы поэтической летописи

Один из сибирских литераторов в 1913 году писал: «Сибири в поэзии повезло, кажется, меньше, чем в каком-либо роде литературы». Эта точка зрения довольно часто будет повторяться в последующих статьях и работах, посвященных сибирской литературе. Если судить по тому, что в дореволюционной Сибири мало издавалось не только поэтических книг, но и вообще литературы, то автор статьи в газете «Жизнь Алтая» прав. Если брать во внимание различные периодические и отдельные издания Сибири и столицы, и других городов Российского государства, то картина предстает в несколько ином свете. Сибирь не была обойдена поэзией. Только Алтаю в дореволюционное время посвящали стихотворные строки Николай Ядринцев, Георгий Гребенщиков, Иван Тачалов, Георгий Вяткин, Петр Драверт, Александр Пиотровский, Порфирий Казанский, Кондратий Худяков, Андрей Бурмакин, Иосиф Модзалевский...

В поэтической продукции и тогда недостатка не было. Правда, многие стихи не отличались высокими идейно-художественными качествами, поэтому и не получили широкого распространения в тогдашней Сибири и остались навсегда погребенными на страницах дореволюционной периодики.

В той же газете «Жизнь Алтая» через несколько дней появляется хроникерская заметка, в которой говорилось: «Интерес к Алтаю все больше растет. Наша полудикая страна влечет к себе не только ученых-исследователей, но и представителей искусств и литературы. Недавно мы сообщали, что на Алтай нынче приедет известный писатель А. Ремизов.¹ На днях через Барнаул проехал

¹ Писатель Алексей Михайлович Ремизов (1877—1957), близко знакомый с сибирскими литераторами Г. Гребенщиковым, В. Шишковым, которые неоднократно приглашали автора книги «Посолоне» на Алтай. Ремизов на Алтай не приезжал, но живо интересовался этим краем. Об этом свидетельствует письмо Г. Гребенщикова к А. Ремизову от 30 ноября 1913 года: «Мой близкий друг и Ваш знакомый Вяч. Як. Шишков говорил мне, что Вы интересовались моей родиной—Алтаем и даже собирались туда поехать. На днях я выпускаю в свет молодую нашу книжку «Алтайский Альманах», и мне бы очень хотелось Вам ее поднести» (ИРЛИ, ф. РIII, оп. 2, ед. хр. 1620, л. I).

в Черный Ануй, Усть-Кан и на Уймон известный художник академии М. Д. Бернштейн, руководитель петербург(ской) школы живописи, рисования и скульптуры. Вместе с ним едет его ученик, уроженец с. Николаевского Змеиногорского уезда И. К. Вандакуров. На Алтае художники думают поработать до осени».

По свидетельству тогдашней периодики, Алтай почти каждое лето посещали ученые, писатели, художники, композиторы. Например, летом 1910 года в горах работали профессор Б. П. Вейнберг с двумя учениками-помощниками, изучавшими Белуху, композитор и этнограф А. В. Анохин, «исследователь литературы и обычаев азиатских тюрков», музыкальной культуры народов Южной Сибири, профессор Томского технологического института В. Обручев, инженер-путеец, будущий писатель В. Шишков и многие другие. Среди изучающих Горный Алтай были люди, которые впоследствии станут широко известными в науке и литературе. Это относится в первую очередь к Владимиру Афанасьевичу Обручеву (1863—1956), академику, автору романа «Плутония» и других художественных произведений.

Следовательно, дело не в том, что о Сибири мало было стихов, а в том, что и написанное и напечатанное в сибирских газетах и журналах знали плохо. Только в последнее время, когда сибирской занимаются многие литературоведы и критики (Н. Яновский, В. Трушкин, Е. Беленький, Н. Антропянский, Ю. Постнов и др.), стала проясняться истинная картина литературной жизни в Сибири в дореволюционный период. Открыты новые имена, выявлены и опубликованы новые произведения, в том числе и стихотворные.

I

Разговор о русской поэзии, посвященной Горному Алтаю, следует начинать с Н. Ядринцева, который по характеру своего творчества тяготел к Гл. Успенскому, Н. Наумову, т. е. к тем писателям, в центре внимания которых была народная жизнь. О стихотворном даре Н. Ядринцева первый его биограф Б. Глинский писал: «... за его стихом имеются известные достоинства. В стихотворении всегда есть ясно выраженная идея, стих гладок, не лишен звучности, и рифма не страдает вымученностью».

Оценка стихотворческого дара Н. Ядринцева («стих гладок, не лишен звучности») не раскрывает сути его стихов, и не всегда стихотворцу удавалось подняться над эпигонской поэзией XIX века, высказать свои самостоятельные суждения и самобытные мысли и чувства. Владение стихотворной формой еще не есть самобытное и оригинальное мышление. Кроме того, «ясно выраженная идея» не означает, что автор мыслит поэтически. Другими словами, Н. Ядринцев как стихотворец уступает, конечно, Ядринцеву, прозаику и публицисту. Но замолчать его стихи нельзя, по-

тому что они представляют из себя своего рода документ, свидетельствующий о духовной жизни человека второй половины XIX века.

Н. Ядринцев является автором стихотворений, в которых он выражает свою любовь к Алтаю, который был для него самым дорогим краем: «Я из той страны, где горы тонут в белых облаках». Любовь к отечеству неразрывно связана с чувством преклонения перед белоснежным Алтаем, который помог открыть «тайну любви», наделил сердце поэта высоким патриотическим чувством: «Роза альпийская к милой земле тайну любви мне открыла».

В июле 1879 года Н. Ядринцев признавался в письме к фольклористу С. И. Гуляеву: «...я хотя и пребываю в Иртышской равнине, но мои глаза обращены постоянно к синеющим вершинам Алтая, где оставлено мое сердце. Там когда-нибудь среди раскопок найдет его археолог будущих поколений, и не знаю, узнают ли, что это похороненное сердце одного бедного сибирского писателя».

В сборнике «Сибирские мотивы» (1886) опубликованы два стихотворения Н. Ядринцева («Родина», «Балаган») под псевдонимом Семилуженского, во многом характерные для творчества сибирского поэта. В стихотворении «Родина» есть строки: «Я рожден в стране далекой, к чьим гранитным берегам вечно хладною струею плещет грозный океан. Я рожден в стране обширной, где границ пространствам нет, где от моря и до моря разостлался белый свет».

Воспевание красот природы («Вверх стремящиеся реки, в бездну бьющий водопад, рай, раскинутый в долине, и ущелий темный ад»), описание несметных богатств Сибири («Я из той земли, чьи недра драгоценный держат клад: для дворцов порфир и мрамор, малахиты для палат. Я из той страны, что людям дорогой металл дала, для царей венцы сковала и в порфиры облекла»), стремление увидеть великое будущее родного сибирского края («И за дальними горами край пустынный и немой, постепенно оживляясь, блещет новой красотой») — вот характерные черты патриотического стихотворения. Конечно, ядринцевское произведение еще недостаточно самостоятельно и самобытно, ему еще не хватает тщательной поэтической отделки. Но поэту нельзя отказать в главном: он пишет о самом дорогом, о самом сокровенном, о родине, как ее верный сын и гражданин.

Стихотворение «Балаган» поэт назвал песней косцов. Это и то, что автор опирается на народный язык, на песенный строй и лад, сближают Н. Ядринцева с А. Кольцовым и Н. Некрасовым:

Бедный, непокрытый,
Холодом подбитый,

Вьюгою повитый,
Скромный балаган.

«Балаган» состоит из двух частей, контрастирующих друг с другом. В первой дается описание бедности и заброшенности дикого края, во второй — светлые, жизнерадостные картины, когда на лугу появляются косари. Меняется сама интонация стиха:

По лугу веселье,
По лугу работа,
По лугу моему
Косыньки звенят.

Оптимистично звучит финал:

Кончен труд тяжелый.
Созывай же к пиру
Ты жнецов усталых,
Бедный балаган!
Созывай и потчуй
Вволю, до отвала.
Угощай на славу
Наших помочан!

Из травы навьем мы
Для гостей тарелок...
Веселей, костер наш,
Веселей гори!
Пир между косцами,
И несется песня,
И идет веселье
До алой зари.

В основу стихотворения положен самобытный жизненный материал, материал, увиденный самим автором. Правда, по своей форме стихотворение недостаточно самостоятельно: кольцовские и некрасовские интонации еще дают себя знать, не всегда точно и к месту используются словесные краски.

В стихотворениях Н. Ядринцев выражал сочувствие к представителям сибирских народов, верил в их будущее, в их жизненную способность одержать победу в нелегкой борьбе. Сердечностью и верой проникнуто стихотворение «Романс»:

Полюбил тебя, дикарка,
Я в родной глуши
И с тех пор тебе я отдал
Чувства лучшие души.

Разодену, разукрашу
Я тебя, любовь мою,
Но твое происхожденье
Ото всех я утаю.

В круг принцесс великосветских
Азиатку я введу,
Чтоб затмила красотой
Она гордую среду.

Но как в общество мы едем,
Одного боюсь я,
Что мещанское словечко
Бухнет дурочка моя.

Между дам великосветских
Я боюсь, чтоб дикий нрав
Свой она не показала.
Цепи светские порвав!

Чтоб ей сердце не сказало,
Для чего ей жизнь дана
И своей лесной свободы
Чтоб не вспомнила она.

«Романс», как и уже проанализированные стихотворения, недостаточно отшлифован. Встречаются не очень удачные строки, обороты речи, порой нарушается стихотворный размер («Я в родной глуши», «Она гордую среду»), не упорядочены грамматические

формы: повествование ведется то от первого лица («Полюбил тебя, дикарка»), то от третьего («Чтоб не вспомнила она»). Но стихотворение дышит неподдельным чувством, оно согрето любовью к дикарке, лишенной «своей лесной свободы».

Лирический жанр романса требовал от поэта единого в стилистическом отношении слова, но автор разрушает каноны традиционной поэтики и смело вводит «чужое» слово, добиваясь многоголосия. Это достигается за счет введения в стихи просторечных слов («азиатка», «бухнет», «дурочка», «словечко»), свидетельствующих о стихийном стремлении поэта выйти за пределы эпигонской поэтики с ее заштампованными поэтизмами (грезы, ланиты, чары, очи и т. д.). Такое нарушение романсовой формы продиктовано и самим чувством, искренним, подлинным.

Свежестью авторского мышления отличаются эпитеты, использованные в «Романсе». Поэтические определения («гордая среда», «дикий нрав», «лесная свобода» и др.) — свидетельство тонкого проникновения в психологию изображаемого человека. В стихотворении ничего не говорится о красоте дикарки, но мы видим и чувствуем ее красоту. Все это говорит о том, что автор обладал значительными потенциальными возможностями как поэт.

Сочувственное отношение к сибирским народностям выражается в статьях и стихах, публиковавшихся на страницах газеты «Восточное обозрение», которую редактировал Н. Ядринцев. Там было напечатано стихотворение «Соболь», автор которого не указан. Не исключено, что оно принадлежит редактору. В нем поэт обращается к светской красавице со словами, полными горького упрека:

Взгляни в далекую тайгу.
Уродливый на вид,
Там инородец в шалаше
На голом мху лежит.

Он безобразен, жалок, дик,
В руке убогий лук,
И взор, слезящийся его,
Исполнен горьких мук.

Богатство добывает он
По дебрям и лесам,
Но вечно голоден и нищ
Зато бывает сам.

Мысли, высказанные в этом стихотворении, очень близки Н. Ядринцеву. Так мог написать только человек, который сам не раз бывал в инородческой юрте, видел слезящиеся глаза соболятника. Н. Ядринцев с горечью писал, что «сибирский мех обвивает и шею европейской певицы, и служит подкладкой плаща китайского императора».

Поэтическое наследие Н. Ядринцева не очень велико, и не так уж много в нем стихотворений, отмеченных оригинальностью и самобытностью взгляда на окружающий мир. Поэт занимался переводами с алтайского языка. Его переводы алтайских народных песен «Малотравен мой Алтай родной» и «Гусь мой серый, ты куда летишь?»¹ отличаются точностью, хорошим литературным вкусом.

Объективная оценка поэтического наследия Н. Ядринцева дает возможность отметить те положительные начала его стихотворческой работы, которые имели значение для развития последующих поколений поэтов. Первое — это стремление автора книги «Сибирь как колония» живописать природу Алтая. Второе — изображение в его стихотворениях жизни и быта сибирских народов. Третье — увлечение устно-поэтическим творчеством алтайского народа, переводы его лучших образцов на русский язык. Эти ядринцевские традиции в той или иной степени будут продолжены в поэзии П. Драверта, Г. Гребенщикова, Г. Вяткина, И. Тачалова.

2

Творчество Петра Людовиковича Драверта (1879—1945), ученого и поэта, привлекало внимание многих исследователей и критиков. Ему посвящали статьи и отдельные работы В. Итин, Е. Беленький, Н. Антропьянский, В. Трушкин, В. Коржев и др. Перу сибирского поэта принадлежат стихотворные сборники «Тени и отзвуки» (1904), «Под небом Якутского края» (1911), «Стихотворения» (1913), «Сибирь» (1923) и другие книги.

По свидетельству самого поэта, любовь к чтению и писанию стихов проснулась в П. Драверте очень рано: «Любимыми поэтами были Пушкин (которого и теперь ставлю и уважаю превыше всех), Лермонтов и Некрасов. Над Надсоном плакал, но глубоко он меня не задел. Страшно любил Шекспира, Гейне. Увлекался Минаевым и Курочкиным, от них вынес предубеждение к Фету, которго сознательно не читал и, к стыду своему, должен сознаться, что познакомился с ним (и с большим удовольствием) лишь на 36-м году жизни».

Н. Антропьянский отметил такую особенность поэзии П. Драверта — обращение к теме народов Сибири, постоянное стремление познакомить русского читателя с бытом и нравами коренного сибирского населения. Поэт выступал не только как певец при-

¹ Песни были подписаны псевдонимом Н. М. Ядринцева — Д. С. (Добродушный Сибиряк — Г. К.). Видимо, сам по себе этот факт авторизации имел важное значение для переводчика, подчеркивая его близость к переводимому произведению.

роды, но и дружбы между русскими и сибирскими народностями, продолжая ядринцевскую традицию.

П. Драверт был на Алтае в 1911 году.¹ В результате этой поездки написаны стихотворения «На Оби», «Возвращение», «В алтайской согре», «В горелом лесу», «В прошлом» и некоторые другие.

Алтайская тема в это время звучит в стихах Г. Гребенщикова, И. Тачалова, Г. Вяткина, с творчеством которых П. Драверт знаком, но в дравертовских стихах нет какой-либо переключки с произведениями названных авторов: настолько оригинален и самобытен взгляд поэта на природу, своеобразен и отличается высокой культурой стих П. Драверта.

Перу поэта в основном принадлежат стихи, живописно рисующие природу:

Покойтесь под снегом леса и поля
И горы с крутыми хребтами;
Весной вы опять отдарите меня
Своими живыми цветами.

И лебеди в шуме незримой струи,
На север летя отдаленный,
Услышат весенние песни мои
Средь гула земли пробужденной.

Алтай для П. Драверта — часть горячо любимой им Сибири, удивительный уголок сибирской природы, дающий вдохновение поэтам: «Поклон тебе низкий, родная страна! Я весь твой — с душою и кровью. Ничто не разрушит меж нами звена, скрепленного давней любовью. В мечтах распускаются грезы — цветы, венчая желанную встречу; я знаю, мне дашь вдохновение ты, я — новою песней отвечу».

Следует отметить, что в 1911 году, когда поэт и ученый путешествовал по Алтаю, творческая манера П. Драверта в своих основных чертах сформировалась, но это совершенно не отрицает и того факта, что он всегда находится в развитии. Жизнь, новые впечатления, поиски истины, поиски новых красок и возможностей словесного выражения — все это накладывает отпечаток на работу и не дает ему топтаться на месте.

Для понимания характера поэзии П. Драверта интересны такие его слова из письма к М. Азадовскому: «Вы спрашиваете, как я смотрю на литературу? Искусство? По-моему, прежде всего каждый художник должен быть искренним, правдивым. Все, что исходит от него, должно быть его личным, не внушенным посторонними соображениями и влияниями. Затем он должен быть широко

¹ П. Драверт совершил путешествие по степному и горному Алтаю: был в Барнауле, Бийске, в алтайской тайге, в живописной долине р. Бии. Поэт в одном из своих стихотворений упоминает Аил Калташ, находившийся в Бийском уезде.

образованным человеком. Интуиция художника или писателя в связи с его знаниями наиболее приближает к истине рожаемое произведение. Мне кажется, что писатели недалекого будущего обязательно должны пройти через горнило естественных наук. Тогда их произведения будут гораздо более убедительными».

На алтайскую природу П. Драверт смотрит глазами человека, познавшего тайны леса и камня, травы и воды. В его стихах рождается образность, соединяющая в себе живое непосредственное впечатление и знание:

Хорошо в еловой согре в час полдневного томленья,
В час, когда восходит солнце на вершинную ступень,
Обдавая жгучей лавой придорожные камни,
Сокращая до предела нелюбимую им тень.

Здесь прохладно, как в старинном остросводчатом соборе,
Где в готические окна льются полосы лучей.
Аромат смолы струится, и журчат в немолчном хоре
Под зеленым влажным мохом разветвления ключей.

На порфириновом обломке я сижу, забыв о цели
Незаконченных скитаний долгодневного пути.
И не слышно, но понятно мне рассказывают ели
То, чего в людских сказаньях и преданьях не найти.

«В алтайской согре» называется стихотворение, из которого приведена цитата. В нем ритмико-интонационное движение стиха удачно сочетается с томительным и дурманящим состоянием природы «в час полдневного томленья». Автор находит свежие образы для изображения елового леса: «Здесь прохладно, как в старинном остросводчатом соборе, где в готические окна льются полосы лучей». Поэту понятен неслышный рассказ елей, стихотворение насыщено знаниями, которых нет «в людских сказаниях и преданиях». Это — характерная деталь поэзии П. Драверта.

Излюбленный прием П. Драверта — символический образ. Такую символическую картину, заключающую в себе философский смысл, изображает поэт в стихотворении «В горелом лесу», написанном в 1911 году:

В невинной синеве открыта глубь небес.
Но серая земля влечет мой взор склоненный.
Я еду по тайге, пожаром опаленной,
И страшен мне в дыму погибший лес.

Обуглены тела поверженных стволов.
Скелеты черных рук на высохших лесинах,
Бугры кочкарника в болотистых низинах,
Как жуткие ряды отрубленных голов.

И петли черные изогнутых корней,
Как черных мертвых змей зловещие сплетенья,
Гнездятся по тропе в тисках окочененья,
Впиваясь в золу, скрываясь под ней...

Стихотворение распадается на две части. В первой, которая уже приведена, изображается мир неживой природы, а во второй — обитатели таежного леса. Характерно, что стихи отличаются грубоватой образностью, изощренной фантазией, отталкивающейся от реальных предметов, а в результате рождается страшная картина погибшего леса. Там, где недавно шумел зеленый праздник, черное пепелище с остатками обугленных деревьев. Символический образ горелого леса имеет реальное, конкретное значение, и в то же время в нем заключен обобщающий смысл.

Во второй части стихотворения автор показывает, каким был лес до пожара:

Давно ли здесь глухарь влюбленный тосковал?
Давно ли здесь на ключ извилистой тропой
Ходил по вечерам росистым к водопою
С подругой робкою внимательный марал?

И рысь пушистая, зрачками глаз блестя,
Бесшумно двигалась к намеченной засаде;
И заяц замирал в полуночной прохладе,
И филин тосковал и плакал, как дитя...

Строфа «Здесь жизнь правдивая следила за борьбой родных детей своих без гнева и без злобы, но пламень охватил тенистые трущобы, уничтожая все в стихийности слепой» объединяет в органическое целое первую и вторую части стихотворения.

Описательный элемент, идущий от эпических традиций и обусловленный точным научным знанием, является наиболее сильной чертой поэтического творчества П. Драверта. Эта особенность проявилась и в анализируемом стихотворении и других стихах. Но это не означает, что П. Драверту не присущ лиризм.

Лирическое «я» в стихотворении «В горелом лесу» вынесено в его начало и конец. В первой и последней строфах повторяются почти одинаковые по смыслу и звучанию строки, образующие своеобразное кольцо:

Невинен голубой, высокий свод небес,
Но серая земля влечет мой взор склоненный,
Я еду по тайге, пожаром опаленной,
Где в муках погибал объятый дымом лес.

Повторение строк «Я еду по тайге, пожаром опаленной, где в муках погибал объятый дымом лес» свидетельствует о четкости и выверенности композиции стихотворения.

Лирическая струя особенно сильна в стихотворении «В прошлом». Поэт обладает проницательным зрением, умеет лепить точные и яркие образы:

Под тенью лиственниц, на скате косогора,
Склонясь на низкую, пахучую траву,
Вникаю в пестроту зеленого узора,
Лежу и думаю — и грежу наяву,

Я вижу склоны гор, увенчанных снегами,
И синих ледников изрытые поля;
Любуюсь яркими альпийскими лугами,
Где нежится в цветах холодная земля.

Я вижу светлых вод журчащие потоки,
Пещеры темные, дремучие леса...
И надо всем царят так ясны и глубоки
В лазурной тишине родные небеса.

Взгляд поэта выхватывает из мира природы детали, почти микроскопические: он видит «пестроту зеленого узора». Автор от самых малых травинок обращается к панорамному изображению, и в его поле зрения попадают и «склоны гор, увенчанных снегами», и «синих ледников изрытые поля», и «яркие альпийские луга», и «светлых вод журчащие потоки», «пещеры темные, дремучие леса». Всю эту земную красоту венчают «в лазурной тишине родные небеса». Снова ощущается соразмерность построения стиха, видна пластичность образов.

В картины настоящего врываются видения прошедшего, наделенные живой и осязаемой плотью: «Мне грезится тогда оленей быстроногих в запутанных тропах неутомимый бег, огромные стада бизонов круторогих на тучных пастбищах в сырых долинах рек. Я вижу робких коз у родников соленых, косматых лошадей и мускусных быков. И грузных мамонтов среди зарослей зеленых, и стаи белые прожорливых волков».

В этих строках нет ни одной фальшивой ноты: все краски и слова точны и создают яркую картину. Ясность образного мышления П. Драверта — качество, которое привлечет к себе внимание последующих поэтов. Думается, что Г. Вяткин, И. Мухачев, Л. Мартынов продолжили эту дравертговскую традицию пластического, почти скульптурного изображения природы.

П. Драверт умел изображать и человека: он в его стихах никогда не был безликим:

А вот и предок мой, с охоты возвращаясь,
Идет к своей семье — и смотрит на меня;
Добыча за спиной; у пояса, качаясь,
Висит его топор из красного кремня.

Все ближе он идет, шурша травой сухою;
Из раны каплет кровь в едва заметный след;
Приподнимаюсь я, чтоб дружеской рукою
Без слов ему послать напутственный привет.

Все это дает право говорить о такой стороне творчества П. Драверта и вообще поэтического творчества, как взаимодей-

ствие научного знания и образного мышления. Дравертская поэзия, в частности и приведенные строки, — подтверждение мысли, что поэзия, образ не рождаются вне знания. Знание — необходимая почва для рождения полнокровного образа. При этом поэту так же, как и ученому, знание необходимо не поверхностное, приблизительное, а точное и глубокое. В лучших своих стихах П. Драверт счастливо избегал рационалистичности, а достигал гармонии мысли и чувства, добивался непосредственности.

Стихотворение «В прошлом» по своей композиции напоминает стихи «В горелом лесу», и здесь наблюдается тяготение автора к композиционному кольцу: последнее четверостишие («Но миг, — и я один... В незыблемом покое гиганты лиственниц колдуют над мной; все тот же склон горы и небо голубое, простертое в тиши над северной страной») в смысловом отношении как бы повторяет первую строфу.

«В прошлом» — одно из лучших стихотворений в лирике П. Драверта. Строгий и своеобразный ритмико-интонационный строй (удачно использован поэтом шестистопный ямб, соблюдение цезуры после третьей стопы), богатая и выразительная поэтика (изобразительно-выразительные средства, стилистические фигуры), пластичность изображения природы и человека — все это делает стихотворение наиболее интересным и самобытным образцом лирической поэзии Сибири.

В стихотворении «Верность», говоря о своей сыновней привязанности к Сибири, П. Драверт посвящает строфу голубому Алтаю:

Кому удержать мой незримый полет,
Когда, за тобою бесследно витая,
Проникну я в дебри седого Алтая
К вершинным коронам, где камень и лед.

Этот мотив прозвучит и в стихотворении «Сибирь», в котором поэт скажет проникновенные слова, слова признания в любви: «Твоим горам — мои молитвы, снегам равнин — печаль моя; ни в снах любви, ни в буре битвы тебя забыть не в силах я... В твоих реках — мои стремленья, в твоей тайге — моя душа».

Принято считать, что лирическое стихотворение бессюжетно. В принципе это верно. Но в некоторых случаях и лирика использует сюжет, идейно-художественные функции которого иные, чем в эпосе. В лирике нет той обстоятельности, которая характерна для эпоса, нет и обстоятельной художественной аргументации развития конфликта. Лирический поэт отбирает наиболее характерные детали, помогающие раскрыть лирическое чувство. В этом отношении любопытно стихотворение П. Драверта «Уж».

В «Уже» поэт разрабатывает бытовой мотив, что не было чем-то случайным в дравертском творчестве. Первая строфа,

начинающаяся строчками: «Он заполз ко мне под одеяло, голова едва не на подушке», представляет из себя своеобразную экспозицию. Уж, забравшись под одеяло, напомнил лирическому герою давний случай. В трех последующих строфах укладывается вся история неудачной любви. Завязка, развитие действия, кульминация и развязка — все выражено в 12 строчках:

Спи, мой друг единственный и верный,
Та ушла и больше не вернется...
Эх, забыть бы скрип веревки мерной,
Нашу встречу с нею у колодца.

«Раздави змею», — она сказала,
Ты грозил недвижимым черным взглядом,
Дрогнула, качнулась, побежала, —
Я догнал... но поцелуй был ядом.

Закружила, навела тумана,
Выпила всю душу без остатка.
А потом с купцом ушла Татьяна,
Кареглазая моя солдатка.

В маленькой лирической драме улавливаем невольную переключку дравертовского стихотворения со знаменитым блоковским «Превратила все в шутку сначала». Близость здесь не в самой ситуации, а в принципе реалистического психологизма. Блок показывает душевное состояние героини через частое употребление глаголов: «Подурнела, пошла, обернулась, воротилась, чего-то ждала, проклинала, спиной повернулась и, должно быть, навеки ушла». Разнообразная гамма чувств, заключенная в глаголах, лишенных всяких украшений, производила на современников большое впечатление. Блоковский принцип реалистического психологизма, характерный также для И. Бунина, А. Ахматовой, привлек внимание П. Драверта. Он тоже удачно использует этот прием для характеристики своей героини: «Дрогнула, качнулась, побежала... Закружила, навела тумана, выпила всю душу без остатка...»

В последующих двух строфах, венчающих стихотворение, развивается тема странной дружбы лирического героя с «пятнистым и холодным» ужом: «Не охотник я до узких петель, — начал жить, как раньше жил, безродный. И со мной, любви моей свидетель, старый уж, пятнистый и холодный... Пусть молва гуляет по Алтаю, что со змеем наше дело смутно; не ужалишь ты меня, я знаю...» Следовательно, образ ужа контрастирует с образом женщины, принесшей боль человеку и выпившей «всю душу без остатка». Психологизм А. Блока, И. Бунина («Я — простая девка на баштане»), А. Ахматовой («Сжала руки под темной вуалью») развивается в лирике сибирского поэта П. Драверта.

Литературные опыты П. Драверта, как и некоторых других

сибирских стихотворцев, горячо поддерживал Г. Потанин. Он защищал поэта от упреков в том, что его стихи — «это география в рифмах», убеждал поэта, что будущая Сибирь по достоинству оценит его стихи. Постепенно поэзия П. Драверта становилась популярной, получила признание. Сам поэт признавался: «Это показало мне, что инстинктивно я стал на правильную дорогу. А когда по моему пути пошли другие молодые поэты Сибири, я почувствовал удовлетворение, т. к. все-таки сомневался в своих силах, ибо — повторяю — ни у кого мне не приходилось учиться».

В силу своей природной одаренности П. Драверт приходил к открытиям, которые свидетельствовали, что его идейно-художественные поиски шли в русле исканий русской поэзии XX века. Стихи П. Драверта обогащали свежими и самобытными красками не только научную поэзию, к которой его справедливо относят, но и поэзию Сибири в целом.

П. Драверт, обладавший довольно высокой стиховой культурой, оказывал безусловное влияние на развитие сибирской поэзии. Отзвуки дравертовской лирики встречаются и в отдельных стихотворениях И. Тачалова, а стихотворение П. Драверта «Из якутских мотивов» («От моей юрты до твоей юрты горностая следы на снегу. Обещала вчера навестить меня ты, — я дожждаться тебя не могу») является прообразом алтайских песен и стихов И. Ерошина, И. Мухачева. Думается, что пейзажную лирику Сибири вообще невозможно рассматривать вне опыта П. Драверта, талантливого поэта и ученого.

3

Горный Алтай находил отражение в творчестве сибирского поэта Ивана Ивановича Тачалова (1879—1929), который был связан и дружил с Георгием Гребенщиковым, Петром Дравертом и другими стихотворцами-сибиряками. Не все в поэтическом наследии Тачалова выдержало испытание временем, но его творческий путь исключительно поучителен и интересен.

И. Тачалов в своей «Мрачной повести», носящей автобиографический характер, рассказывает о первом увлечении, которое он называет «глубоким жизненным переломом»: «Писать я предпочел стихами, потому что мысли мои пели, слова и фразы, казалось, сами напрашивались в стройные куплеты. Вопрос был только в том, как, когда и где писать? — писать днем некогда, ночью темно, огня не полагалось, ждать праздников не было терпенья, — поэтому я решился писать ночью, ощупью, пока не засну. Я начал брать с собой в постель карандаш и бумажку... Первую ночь я писал напролет, утром встал и набело переписал свои ночные иероглифы, получилось четыре строфы забытого мной теперь стихотворения. Во вторую ночь я писал часов до двенадцати, по-

том попытался заснуть, но это не удалось, в третью ночь я дописал стихотворение, исправил и опять безуспешно старался заснуть, на пятую ночь ко мне полезло новое стихотворение, и я отбивался от него до самого утра, на шестую ночь стихи полезли ко мне беспорядочной массой, а я тоскливо и устало ворочался, не зная, что делать, на седьмую ночь я, разгневанный, начал рвать и коверкал свои мысли, превращая их в кашу, однако и эта каша ворочалась и сверкала огненными словами, на восьмую ночь я струсил, прятал голову под пальто, зарывался до удушья, но так и не заснул ни на минутку... на девятую ночь кто-то поставил в моей голове небольшую легкую карусель и крутил ее, вычерчивая искры... я старался не смотреть — кто вертелся на этой карусели, но чувствовал, что это они, проклятые огненные слова».

Свою поэтическую работу И. Тачалов начинает под воздействием М. Горького, горя желанием сказать людям правду о своей жизни, о жизни других людей: «На этот раз я прочитал биографию М. Горького и его небольшой рассказ «О чиже, который лгал, и о дятле — любителе истины». Мне хотелось стать хотя бы чижиком и рассказать людям какую-то свою правду».

В биографии И. Тачалова, отрывок из которой приводится в статье М. Горького «О писателях-самоучках», есть такое признание: «Около двух лет упражнялся я в стихотворном искусстве и только после того понял, что у меня недостает очень важного — знания грамматики, о существовании которой я, признаться, и не подозревал до сего времени, изучить же ее мне представлялось китайской грамотой, и я махнул рукой, надеясь понять премудрости языка, следя за каждым знаком при чтении, — и тем избежать ужасающей меня зубрежки учебника».

М. Горький в своей статье опубликовал четыре стихотворения И. Тачалова: «Жизнь», «Последнее письмо», «Орион», «К букве». Правда, стихотворение «Орион» дано в сокращении: из шести строк Горький приводит три.

Во многих стихах И. Тачалова ощущается влияние Н. Некрасова, поэтов А. Блока, В. Брюсова, особенно популярных в начале XX века. Тачаловское стихотворение «Песнь любви» перекликается с блоковской «Незнакомкой»:

И над тобой во мгле таинственной
Зажгу сияние венца,
И будешь ты, мой друг единственный,
Будить заснувшие сердца.

Трудно было поэту-самоучке разобраться в тогдашних пестрых литературных течениях, поэтому он попадал под влияние разных авторов, порой далеко не прогрессивных. С. Кожевников писал: «Но Тачалов понимал, что он попал на чужую дорогу, начал

петь с чужого голоса. После выхода первой книжки стихов он говорил своим друзьям: «А знаете, ведь когда я раньше мечтал печататься, я ведь думал не об этих штуках, а на манер Некрасова, только в другом роде. У Некрасова слез много, а я хотел покрепче».

Материал, который введен в обиход последующими исследователями творчества «человека страшной жизни», свидетельствует, что И. Тачалов — поэт революционных настроений (поэма «Егорка», стихотворения «Капитал», «Казачья марсельеза» и др.), но в его поэзии звучали ноты пессимизма и безысходной тоски:

Мне надоело бороться с судьбиною.
Нечего ждать на веку.
Знай, закачаюсь и я под осиною
На оголенном суку.

Можно привести и другие строки и строфы И. Тачалова, подтверждающие мысль, что в тачаловской поэзии появились ноты тоски и пессимизма, но все же не они были главными и определяющими в творчестве И. Тачалова. В его стихах побеждало светлое, здоровое начало, истоками которого является народное мирозерцание, народный взгляд на окружающий мир, точнее, взгляд рабочего человека. Философия борьбы, идеология пролетариата особенно близки автору поэмы «Егорка».

В первой стихотворной книге «Аккорды мысли» уже были стихи, полные уверенности и силы. Стихотворение «Капитал» отличается своей обличительной направленностью:

Пройди, присмотришь, милый друг мой, туда,
Где отдыха жизнь не знавала,
Ты встретишь не светлое царство труда,
А мрачную власть капитала.

Пройди ты по нивам, раздольям лугов,
Где песня порою звучала,
Ты встретишь не горных природы сынов,
А только рабов капитала...

В стихотворении, ясном и выразительном, И. Тачалов страстно изобличал пороки капиталистического мира, четко видя социальную и политическую несправедливость общества, в котором царствует капитал. Социальную направленность творчества И. Тачалова уже почувствовали первые критики его поэзии.

По мнению автора статьи «О сибирских поэтах», опубликованной в газете «Жизнь Алтая» (1913), самой значительной величиной в поэзии Сибири тех лет является И. Тачалов: «Это поэт протеста. Самоучка, не знавший всю жизнь ласки, почти неграмотный — он не знает ликования и восторгов. В его душевной тоске есть только протест. Он не знает меланхолии и грусти. Это

человек страшной жизни, ея кошмара. И он поднимает знамя бунта. Это поэт-протестант. Его поэзия видит мотивы бунта. Горе, скорбь, кошмар — все это поднимает в поэте жажду протеста, борьбы. Его поэзия стихийна, сильна. Тачалов открыл дорогу новому сибирскому поэту».

С полным правом можно говорить о том, что поэзия И. Тачалова в своих лучших образцах, выражающих мотивы борьбы с социальным злом, может быть отнесена к пролетарской литературе. Тачаловская поэзия пронизана новыми социальными идеями, чем она отличалась от стихов уже признанных в то время сибирских поэтов Г. Вяткина, П. Драверта, Г. Гребенщикова, с которыми у Тачалова было много общего, особенно в поэтике, в способах лирического самовыражения.

Творчество И. Тачалова наиболее обстоятельно исследовано в работах В. Трушкина, который обобщил материал, факты, приводившиеся в работах С. Кожевникова, Н. Антропьянского, Г. Раппопорта, Н. Яновского, Е. Куклиной, ввел в научный обиход новые документы, рассказывающие о жизни поэта, не известные широкому читателю тачаловские стихи. В исследованиях названных критиков и литературоведов тема Горного Алтая в творчестве И. Тачалова не рассматривалась.

Горный Алтай всегда привлекал творческое внимание И. Тачалова. Это объясняется следующими причинами. Во-первых, он дружил со многими сибирскими поэтами, которые были связаны с Горным Алтаем, хорошо знали его, проникновенно писали о нем. Это и Георгий Гребенщиков, и Петр Драверт, и Георгий Вяткин... Во-вторых, И. Тачалов длительное время дружил с представителями коренной алтайской интеллигенции, в частности с талантливым художником Григорием Гуркиным. В-третьих, научная литература, особенно этнографическая, была в основном посвящена людям гор. Это и работы Г. Потанина, Н. Ядринцева и многих других. Идеи сибирских ученых были близки и Тачалову, который сочувственно относился к угнетенному алтайскому народу.

О добрых творческих связях И. Тачалова с известными сибирскими поэтами свидетельствуют многочисленные факты. Например, стихотворение «Орион» поэт посвящает Г. Вяткину, «Орлиную песнь» — Г. Гребенщикову, а на книге «Аккорды мысли», хранящейся в Омской областной научной библиотеке имени А. С. Пушкина, есть дарственная надпись: «Петру Людвиговичу Драверт(у). Любимому художнику слова, чуткому поэту от глубоко почитающего автора И. Тачалова». Все это говорит о добрых взаимоотношениях поэтов, связанных с темой Горного Алтая.

М. Горький, считавший творчество И. Тачалова «интересным и значительным» явлением, отмечал: «... несмотря на жизнь, исковерканную нуждою и личными драмами, Иван Тачалов сумел

написать такие вещи, как «Мрачная повесть», «Великое имя» и «Надмирные сказки». Согласимся, что художественное значение этих вещей невелико, что литературно они несовершенны и т. д. Но не станем отрицать искренности автора и — нередко — силы его слова».

«Интересны и значительны» стихи И. Тачалова, посвященные Горному Алтаю. Наиболее выразительна и содержательна «Орлиная песнь», в которой есть такие строки:

У каменных высот могучего Алтая,
На серых остряхах холодных сонных скал,
Орленок молодой, отважностью сгорая,
Сидел и, полный дум, по небу тосковал.

В небесной синеве заоблачно-свободной
Его могучий брат бестрепетно парил,
И младший, тяготясь тоскою безысходной,
Стерег его полет и дерзостью молил:

— Возьми меня с собой, дай мне расправить крылья
И сердце закалить в полете роковом,
Не дай погибнуть мне в минуту слабосилья
И поддержи своим испытанным крылом.

Образы орленка и его «могучего брата» глубоко символичны и содержательны. Они многозначны. В стихотворении этом прозвучали мысли, дорогие и близкие для И. Тачалова, своей жизнью подтвердившего необходимость огромного мужества для преодоления «минут слабосилья». Мало одной отваги и тоски по небу. Чтобы орленку взлететь, необходима помощь более сильного, более «могучего брата», который бы молодого «поддержал своим испытанным крылом».

Стихотворение «Орлиная песнь» написана в год первой русской революции, и это время в той или иной степени отразилось на характере поэтического слова. «Орлиная песнь» — образец поэзии революционного романтизма. Это сказалось не только в общем смысловом настрое, но и в характере пейзажной живописи, отличающейся светлой романтической приподнятостью: «Дай насмотреться мне на трепет изумрудный задумчивых лесов и ласковых равнин, на белизну снегов, таящих непробудный тысячелетний сон незыблемых вершин, на ярость буйную каскадов белогривых, стремящихся порвать объятия твердынь, на зеркала озер и на молчание безжизненных пустынь». Это одна из ярких картин природы Алтая, вписанная смелыми и точными мазками.

Дикая и величественная природа невольно вызывает горячее желание «взглянуть на все с высот недоступных», «слиться с глубиной красот непостижимых», «вспыхнуть и сгореть в восторге неземном», т. е. мысль поэта выражается в типичной романтической форме, когда важно не частное единичное, а общее высокое

настроение, высокая страсть, которая не удовлетворяется земной твердью, а рвется в беспредельное небо.

Для исследователей творчества И. Тачалова, знающих тяжкие обстоятельства его жизни, было удивительно, что поэт мог создавать произведения, полные солнечного света, полные жизнерадостности и веры в доброе. Одним из первых это качество тачаловской поэзии заметил М. Горький, противопоставивший тачаловскую лиру декадентским всхлипам и декадентскому самокопанию и выпячиванию самых низменных инстинктов человеческой природы. Великий писатель считал, что Тачалов имел «необычный голос», сказал «необыкновенные слова».

Мысль, близкую М. Горькому, высказал в свое время и Г. Гребенщиков в заметке «Поэт-торговец», предваряющей цикл стихов И. Тачалова, посвященных Горному Алтаю: «Когда читатель просматривает подчас великолепные стихи Тачалова, конечно, он не думает о том, при каких условиях они писались».

Цикл «Алтайские эскизы» («Жизнь Алтая», 1913, 8 декабря), состоящий из шести стихотворений, не входил в тачаловский сборник «Избранные произведения» (1937). Эти стихотворения посвящены Горному Алтаю, они выдержаны в светлой тональности, наполнены раздумьями о прошлом и настоящем гор Алтая, в поэтических строках рисуются живописные картины природы.

Открывается цикл стихотворением «Я знаю гармонию солнц и планет», в котором ощущается воздействие поэзии П. Драверта. Это проявляется в том, что И. Тачалов с пристальным вниманием вчитывается в огромную книгу космоса, пытается открыть, «увидеть земли построенье», проникнуть в тайны человеческого разума, в истоки могущества человеческой мысли. Не случаен космизм тачаловского стихотворения: «Я чувствую вздохи туманных миров».

В поэзии И. Тачалова произошел качественный сдвиг: не этим ли объясняется планетарность его образов, чем-то близких по звучанию к современности:

Я знаю гармонию солнц и планет,
Вселенских пространств необъятность,
Мечтой воскрешаю из мертвого «нет»
Минувших времен невозвратность.

Второе стихотворение «Когда воспаленная внутренность жаром» по своему содержанию примыкает к первому. В нем И. Тачалов попытался поэтически выразить геологическую теорию об образовании гор Алтая, в чем проявилась близость творческих попыток алтайского поэта к научной поэзии П. Драверта, В. Брюсова. Близость тут, разумеется, не текстуальная, она проявляется в одинаковости идейно-художественных принципов, в утверждении мысли, что и поэзия может объяснять многие явления при-

роды научно, не теряя своих извечных качеств — образности и эмоциональности.

И. Тачалов рисует картину горообразования такими красками: «Когда воспаленная внутренность жаром, зловеще и бурно вздыхала земля, закованным в недрах смятённым пожаром свою неокрепшую грудь шевеля; когда громоздилась над глыбою глыба, росло пластованье изломанных круч, бесформенной грудой, капризом изгиба пронзая косматую зыблемость туч». Поэт стремится к образному изображению, но это ему не всегда удается. Стихотворение заканчивается строками: «И молот времен отчеканил изломы, провалы и горы в застывший хаос, где тучи рыдали раскатами грома, и сыпали стрелы из черных волос». В этих стихах еще нету конкретных примет Алтайских гор: они изображаются с романтических позиций, когда частное, индивидуальное не так уж важно.

Стихотворение «Алтай легендарною дымкой повитый» — одно из лучших в цикле. Оно уже обладает конкретными приметами, в нем появляется человек:

Алтай, легендарною дымкой повитый,
Увенчанный белой короной снегов,
Из темных веков старины позабытой
Глядит сквозь завесу густых облаков.
Он слышит, как бурно шумят водопады
И с грохотом роют морщины его,
И медленно точат немые громады
Седого гиганта — отца своего.
Он видел, как люди в мистическом страхе,
В сношеньях молитвенных с духами гор
Пред камнем бездушным склонялись во прахе,
Кровавые жертвы несли на костер;
Как в бешеных танцах кружились шаманы,
Шепча заклинанья под звон бубенцов,
Себе наносили кровавые раны,
Пугая зловещие тени отцов.

Удачно поэт нашел стихотворный размер (четырёхстопный амфибрахий), хорошо передающий величие горной страны. Оригинальные и свежие эпитеты («легендарная дымка», «камень бездушный», «бешеные танцы»), точно передающие картину природы метафоры («белая корона снегов»), наделение образа Алтая чертами живого существа (Алтай видит, слышит) — все в совокупности помогает создать запоминающуюся картину горной страны. Правда, автор не избежал экзотического налета в своем стихотворении, ибо увлечение экзотикой в сибирской поэзии того времени давало себя знать. И. Тачалов экзотический элемент использует не как самодовлеющее начало, а как часть общей картины, как часть, которая органично входит в целое.

Интересно по мысли стихотворение «Синеют горные отроги», в котором И. Тачалов делает попытку в образной форме пока-

зять результаты грубой колонизации земель вечного Алтая. Поэт считает, что это в первую очередь сказывается на природе. Автор замечает: «Пуглив марал ветвисторогий, дрожа, несет свои рога». Грациозное, чуткое и трепетное животное боится нового врага, появившегося в горах. И. Тачалов это объясняет так: «Его страшит не тюрк убогий, ушедший в горные луга, не конь киргиза быстроногий, — иного чует он врага: теперь звериные берлоги, где мох не трогала нога, заносит пыл с большой дороги и мнет подошва сапога!... «Несметные природные богатства Алтая хищнически уничтожаются, что и нашло отражение в тачаловских стихах.

В анализируемом стихотворении сильно живописное начало. И. Тачалов пишет: «Синеют горные отроги, белеют вечные снега, зеленым валом склон отлогий уходит в горы...» Поэт подметил три основных цвета, характерных для Алтая.

Было бы несправедливо промолчать и о недостатках анализируемого стихотворения. В нем встречаются не очень удачные строки. О ветвисторогом марале неуклюже сказано: «Ограждены его бега». Не хватает выразительности и смысловой точности фразе, в которой говорится о том, что берлогу «заносит пыл большой дороги». Видимо, слово «пыл» недостаточно точно, необходима была другая словесная краска, но поэт ее не нашел и ограничился приблизительными словами. Этот факт и другие того же порядка говорят о том, что творческая манера И. Тачалова окончательно не определилась, она находилась в стадии становления.

И. Тачалов в своих стихах, посвященных Горному Алтаю, не обходит молчанием социальные проблемы, которые ставились и решались в специальной литературе, например, в работах Н. М. Ядринцева «Сибирь как колония», «Сибирские инородцы, их быт и современное положение». Колонизация Алтая, обращение алтайцев в христианство миссионерами, спекуляция и обман русскими купцами — все это отрицательно сказывалось на развитии культурных и экономических связей между русскими и алтайцами. Поэт в стихотворении «С далекого, ровного севера» показывает приближение «грозы» были: «Надвинулась сила новая на смену легенд старины, как серые будни, суровая, слепая, как зимние сны...» «Сила» принесла новые законы в страну Эрлика, и все дальше в горы, в безжизненные камни, уходит пастух-скотовод: «Надвинулась звеньями цепкими, выросла по увалам полей, связала законами крепкими раздолье наивных людей». На смену язычеству приходит новая религия — христианство: «Где камы свершали камланья, раскинулась сеть деревень... И дальше уходит в предания кресту покоренный Ульгень...» Таким образом, И. Тачалов нарисовал довольно безотрадную картину положения людей, живущих в горах Алтая.

Стихи И. Тачалова, изображающие природу Горного Алтая,

не всегда были светлы по своим краскам. В стихотворении, заключающим алтайский цикл, первая строфа звучит оптимистично:

В сизой паутине
Солнечных лучей
В полдень знойно-томный
Спит громада гор.
Лишь не спит в долине
Говорун-ручей
И ведет нескромный,
Шумный разговор.

В последующих строфах уже нет этого светлого настроения. Шум водопада автору напоминает стон: «Да в глухом ущелье с каменных высот где-то, низвергаясь, стонет водопад. Эхо от безделья вместе с ним поет и, вдали теряясь, будит сон громад». На фоне унылой природы появляется фигура одинокого и тоскующего кама: «Мнится: с эхом-стоном позабытый кам — духом одиноким бродит стороной. Бродит по уклонам, скалам и лугам, вея сном глубоким, вея стариной».

Алтайская тема в творчестве И. Тачалова имела много общих черт с поэзией П. Драверта, Г. Гребенщикова, Г. Вяткина и некоторых других авторов. В тачаловских стихах еще нет образа человека, коренного представителя гор, а если он и появляется, то эпизодически, как некое экзотическое лицо. В центре внимания поэта природа, которую стихотворец изображает чаще всего с романтических позиций, поэтому и пейзажные картины еще не имеют конкретных признаков, т. е. недостаточно индивидуализированы.

В стихах И. Тачалова с алтайской тематикой надо отметить одно немаловажное качество — попытку затронуть социальные проблемы. Социальная направленность свойственна таким его стихотворениям, как «Орлиная песнь», «Синеют горные отроги», «С далекого, ровного севера». Отзвуки общественных бурь ощущаются и в некоторых других произведениях поэта.

4

Более длительными и устойчивыми связи с Горным Алтаем были у поэта Георгия Андреевича Вяткина (1885 — 1941). Его первая книжка стихов «Под северным солнцем» (1912) была издана в Томске издательством газеты «Сибирская жизнь». Этот сборник автор послал М. Горькому «как скромный дар уважения и любви». М. Горький ответил теплым письмом, в котором подробно проанализировал слабые и сильные стороны дарования сибирского поэта.

Литературовед Е. Беленький в статье о Г. Вяткине «Всему живому брат и друг» вступает в полемику с критиком А. Высоцким, считавшим, что цикл стихов «Алтай» написан поэтом в два-

дцатые годы: «Стихи Г. Вяткина двадцатых годов преимущественно лирические. Это — размышления о природе и об отношении к ней человека («Земле — земное»). Поездка на Алтай породила цикл стихов, в которых также преобладает обращение к природе, к ее красотам и величию».

Е. Беленький по этому поводу пишет: «В действительности стихи об Алтае писались летом 1915 г. Впервые подборка «Из цикла «Алтай» публиковалась в журнале «Сибирские записки» и вышла отдельным изданием в Омске в 1917 году в только что организованном А. Новоселовым издательстве «Сибирское солнце». В 1925 году Вяткин заключил оставшийся нераспространенным тираж в новую красочную обложку, выполненную преподавателем Омского художественно-промышленного училища...»

Следовательно, А. Высоцкого «подвела» новая обложка старой книжки, изданной еще в 1917 году. Но и в статье Е. Беленького не все убедительно. Дело в том, что цикл «Алтай» складывался постепенно. Поэт в Горном Алтае бывал и до 1915 года, об этом свидетельствуют многие факты. Например, в журнале «Сибирские вопросы» за 1906 год было напечатано стихотворение «Катунь». Публикация имела подзаголовок «Из песен об Алтае», указывающий на цикличность. Это, по всей вероятности, одно из первых стихотворений Г. Вяткина о Горном Алтае. Поэт, говоря о вечном движении, создает великолепный образ красавицы Катунь: «И не устанет от вечного бега горной вершины и вечного снега буйная дочь!»

Стихотворение «В горах» было опубликовано тоже до 1915 года «Ты помнишь наши горы, утесов длинный ряд, извивы и обрывы, и шумный водопад? Ты помнишь эдельвейсы, альпийские цветы? Мы шли тропинкой горной...» Это, во-первых. Во-вторых, алтайские стихи Г. Вяткина печатались не только в «Сибирских записках», но и в «Ежемесячном журнале», «Русском богатстве», «Вестнике Европы», «Сибирских вопросах» и во многих сибирских изданиях.

Критик Е. Беленький пишет: «Недолго пробыл на алтайской земле Г. Вяткин, но доброй памятью останется его «Алтай». Живущим на «золотой горе» он по-своему открывает ее «царственную ширь», не побывавших здесь будет манить к нетающим ее белкам и бурным рекам». В Горном Алтае Г. Вяткин бывал довольно часто, о чем свидетельствуют его стихи и рассказы, написанные поэтом в разные годы. Было бы правильнее сказать, что поэт в течение всей творческой жизни интересовался Алтаем, подолгу жил в его долинах, дружил с алтайской творческой интеллигенцией, в частности с Г. Гуркиным, переводил алтайские песни и сказки. Таким образом, путь к сборнику «Алтай» был довольно долгим и упорным.

Итак, в 1917 году в Омске Г. Вяткин выпустил сборник лирики «Алтай», целиком посвященный Горному Алтаю. Автор включил в книгу 17 стихотворений. Безусловно, не все они равнеценны в идейно-художественном отношении.

Часть стихотворений из омского сборника впоследствии переиздавалась. Е. Стюарт, составляя книгу Г. Вяткина «Стихи» (Новосибирск, 1959), включила в нее из алтайского цикла такие произведения: «Бабырган», «В травах», «Катунь», «В тумане», «Белки», «Долина», «Предзимнее». Составителем отобраны лучшие стихотворения поэта, входившие в сборник «Алтай».

Некоторые алтайские стихи недостаточно выразительны, они не представляют свежего взгляда на природу Горного Алтая, в них Г. Вяткин не сумел найти достоверные и колоритные детали. Это «В горы», «Горное озеро», «Змея», «Тихим вечером», «Золотая осень». Для подтверждения мысли приведем такие строки:

В дымке нежно-сиреневой
Дремлют горы вдали.
Все просторы земли —
В дымке нежно-сиреневой.

В небе вечер задумчивый
Зажигает огни.
Мы в долине одни
В этот вечер задумчивый.

С технической стороны стихи выполнены безукоризненно, отличаются музыкальностью, подчеркнутой повторами первой и четвертой строк. Но в них не угадывается душа Горного Алтая, поэтому не найдены краски, которые соответствовали бы дикой и величественной красоте Алтайских гор. Подобное явление вполне объяснимо: поэт еще не сумел художнически освоить этот мир, т. е. автор идет не от самого Алтая, о котором пишет, а от своего субъективного мировосприятия.

В отдельных стихотворениях встречаются удачные строки, строфы, свидетельствующие о зоркости поэтического видения. Не может не восхищать почти научная точность слов, сказанных поэтом о горе: «Бабырган — повелитель ветров». Это и свежий образ, и деталь емкая и точная по содержанию. Современные ученые-метеорологи считают, что действительно направление ветров во многом зависит от горы Бабырган, находящейся в нижней части Катунской долины. Гора как бы оберегает город Горно-Алтайск от сильных степных ветров и бурь.

В стихотворении «Как птица лесная, как горная лань» рядом со стершимися словами типа «Полно мое сердце лучистой мечтой и бьется, так страстно вскипая» появляются энергичные строки:

Играет и бьется и плещет река,
Вся в пене сверкая и тая,
И медлят в полете своем облака
Над царственной ширью Алтая.
Мне любо под солнцем. Мне весело знать,
Что ветру за мной не угнаться;
Над пропастью страшной бесстрашно скакать
И буре в лицо улыбаться...

Точные и зримые штрихи найдены поэтом в стихотворении «В травах»:

И с каждым шагом гуще, выше,
Пышнее заросли травы,
И вот над их сплетенной крышей
Уж не поднять мне головы.

А дальше — каменные кручи
И веющий гнилым теплом
Сырой, трухлявый и дремучий,
Непроходимый бурелом.

Поэт использовал четырехстопный ямб, но его ритмико-интонационный рисунок самостоятелен, за каждой строкой угадывается точное знание предмета, о котором идет речь.

Стихотворения «Катунь», «В тумане», «В глуши» отличаются целостностью чувств и мыслей, запечатленных в слове. «Катунь», представляющая из себя сонет, по мнению критика Е. Бсленького, «останется непревзойденным поэтическим словом о Катунь». Действительно, Г. Вяткин нашел емкий образ:

Под шум лесов, немолкнувший года,
Летят ее бесчисленные кони
И отдыха не знают никогда.
Вспененные, с мятущеюся гривой,
То тяжело, то ласково-игриво,
Сбежав к степям, шумят у берегов.

Г. Вяткин в своих стихотворных зарисовках природы Горного Алтая стремится не только запечатлеть мимолетное, но и выразить интересную мысль. Лирический подтекст есть и в пейзаже, который поэт назвал «В тумане»:

Ненастье и сумрак. И горы угрюмы.
Ты брови седые нахмурил, Алтай,
И тягостно думаешь горькие думы...
Грустишь ли о прошлом? Иль сетуешь гневно?
Считаешь ли годы свои? Не считай.
Ты древен, но юн красотой неизменной...
Одно лишь мгновенье — об острые кручи
Порвутся туманы, и даль заблестит,
И ты улыбнешся, веселый, могучий!
И рек твоих струи расплещутся звонко,
И ветер хвалою тебе зазвучит...
О, царь величавый — с душою ребенка!

Алтай — это сочетание величавых и нежных красок, суровости и мягкости, царской гордости и наивности ребенка. Форма сонета будет использована и последующими поэтами П. Казанским, К. Худяковым, писавшими о Горном Алтае.

Характерно и важно то, что Г. Вяткин в стихотворении «В тумане», представляющем раздумье, согретое теплым чувством, и интересом по мысли, выразил свою мечту и свою веру в тот день, когда и над Алтаем «даль заблестит», и Алтай, «величавый, с душою ребенка», улыбнется.

В стихотворении «В глуши» Г. Вяткин показал природу суровой и страшной:

Какая глушь! На камни встали камни,
И вздыбились утесы на утес.
И нет пути. И всюду мох пророс,
Сухой, как пыль, невыразимо давний.

Лирический герой, видя грозную пропасть, от которой «тоской и жутью веет», слыша «серебряную трубу» марала, невольно задумывается о вечном:

Я прижимаюсь к камню головой,
И страшно мне, и холодно, и сирое...
...Быть может, сотворенье мира
Еще, господь, не кончено тобой?

У Г. Вяткина в алтайских стихах дореволюционного периода обнаруживается, пусть еще слабая, но связь с устной поэзией гор. Это проявляется и в том, что в стихотворениях «Полнолуние», «Долина» дан образ алтайского сказочника и певца, и в том, что отдельные строки перекликаются с алтайскими народными песнями. Это в первую очередь относится к стихотворению «Белки», напоминающему алтайскую «Песнь о разорении Алтая», в которой есть строки:

Когда посмотришь (на Алтай) сверху,
Хан-Алтай кажется треугольным.
Ежели взглянешь на него со стороны,
Девятигранным кажется Хан-Алтай...

Образ величественного Алтая у Г. Вяткина нарисован в духе алтайских народных песен, для которых характерен риторический вопрос:

Что горит на заре, как кровавый рубин,
Над просторами гор и долин?
Хан-Алтай, не белки ли твои?
Что сияет в горячий полуденный час,
Как огромный бесценный алмаз?
Хан-Алтай, не белки ли твои?

В алтайском цикле Г. Вяткина чаще всего природа показана объективированно, авторское отношение заключено в самом характере образов, картин природы. Иногда, правда очень редко, поэт дает выход своему лирическому чувству («В глуши»). Но алтайская природа изображается Г. Вяткиным живой, очеловеченной.

В отдельных стихах поэта появляется человек («В июле», «Полнолуние», «Долина»):

Ни ветерка в лощине раскаленной.
Слепящий зной, спокойствие и лень.
Вхожу под своды юрты закопченной,
Приветствую хозяина: — Езень!

Поэт не раскрывает мыслей и дум этого человека, но выделяет только одну его черту — гостеприимство: хозяин закопченной юр-

ты подает гостю «напиток дня: душистый и манящий, чуть опьяняющий кумыс».

В стихотворениях «Полнолуние» и «Долина» человек уже более определен — это кайчи, сказитель, певец былин, как говорит в своем примечании Г. Вяткин. Лирический герой слушает песню кайчи и чувствует, что «ночь — сказка, ночь — легенда о былом», что древний голос певца и эта алтайская лунная ночь навсегда останутся в памяти, потому что «минувшее бессмертно на земле».

В стихотворении «Долина» образ народного певца углубляется, становится более определенным и рельефным:

Остановись! Тайга теперь за нами.
Ночуем здесь. Расседывай коней.
Вечерний час задумчив и прохладен,
Серп месяца прозрачен и остер,
А даль во мгле... Из синих горных впадин
Ползет туман. Но мы зажжем костер.
Как сладко пахнут травы полевые.
Как будет тлеть, пылать огонь в ночи!
И запоем про чудеса былые
Наш проводник, певец былин — кайчи.
Он будет петь и плакать, и качаться,
Склоняясь ниц седою головой.
И станет нам еще живым казаться,
Что умерло и поросло травой.
А на рассвете ветер благовонный
Пахнет дымком из чьих-то близких юрт,
И медленно долиной полусонной
На перевал пройдет овечий гурт.

В приведенном стихотворении образ человека более конкретизирован. В самом произведении намечен переход от романтизма к реалистическому типу изображения, о чем свидетельствуют многочисленные детали, конкретные реалии этого стихотворения.

В журнале «Сибирские записки» (1916) было опубликовано пять стихотворений Г. Вяткина из цикла «Алтай»: «Бабырган», «На перевале», «Каменные россыпи у Манжерожа», «Змея над водопадом», «Белки». Особенно интересно стихотворение «На перевале», в котором поэт говорит о судьбе алтайского народа:

Иду вослед испуганному зверю,
Гляжу на кряж, кровавый от зари.
На темь лесов — и чувствую, и верю:
Когда-то жили здесь богатыри.
Теперь их нет. Как ветхие обломки
Могучих скал, как прах великих гор —
Их жалкие, бессильные потомки...
Но в наши дни кто бросит им укор?
Их жизнь была чем дальше, тем трудней:
Приниженной, бесславной, подневольной...
О, Хан-Алтай, как радостно и больно
Им вспоминать твоих богатырей.

В строках, энергичных и мускулистых, заключен большой смысл: перед глазами читателя проходит целая история алтайского народа. Стихотворение было напечатано в 1916 году, приближалось время, когда алтайцы будут не только вспоминать своих богатырей, но и сами в семье братских народов сделают богатырский шаг из тьмы к свету.

В том же журнале за 1917 год напечатано два стихотворения из цикла «Алтай»: «Тихим вечером», «В лунную ночь», к которым была сделана приписка: «Лето 1915 г. Улала-Манжерок-Чемал». Стихи эти входили в анализируемый сборник.

В творчестве Г. Вяткина по сравнению с И. Тачаловым, П. Дравертом намечаются такие тенденции, которые будут продолжены лирическими поэтами советского периода И. Ерошиным, И. Мухачевым. Это касается изображения в лирической поэзии инонационального характера.

Алтайские стихи Г. Вяткина, сочетающие «пластичность словесной живописи с лиризмом влюбленного в край человека, топографическую точность со свободой нескованного чувства», — интересная страница в поэтической летописи Горного Алтая, получившая высокую оценку критиков и литературоведов.

Исследователь В. Трушкин дает самую добрую оценку вяткинским алтайским стихам, считая алтайский цикл «одним из лучших в лирике Вяткина». Критик пишет: «Великолепны по художественной законченности, чистоте и строгости формы стихи об Алтае». Разумеется, что это нельзя отнести ко всем стихотворениям алтайского цикла, среди которых встречались довольно слабые вещи, но в целом оценка творчества Вяткина представляется верной и объективной.

Алтайские стихи Г. Вяткина свидетельствуют об одной интересной особенности: поэзия, соприкоснувшись с инонациональной действительностью, обогащается самобытными, свежими красками, как бы заново рождается, поднимается на новый качественный уровень. Эта закономерность проявляется и в творчестве других поэтов в дооктябрьский период и советское время.

Г. Вяткин чувствовал и понимал, что его стихи, его творчество являются предтечей более значительного. Это свое чувство поэт выразил в стихотворении «И. Тачалову»: «Нет, мне не жаль, что наши речи умрут бесследно и навек: мы не пророки, мы предтечи пред тем, чье имя человек. Мы — только бледные намеки на тех, которые придут и неразгаданные строки, как откровение, прочтут». Это было честное признание, высказанное поэту, который и сам тоже был одним из скромных певцов Горного Алтая.

Алтайская тема в творчестве Г. Вяткина будет продолжена и в советское время, когда поэт выпустит отдельную книжку алтайских сказок, опубликует ряд стихотворений и переведет не-

сколько алтайских народных песен, в которых писатель предстанет как человек, хорошо знающий инациональную действительность, быт, нравы, фольклор алтайского народа.

* * *

В русской поэзии дооктябрьского периода, посвященной Горному Алтаю, преимущественно развивается пейзажная лирика. Это было характерно для Н. Ядринцева, Г. Гребенщикова, П. Драверта, И. Тачалова, Г. Вяткина, П. Казанского, А. Пиотровского... Явление это вполне объяснимо: во-первых, мир природы был более доступен для поэта, чем мир человеческой души; во-вторых, в сибирской поэзии наиболее сильной и развитой традицией оказывалась та, которая связана с воспеванием природы.

В русской поэзии с алтайской темой звучат и социальные мотивы, правда, они не всегда достаточно четко развиты и доведены до логического конца. Социальная направленность присуща стихам Н. Ядринцева, Г. Гребенщикова, И. Тачалова, Г. Вяткина, П. Казанского. Эти поэты не были глухими к общественно-политическим проблемам своего времени.

Русские поэты, изображая инациональную действительность, для большей яркости и для создания местного колорита довольно часто обращались к сокровищнице алтайского фольклора, используя его в своих произведениях с разнообразными идейно-художественными функциями. Это характерно для стихов и поэм Г. Гребенщикова, Г. Вяткина, Г. Крекнина и других.

В дооктябрьский период складывается традиция перевода устной поэзии алтайцев, в частности фольклорных произведений в стихах. Например, переводами и пропагандой алтайских народных песен занимались Н. Ядринцев, Г. Гребенщиков, Г. Вяткин, П. Казанский и другие, т. е. развивали одну из важнейших форм русско-алтайских литературных связей.

Русская поэзия о Горном Алтае давала интересный материал в области поэтики. Следует отметить, что русские поэты в своих стихах использовали разнообразное строфическое построение (двустихие, трехстишие, четверостишие, сонет и т. д.), расширяли возможности ритмико-интонационного звучания стиха. Палитра изобразительно-выразительных средств отличалась свежестью, оригинальностью, алтайским колоритом.

Таким образом, русская поэзия с алтайской тематикой создала благоприятную почву для последующего развития благородной традиции, отмеченной духом взаимопонимания между народами, духом братской солидарности и интернационализма, что проявилось в поэзии И. Ерошина, И. Мухачева.

Дорога к правде

Алтайская тема в дооктябрьский период находила достойное отражение в стихотворениях, поэмах, очерках, рассказах, повестях, романах прозаиков и поэтов Николая Ядринцева, Николая Наумова, Вячеслава Шишкова, Владимира Бахметьева, Георгия Вяткина, Ивана Тачалова, Георгия Гребенщикова, Антона Сорокина, Александра Новоселова, чьи произведения были хорошо известны великому пролетарскому художнику слова М. Горькому.

Характеристика деятельности М. Горького как организатора и собирателя литературных сил России в годы русской революции и в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции обычно в учебной и критической литературе ограничена кругом известных писателей. Но великий художник слова оказал значительное влияние на формирование и рост литературы Сибири.

Взаимоотношениям М. Горького с писателями-сибиряками посвящены отдельные работы советских литературоведов С. Кожевникова, Е. Беленького и др. Новые факты, характеризующие связи М. Горького с литературной Сибирью, опубликованы в «Литературном наследстве Сибири» (ЛНС, Новосибирск, 1969). В первом томе этого полезного и перспективного издания напечатаны письма М. Горького к литераторам И. Тачалову, А. Новоселову, Г. Гребенщикову, раскрывающие некоторые стороны творческих взаимоотношений сибиряков с великим писателем.

М. Горький в оценке произведений сибирских литераторов был справедливым и объективным. В письме от 7 ноября 1912 года к Г. Гребенщикову, который готовил свою первую книгу к изданию, он писал: «Книгу свою Вы — на мой взгляд — торопитесь издать, подождали бы лучше. Успех она едва ли будет иметь в наши дни, когда требования к форме литературного произведения стоят очень высоко. В 1913 году сборник «В просторах Сибири», первая книга Г. Гребенщикова, увидел свет. По этому поводу М. Горький писал: «Получил Вашу книжку, внимательно прочитал — и беру свои слова назад: книга хорошая, очень свежая,

а потому — она своевременна, и я желаю ей множества читателей, юных и крепких». Одновременно М. Горький критикует слабые рассказы («Набожный», «Свора», «В сумерках», «Опора», «Пришельцы»), отмечает лучшие произведения: «В полях», «На лыжах», «Весною», — это очень хорошо сделано, любовно, чисто, скромно. Да и все остальное — недурно, я искренне поздравляю Вас, сердечнейше желаю Вам бодрости духа и сил».

Переписка М. Горького и Г. Гребенщикова включала в себя проблемы творческие и раскрывала какие-то черты характера писателей, атмосферу их взаимоотношений. Например, из письма Г. Гребенщикова от 23 января 1913 года узнаем и о таких подробностях: «Меня все терзает мысль: неужели Вам не удастся посмотреть Сибирь и особенно Алтай? Я не теряю надежды, что в качестве «проходящего» Вы придете к нам в горы и увидите, что это за величие дикой красоты... Может быть, и удастся мне искусить Вас... С Евг. Алекс. (Ляцким) мы уже изыскали способы, как бы обрядить Вас, чтобы Вы сошли за какого-либо «ходока» или старовера-искателя «Беловодья». На что М. Горький отвечал: «На Алтай я, должно быть, не попаду. Куда мне ездить?»

Г. Гребенщиков знакомил в своих письмах М. Горького с литературной жизнью Сибири, с делами литераторов Алтая. В письме от 22 июня 1913 года есть строки: «Готовится у нас к изданию алтайская книжка. Думаем печатать ее в Петербурге. Материал собран, и книжка должна быть чистенькая, кое-какое представление можно составить о нашем Алтае. Когда выйдет в свет (вероятно, в октябре), я немедленно же Вам на суд пошлю экземпляр. Называться она будет «Алтайский альманах». Гуркин нарисовал обложку и часть заставок. Участвуют еще 2-е молодых художников. Судьба книжки очень меня занимает, и я теперь все волнуясь, убеждаю Вершинина, издателя «Ж(изни) А(лтая)», не скупиться, печатать в Петербурге, а не в своей барнаульской типографии».

В «Алтайском альманахе» было представлено творчество В. Шишкова, В. Бахметьева, А. Пиотровского, А. Семенова, Г. Гребенщикова и других прозаиков и поэтов, связанных с Алтаем, т. е. в основном тех литераторов, которые хорошо известны М. Горькому по другим публикациям и по рукописям.

М. Горький, буреветник русской революции, поддерживал все светлое, революционное в литературе и искусстве. Он ратовал за жизнеутверждающее искусство и поддерживал эти ростки нового. Убедительным примером в этом отношении является статья «О писателях-самоучках», написанная в 1910 году и опубликованная в журнале «Современный мир» (1911, № 2). В ней великий пролетарский писатель говорит, что «в русском народе рождается идея и как раз та, которая может духовно выпрямить его,

именно: идея активного отношения к жизни, к людям, к природе».

С точки зрения М. Горького таким носителем «активной идеи» был поэт-самоучка, рабочий из Барнаула, участник революционных событий 1905 года в Сибири Иван Тачалов. Ко времени переписки с Горьким он — автор стихотворной книги «Аккорды мысли» (1910). Великий пролетарский писатель приводит в своей статье отрывок из биографии сибирского поэта и четыре стихотворения. Одно из них «К букве» кончается таким четверостишием:

Мысль и руки понемногу
В побежденной полумгле
Строят верную дорогу
К царству правды на земле.

Строки, полные веры и оптимизма, написанные «человеком страшной жизни», М. Горький приводил в противовес мистицизму и фатализму буржуазной интеллигенции. Это хорошо понимал сам Тачалов. В его письме к пролетарскому писателю от 15 декабря 1911 года есть такие слова: «Читал Вашу статью «О писателях-самоучках» и очень гордился, поняв, что Вы это использовали в пику духовной расшатанности интеллигенции, противопоставляя нас как носителей возрождения духа бодрости и веры в торжество грядущего царства истины; нас — сохраняющих под кошмарной тяжестью страданий — зародыш Прометеева огня...»

В мрачную пору реакции звучала лира поэта-рабочего. По выражению М. Горького, это был «необычный голос, необыкновенные слова в то время». Горьковская поддержка для Тачалова была помощью «гиганта, взволновавшего до дна глухое болото жизни», она вселила в него новые силы, веру в жизнь, в себя стремление к борьбе. Пусть Тачалов не смог развить свое дарование, но роль его, как писал Горький в предисловии к книге «Страшная жизнь», «интересна и значительна». Это был один из мужественных представителей пролетарской литературы.

М. Горький ратовал за литературу высоких и облагораживающих человека идей, помогал создавать сибирякам идейно и художественно полноценные произведения. В своих письмах к сибирякам Горький выражал революционные идеалы и призывал своих товарищей по перу встать на путь революционной борьбы. Литература и искусство, по мнению пролетарского писателя, должны быть всегда активными, должны быть пронизаны чувством «бодрости, любви к жизни, к человеку».

В этом убеждают письма М. Горького, адресованные сибирскому поэту и беллетристу Георгию Вяткину, печатавшемуся в дореволюционное время в столичных журналах «Русское богатство», «Вестник Европы», «Современник», «Летопись» и других. В 1912 году в Томске издательством газеты «Сибирская жизнь» была выпущена книга стихов Вяткина «Под северным небом»,

в которую вошли стихи революционных 1905—1906 годов. Поэт пишет, что он послал ее «буревестнику революции — как скромный дар уважения и любви».

М. Горький, прочитав книгу сибирского поэта, написал автору ее теплое письмо. Он отмечал несамостоятельность творческой манеры Г. Вяткина, его зависимость от Бальмонта и Достоевского. «Вы еще не самостоятельны, — писал Горький. — Вы как будто еще не решаетесь пойти своим собственным путем, на Ваших стихах чувствуется влияние Бальмонта, и порою Вы все внимание устремляете на музыкальность и звучность, но ведь что такое Бальмонт? Это колокольня высокая и узорчатая, а колокола-то на ней все маленькие... Не пора ли зазвонить в большие?»

В письме пролетарский писатель указывает на формальную несамостоятельность поэта, подвергает критике философскую основу некоторых стихов Г. Вяткина, находившегося тогда под влиянием «мрачной философии» Достоевского. Горький протестует против воспевания страдания и в то же время отмечает, что «целый ряд... стихотворений проникнуты совершенно другим чувством».

Молодой автор искал свой собственный голос, упорно освобождался из-под влияния Достоевского. Свежестью и бодростью чувства дышали стихи Г. Вяткина: «Грядущему», «Знамя», «Нас много, как волн в океане безбрежном», «Гроза близка... с громами бури», «Верую!» и др.

По своему настроению стихи близки М. Горькому, сказавшему Г. Вяткину слова, выражающие идейно-эстетическую программу автора «Песни о Буревестнике»: «До сих пор мы только жаловались и стонали, не замечая, как щедрa и богата жизнь и какую прекрасной мы можем ее сделать, если только захотим. Надо звать к жизни, надо ясно почувствовать и осознать свою связь с природой, а главное, с великим человеческим коллективом, и тогда мы станем бодрыми, сильными и будем хозяевами жизни, а не рабами ее».

Хозяйским отношением к жизни, предчувствием больших перемен в стране пронизано стихотворение Г. Вяткина «Верую!», входившее в книгу, которая была послана М. Горькому. Стихи заканчиваются строками:

Верую в радость и счастье для всех,
Верую в эти земные просторы.
Верую: силой твоей, Человек,
Жизнь безотрадную, пошлую, серую
Преобразишь ты навек...
Верую!

Так великий писатель дал молодому поэту наглядный урок, в яркой и убедительной форме указал то направление, в кото-

произведения. М. Горький в письме от 8 августа 1913 года указывал А. Новоселову: «Вам... необходимо обратить серьезное внимание на язык, на стиль, — это у Вас совершенно не выработано».

М. Горький, анализируя новоселовский рассказ «Сто рублей», обращает внимание молодого писателя на витиеватость изложения («Приемы письма староваты, теперь уже так не пишут»), тут же советует: «Пишите проще, точнее...» Далее он оттеняет мысль, что в литературном произведении многое зависит от языка, художественной формы: «Избегайте отрывочных фраз, они не красивы, добивайтесь красоты и музыкальности фразы». Великий художник слова видел у молодого литератора богатство и свежесть жизненного материала и понимал, что на этом этапе для писателя особенно важна работа над словом, стилем, художественной формой.

Повесть А. Новоселова «Беловодье», являющаяся лучшим произведением сибирского писателя, привлекла внимание М. Горького свежестью жизненного материала, но и в этом произведении были еще недочеты, которые требовалось устранить. М. Горький советовал: «Но, может быть, те заметки, которые я успел сделать, помогут вам придать ей большую внутреннюю стройность, свежесть, образность, а главное — изменить ее общий тон, лишенный плавности спокойного рассказа. Ведь вы изображаете людей, мыслящих медленно, чувствующих тяжело, а не городских невращенников, людей с душой, изорванной в клочья, чьи мысли скользят по поверхности явлений. Ваша повесть о суровых людях требует эпического спокойствия, внутренней сжатости».

М. Горький обращает внимание писателя-сибиряка на отдельные просчеты в художественной форме, в частности на язык и на композицию повести. Не известен характер замечаний, сделанных горьковской рукой на полях новоселовской рукописи, но ясно основное направление, которое могло принести писателю истинный художественный успех. «Внутренняя стройность, сжатость, образность», «плавность» повествования, «эпическое спокойствие» — вот главные признаки, которые могут и должны определить идейно-художественную ценность новоселовского произведения с точки зрения М. Горького.

Письма М. Горького к А. Новоселову — еще одно убедительное свидетельство внимательного отношения к судьбе одаренного писателя, яркий пример творческой требовательности. Для человека, обладающего литературным даром, знающего хорошо жизнь, овладение тайнами художественного мастерства становится первостепенной задачей. Как раз на это и обращает внимание А. Новоселова в своих письмах М. Горький.

Для М. Горького была близка судьба малых народов, населяющих просторы Сибири. Характерно, что большинство писателей,

связанных с Горьким, в своих произведениях остро критиковали национальную политику царизма в Сибири. Горькому, писателю-интернационалисту, импонировала тема малых народов в творчестве сибиряков.

Рассмотрение произведений сибирских литераторов с инонациональной тематикой позволило М. Горькому поставить ряд специфических проблем: создание национального характера, использование русскими художниками слова инонационального фольклора и этнографии, введение в художественный текст экзотической лексики и т. д.

Важнейшей проблемой современного литературоведения является исследование творческих взаимосвязей и идейно-эстетического взаимодействия литератур нашей страны. Истоки этого взаимодействия уходят в далекое прошлое. Формы взаимосвязей культур могут быть самыми различными. Изображение в русской литературе жизни другого народа, использование русскими писателями отдельных элементов инонациональной культуры с определенными идейно-художественными задачами — тоже формы взаимодействия.

Великий пролетарский писатель всегда советовал литераторам-сибирякам внимательно изучать жизнь и культуру малых народов, которые «тысячелетия жили, как немые, без грамоты, без письменности». В беседе с поэтом Георгием Вяткиным М. Горький признавался: «Один из ваших сибиряков назвал свой очерк «Лицо моей родины». Хорошо. Лучше не придумаешь. А многие ли знают лицо своей родины? Я встречал таких интеллигентов, которые, право, больше знали Китай, чем Россию. А уж в отношении окраин и малых народностей мы совсем невежественны... Нам, литераторам, это сугубо непростительно».

А. Новоселов, автор очерка «Лицо моей родины», часто изображал в своих произведениях жизнь казахского и алтайского народов, хорошо знал их обычаи и фольклор.

М. Горький прекрасно понимал, что лучшие представители сибирской интеллигенции много сделали и делают по изучению народов, живущих на огромных пространствах Сибири. В этом отношении, по мнению великого писателя, значительные заслуги Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, что и отмечалось в соответствующих горьковских высказываниях.

В одном из писем к начинающему писателю М. Горький утверждает: «Суждение Ваше о плохом, сравнительно с англичанами, знании нами Востока не совсем правильно. Прежде всего надобно помнить, что Англия овладела Востоком намного раньше, чем царская Россия, но и последняя, в рядах своих исследователей его, имеет крупные имена: Пржевальского, Потанина, Грум-Гржимайло, Козлова и других».

Тема малых народов в дореволюционный период находила отражение в творчестве писателей-сибиряков В. Шишкова, В. Бахметьева, Г. Гребенщикова, А. Сорокина, А. Новоселова, А. Семенова, И. Тачалова, Г. Вяткина, которые были связаны с М. Горьким.

Интересно проследить некоторые тенденции, связанные с изображением жизни сибирских народов, в творчестве писателя-сибиряка Георгия Гребенщикова. Он как литератор формировался под непосредственным влиянием М. Горького, с которым не только переписывался, но и неоднократно встречался. Вот что писал ученому и путешественнику Г. Н. Потанину Г. Гребенщиков от 14 сентября 1911 года: «Максиму Горькому я послал 8 печатных рассказов и две рукописи. Обе рукописи он передал в «Современник», а из 8 — пять рассказов похвалил и просил прислать ему все мои рассказы для издания сборника... Не преждевременно ли пользоваться этим лестным предложением? Горький упрекает меня в несовершенстве языка и советует «учиться до смерти».

Великий пролетарский писатель указывал Г. Гребенщикову на необходимость «учиться до смерти» и в других письмах. Г. Гребенщиков обязан М. Горькому многим. Его быстрый творческий рост находился в прямой зависимости от автора романа «Мать», ибо М. Горький не только говорил приятное, но и умел критиковать, дать товарищеский совет. Немало рассказов и повестей Гребенщикова прошло через умные руки Горького. Правда, Гребенщиков не всегда с должным пониманием принимал критические замечания Горького, вступал в полемику с великим писателем, высказывал суждения, в которых сам потом каялся и которые сам подвергал пересмотру, т. е. в конечном итоге соглашался с горьковским суждением, объективным и справедливым.

Оценивая творчество Г. Гребенщикова, М. Горький раскрывает сильные и слабые стороны сибирского писателя в изображении жизни другого народа, в освоении инонационального фольклорно-этнографического материала и выражает свое отношение к созданию национального характера, к изображению представителей другого народа.

Первое крупное произведение Г. Гребенщикова, опубликованное в столичной печати, — повесть «Ханство Батырбека». В 1912 году он ее послал М. Горькому, являвшемуся тогда редактором литературно-художественного и критического отдела журнала «Современник». Произведение было интересным, но нуждалось в доработке. Горький вернул автору повесть с пометками на полях. Вместе с рукописью послал обстоятельное письмо, в котором проанализировал плюсы и минусы повести «Ханство Батырбека».

В повести центральный образ Батырбека выписан Г. Гребенщиковым не столько в общечеловеческом, сколько в этнографи-

ческом плане, т. е. писателю не удалось проникнуть в психологию изображаемого человека, в его национальный характер. Это вызвало справедливые нарекания со стороны М. Горького. Он писал: «Мы с Вами о чем заботимся, над чем бьемся? Не хотим ли мы убедить мир — «ты еси един», все твои скорби, муки, надежды, желанья — одинаковы на всех точках планеты нашей? Верно? Вот Вам высота, с которой жизнь Батырбека становится столь же интересна и поучительна, как Ваша, моя, жизнь культурного француза и т. д.».

М. Горький, давая оценку главному образу повести Г. Гребенщикова «Ханство Батырбека», исходил из того, что художественная литература есть человековедение, и она должна изображать «человека со всем разнообразием его духовной жизни, со всеми противоречиями его чувствований и мыслей». Внимание же автора повести было переключено на внешние признаки образа, им была слабо показана внутренняя жизнь человека другой нации, не раскрыта его психика во всей ее диалектической сложности.

Фольклорно-этнографический материал у Г. Гребенщикова часто не вращал органично в художественную ткань, а жил своей самостоятельной, обособленной жизнью, не завися от создаваемых инонациональных характеров. На этот пробел писателю указывал М. Горький: «Первые пять глав «Ханства» — жидковато написаны, и Вы сделаете очень хорошо, если — по возможности — сократите их. Будьте уверены, что эти сокращения могут весьма улучшить рассказ, в общем — интересный, но — местами — слишком этнографичный. Бытовое очень любопытно, но оно важнее там, где в частном-бытовом Вы сумеете подметить и показать мне, читателю, — мировое, общечеловечье».

М. Горький был прав в оценке этнографического материала в повести Г. Гребенщикова, потому что его повесть действительно перегружена бытовыми деталями, через которые не показано «мировое, общечеловечье», вернее, показано слабо. Это, во-первых. Во-вторых, М. Горький выступал не вообще против этнографии, а против неумелого, нехудожественного использования бытовых деталей другого национального уклада.

Г. Гребенщиков не обладал достаточными знаниями о жизни и быте народов Сибири, поэтому ему редко удавалось создать инонациональные характеры, правдиво изобразить полную противоречий жизнь другого народа, выявить в бытовом «мировое, общечеловечье», потому что его произведениям на инонациональные темы недоставало широты взгляда, глубины осмысления специфического материала.

Отсюда представители алтайского народа часто не изображены писателем «изнутри», как советовал М. Горький, а показаны лишь с позиций стороннего наблюдателя. Естественно, что

инонациональные характеры раскрыты недостаточно убедительно.

Отсутствие четкого идейного замысла мешало художественному осмыслению инонационального материала не только Г. Гребенщикову, но и А. Семенову. Его повесть «Белый Бурхан» в свое время была одобрена М. Горьким. Он в письме к Г. Гребенщикову в феврале 1913 года отмечал: «Рассказ Семенова, кажется, пойдет в одной из летних книжек «Современника», но я в этом не уверен и на днях дам более определенный ответ».

М. Горький был очень внимателен к начинающим писателям и стремился поддержать каждого, в ком видел искру литературного дара, таланта. Видимо, повесть «Белый Бурхан», как и многие алтайские произведения Г. Гребенщикова, пришлась по душе Горькому в первую очередь потому, что в ней был исключительно интересный и своеобразный материал. Поэтому пролетарский писатель в письме к соредктору по «Современнику» Е. А. Ляцкому пишет: «Рассказ Семенова можно создать очень интересным, я попробую».

Составители сборника «Горький и Сибирь» С. Кожевников и А. Коптелов предположили, что речь в этих письмах идет об авторе «Белого Бурхана». Это предположение подтверждается новыми документами, обнаруженными нами. В одной из своих заметок Г. Гребенщиков писал о повести А. Семенова следующее: «Повесть была одобрена и проредактирована (разбивка наша — Г. К.) М. Горьким для «Современника», но по просьбе моей уступлена для «Алтайского альманаха».

Чем же привлекло это произведение пролетарского писателя? В первую очередь свежестью и богатством материала, своим романтическим пафосом, который особенно близок автору рассказа «Старуха Изергиль», трагической остротой сюжета.

М. Горький, понимая важность и актуальность разработки инонациональной темы в русской литературе, настраивая писателей на изучение и описание народов Сибири, подходил и к оценке алтайских произведений с высокими идейно-художественными критериями.

После Великого Октября алтайская тема разрабатывается многими сибирскими писателями, которые тяготели к М. Горькому, были с ним творчески связаны. Это Вс. Иванов («Алтайские сказки», «Партизаны», «Цветные ветра»), Е. Пермитин («Капкан»), В. Зазубрин («Горы»), А. Коптелов («Форпосты социализма»), В. Итин («Каан Кэрэдэ»), С. Марков... Творчество этих литераторов дает богатый материал для постановки новых теоретико-литературных проблем, материал о характере развития горьковской традиции в советской литературе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренный материал позволяет говорить о наличии русско-алтайских культурно-литературных связей в дореволюционное время, об их разнообразии и разносторонности. Культурный взаимообмен между русским и алтайским народами фактически охватывал все стороны жизни: экономику, литературу, искусство.

В XIX и начале XX веков развиваются формы русско-алтайских литературных взаимосвязей, как изображение алтайского народа в русской литературе, использование в произведениях русских писателей алтайского фольклора с разнообразными идейно-художественными целями, перевод произведений устной поэзии и алтайской письменной литературы на русский язык и перевод произведений русских художников слова на алтайский язык, личные контакты русских и алтайских писателей, переписка.

В. И. Ленин в статье «Успехи и трудности Советской власти» указывал: «Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем».¹ Основатель первого в мире социалистического государства ратовал за марксистское отношение к культурному наследию прошлого; не голое отрицание культурного прошлого, а удержание и продолжение всего положительного, что накоплено человечеством за тысячелетнюю историю. В. И. Ленин говорил: «...чтобы победа была полная и окончательная, надо еще взять все то, что есть в капитализме ценного, взять себе науку и культуру».²

Русская прогрессивная литература всегда боролась за доброе и гуманное отношение к народам, населяющим огромную территорию царской России, проповедовала идеи равенства, сотрудничества и братства между ними. Писатель-народник Н. Наумов, страстный публицист Н. Ядринцев, писатель-большевик В. Бахметьев, замечательный художник слова В. Шишков выражали в своих произведениях прогрессивные взгляды по национальному вопросу, выступали пропагандистами алтайской культуры, боролись за улучшение жизни алтайского народа, выступали против расовой дискриминации, проповедовали идеи равенства между людьми разных национальностей.

¹ В. И. Ленин. Соч. Изд. пятое, т. 38, с. 55

² Там же, с. 58—59.

Исходя из высказывания В. И. Ленина о классовом характере культуры в буржуазном обществе, мы должны отметить, что в развитии русско-алтайских литературных связей в дореволюционный период сыграли особенно значительную роль Н. Ядринцев, Н. Наумов, В. Шишков, В. Бахметьев, ибо с их творчеством связаны наиболее прогрессивные традиции освоения инонационального материала, традиции, отличающиеся подчеркнута яркой гражданственностью, острой публицистичностью. В изображении жизни алтайского народа участвовали и такие художники слова, которые стояли на либерально-буржуазных позициях и показали жизнь другого народа объективистски: Л. Блюммер (роман «На Алтае»), Г. Гребенщиков (повесть «Любава»), А. Семенов ((повесть «Ак-Бурхан»).

Исследованный литературный материал позволяет сделать вывод о формировании новой социалистической идеологии в творчестве отдельных писателей, связанных с Горным Алтаем, новых мировоззренческих принципов, которые лягут в основу нового художественного метода, метода социалистического реализма. Ближе всего к пролетарской идеологии, к принципам нового художественного метода были И. Тачалов и В. Бахметьев. Следовательно, и алтайский материал дает основание ставить проблему генезиса социалистического реализма.

Факторы, характеризующие взаимоотношения М. Горького и сибирских писателей, связанных с алтайской темой в дооктябрьский период, свидетельствуют, что формирование в русской литературе прогрессивных традиций в изображении инонациональной жизни, развитию пролетарской идеологии способствовал великий художник слова. Его письма, статьи, отдельные высказывания о сибирских ученых и писателях являются важными документами, ставящими не только эстетические, художественные проблемы, но и вопросы общественно-политического характера.

Дореволюционный период развития русско-алтайских литературных связей был ограничен социальными и национальными перегородками, существовавшими в то время между народами. Национальная политика царизма была направлена не на сближение наций и их культур, а на разжигание розни между ними. Заслуга русских писателей и ученых Н. Ядринцева, Г. Потанина, Н. Наумова, В. Шишкова, В. Бахметьева в том и состоит, что они наперекор царизму с общедемократических и гуманистических позиций проповедовали любовь, сочувствие и уважение к людям национальных окраин. Только в советский период создаются политические, экономические и культурные предпосылки для равноправного и поступательного развития литературы и искусства всех народов нашей страны, создаются необходимые условия для творческого сотрудничества национальных писателей.

27-00

~~70~~ коп.

ГОРНО-АЛТАЙСК · 1979